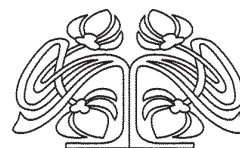

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия

Научный журнал
2016 Том 16
ISSN 1814-733X
ISSN 1819-7671

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

Издается с 2001 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Артемов В. Н.** Методология социального исследования институционального человека 365
- Беляев Д. А.** Культурная археология идеи сверхчеловека в образе человеческого первопредка 368
- Иванов Е. М.** Ф-зомби: как с ними бороться 374
- Каменщиков Д. А.** Образ и смысл семьи в райский период жизни человечества по учению богословов Восточной Церкви 378
- Корытина М. А.** Культурная глобализация: феномен, сущность, противоречия процесса 381
- Михайловский А. В.** Ранняя мысль М. Хайдеггера о технике: между критикой культуры и героическим реализмом 387
- Мокин Б. И., Мокина Н. В.** «Дионисический дух» в интерпретации Ф. Ницше и Ф. Сологуба 393
- Муратов А. В.** К вопросу об особенностях исламской экзегетики «тафсир аль люгавия» 399
- Позднева С. П.** В. И. Вернадский: биосфера, ноосфера и человек 402
- Секацкий А. К.** Эффект Шустерлинга (проблема времени у Канта и Даниила Хармса) 408
- Азаренко С. А.** Топологическое философствование и социальная коммуникация 412
- Кротов А. А.** Два источника философии (о концепции Анри Гуйе) 418
- Шапинская Е. Н.** Культурное наследие в (пост)современном ситискейпе: трансформация или деструкция? 423
- Губанова А. С.** Ценностные основания визуальности в обществе риска 431

Психология

- Бочарова Е. Е.** Содержательно-смысловые характеристики представлений старшеклассников о престиже профессии 435
- Орлова М. М.** Семейная поддержка в контексте внутренней картины болезни больных онкологическими заболеваниями репродуктивной системы 439
- Романова Н. М.** Групповая преступность подростков в современных зарубежных социально-психологических исследованиях 443
- Усова Н. В.** Взаимосвязь представлений о мире и субъективного благополучия личности 450
- Шамионов Р. М.** Структура адаптационной готовности личности 454
- Экедегва Р. О.** Социально-психологические детерминанты наркопотребления нигерийской молодежи 459

Педагогика

- Железовская Г. И., Рождествина А. А.** О некоторых проблемах внедрения инноваций в юридическом вузе 466
- Кириленко Н. П.** Формирование гражданской идентичности у подрастающего поколения: значение, структура, возрастные особенности 471
- Кутльев Ю. В.** Когнитивный механизм формирования готовности личности будущих офицеров внутренних войск МВД России к профессиональной деятельности 476

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56168 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36014, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Гаврина Марина Владимировна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Ковалева Наталья Владимировна

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя и редакции:

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 25.11.2016.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15,0).

Тираж 500 экз. Заказ 177-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2016

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегию серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- внешнюю рецензию, заверенную надлежащим образом по месту работы рецензента;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

– аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

– в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS

Scientific Part

Philosophy

- Artyomov V. N.** The Methodology of the Social Research of the Institutional Person 365
- Belyaev D. A.** Cultural Archaeology of Idea Overman in an Image of the Human Progenitor 368
- Ivanov E. M.** P-zombie: How to Deal with Them 374
- Kamenschikov D. A.** The Idea of Marriage in the Works of Eastern Orthodox Theologians 378
- Koritina M. A.** Cultural Globalization: Phenomenon, Essence, Contradictions of Process 381
- Mikhailovsky A. V. M.** Heidegger's Early Theory of Technology: between Cultural Criticism and Heroic Realism 387
- Mokin B. I., Mokina N. V.** The Dionysian Spirit in the Interpretation of F. Nietzsche and F. Sologub 393
- Muratov A. V.** To a Question about the Peculiarities of Islamic Exegesis «Tafsir Al Lyugaviya» 399
- Pozdneva S. P. V. I.** Vernadsky: Biosphere, Noosphere and Humans 402
- Sekatskiy A. K.** Shusterling's Effect (Problem of Time in Thought of Kant and Daniil Harms) 408
- Azarenko S. A.** Topological Philosophy and Social Communication 412
- Krotov A. A.** The Two Sources of Philosophy (Henri Gouhier's Conception) 418
- Shapinskaya E. N.** Cultural Heritage in (Post)modern Cityscape: Transformation or Destruction? 423
- Gubanova A. S.** The Value Grounds of Visuality in the Risk Society 431

Psychology

- Bocharova E. E.** Substantial-Meaning Characteristics Secondary-School Graduates' Representation to the Prestige of a Profession 435
- Orlova M. M.** Family Support in the Context of the Subjective Illness Appearance in Patients with the Reproductive System Cancer 439
- Romanova N. M.** Group Teen Crime in Modern Foreign Social and Psychological Research 443
- Usova N. V.** The Relationship of Beliefs about the World and Subjective Well-Being of the Individual 450
- Shamionov R. M.** Structure of Personal Adaptation Readiness 454
- Ekedegwa R. O.** Social and Psychological Determinants of Drug Abuse by Young People in Nigeria 459

Pedagogy

- Zhelezovskaya G. I., Rozhdestvina A. A.** About Some Problems of Introduction of Innovations at Legal Institute 466
- Kirilenko N. P.** Formation of Civil Identity Among the Younger Generation: Importance, Structure, Age Features 471
- Kutlyev Y. V.** Cognitive Mechanism of Forming an Officers' to Be to Personality Readiness to Professional Activity in the Interior Ministry Troops 476

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛОВ
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционного совета:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

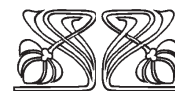
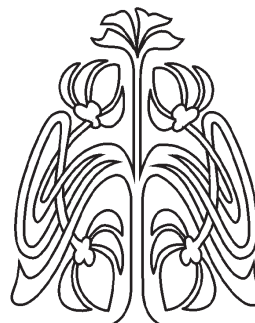
Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNALS
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Council:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

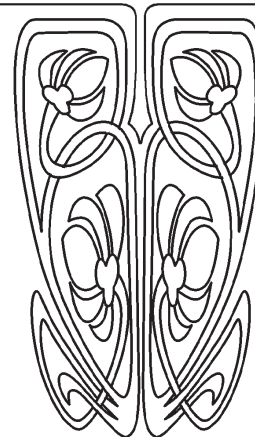
Usanov D. A. (Saratov, Russia)

Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

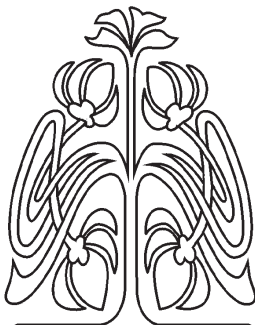
Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Богатырева Елена Николаевна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Афанасьева Вера Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Капичникова Ольга Борисовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Мокин Борис Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Позднева Светлана Павловна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рожков Владимир Петрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Турчин Геннадий Демьянович, кандидат пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фриауф Василий Александрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

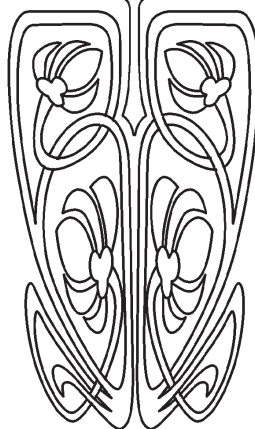
**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

Editor-in-Chief – Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Bogatyryova E. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Aksenovskaya L. N. (Saratov, Russia)	Listvina E. V. (Saratov, Russia)
Aleksandrova E. A. (Saratov, Russia)	Martynovich S. F. (Saratov, Russia)
Afanasyeva V. V. (Saratov, Russia)	Mokin B. I. (Saratov, Russia)
Balakireva E. I. (Saratov, Russia)	Orlov M. O. (Saratov, Russia)
Bosco G. (Michigan, USA)	Pozdneva S. P. (Saratov, Russia)
Friauf V. A. (Saratov, Russia)	Rozhkov V. P. (Saratov, Russia)
Frolova S. V. (Saratov, Russia)	Ryaguzova E. V. (Saratov, Russia)
Furmanov I. A. (Minsk, Belarus)	Shamionov R. M. (Saratov, Russia)
Gobozov I. A. (Moscow, Russia)	Turchin G. D. (Saratov, Russia)
Kalnoy I. I. (Simferopol, Russia)	Zhelezovskaya G. I. (Saratov, Russia)
Kapichnikova O. B. (Saratov, Russia)	

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1.316

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

Артемов Владимир Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры истории, Балашовский институт (филиал) Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vladimir-artemov@list.ru

В статье рассматриваются методология социального исследования институционального человека и возможность выработки универсальной методологии для междисциплинарных исследований человека и анализа социального бытия дисциплинарными науками. При разных подходах, но едином векторном направлении она, опираясь на онтологические и ценностные основания, отражает функциональное соответствие политики, права и культуры, согласованность интересов личности и общества, раскрывает специфический феномен порядочности. Через феномен порядочности раскрываются конкретные модели институционального человека. Синтезируя научное, философское и религиозное знание, методология социального исследования институционального человека позволяет корректировать тенденции развития социума с его историческими задачами, открывая новые горизонты и возможности познания современных реалий.

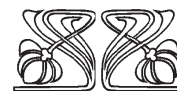
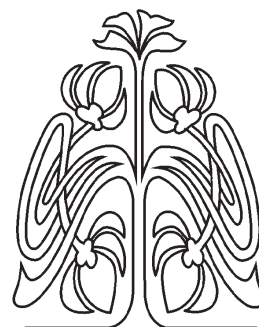
Ключевые слова: знание, институциональный человек, методология социального исследования, общество, порядочный человек, порядок социума, социальное бытие, социальное и жизненное пространство.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-365-368

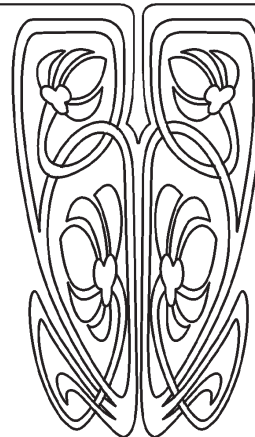
Кризис в миропонимании бытия, как бы на первый взгляд это ни казалось парадоксальным, всегда формирует крутой перелом в социально-политическом режиме. Его материализация в дезинтеграционных процессах обязательно сопровождается институциональными проблемами, обращающими наше внимание на то, что привычные категории социального мышления оказываются недостаточными для описания объективно существующей действительности. В этой связи становятся целесообразными дальнейшая разработка категориального аппарата по интересующему вопросу и его применение для осознания складывающегося миропорядка.

В научной литературе появляется новое понятие – «институциональный человек». Именно через его осмысление начинается процесс понимания конкретных смыслов общества, где главные элементы – люди. Появляются философские и междисциплинарные исследования институционального человека. В ходе интерпретации данной категории развиваются теории, в которых выделяется двойственность институционального человека. «Человек экономический», по мнению О. В. Иншакова, «уже содержит в себе “человека институционального”, рационализм первого стоит на фундаменте ценностей второго» [1, с. 13–14].

В социологическом исследовании В. Л. Макарова, Ф. И. Шамхалова, Р. Г. Нургалиева предпринята «попытка достижения органического слияния двух моделей человека – homo economicus и homo sociologicus». [2, с. 55]. В. Б. Устьянцев, проведя анализ аксиологических и онтологических сторон жизни человека, отражающих общую

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

тенденцию взаимообусловленности смыслов и норм, свободы и ответственности, утверждает, что они выступают проекциями человека как родового существа [3, с. 39].

Рассмотрение диалектической взаимообусловленности системы «человек – общество», выяснение места и роли человека в мире подводят исследователей к пониманию проблемы: что такое человеческое в человеке и социальное в обществе? Общество, выступая в качестве формы и результата взаимодействия людей друг с другом и миром, становится объектом социально-философского исследования, а жизнедеятельность человека – его предметом. Подобный философский подход, показывая функциональное соответствие политики, права и культуры, согласованность интересов человека и общества, раскрывает специфический феномен их порядочности, отражает адекватные тенденции развития современной демократии.

Философская концепция институционального человека, дополняя систему «человек – общество» важной доминантой – знанием, наиболее полно отражает взаимосвязь функционирования индивида с внешней средой. Политика, право и культура, взаимодействуя в ходе упорядочения общественных отношений, по утверждению А. И. Демидова, формируют «специфический феномен порядочности, когда порядок существует и на улице, и в душе, а организационные и политические структуры соответствуют человеческим потребностям и интересам» [4, с. 24]. Очевидно, человек институциональный, раскрываясь через феномен порядочности, становится достойным представителем общества, оказывается смыслом развития современной демократии.

Анализ институционального человека в качестве пространственного концепт-конструкта даёт возможность определить видимые границы социального и жизненного пространств, вскрыть новые сущности окружающей реальности. В этом случае человек порядка всегда остаётся конкретным индивидом. Институциональная личность – это добропорядочный гражданин, врач, учитель, военный или государственный служащий, возможно, бизнесмен, горожанин или селянин. Словом, институциональный человек как выразитель социального соответствия, развиваясь вместе с обществом, в каждую пространственно-временную эпоху, безусловно, новый, а, по мнению А. Л. Стризове, всегда «чуждый любых форм экстремизма или политического эскапизма» [5, с. 536–537].

Осмысление исторического развития показывает, что общество, действительно, определяет сущность человека и его поведение в нём.

Согласно Э. Фромму, у человека «есть свобода выбора. Границы этой свободы определяются существующими реальными возможностями. Эти возможности детерминированы общей ситуацией». [6, с. 161]. Но точно так же история показывает, что через распространение образования и развитие знания человек определяет существо общества. Так, В. С. Соловьёв настаивает на том, что различные «народности суть различные органы в целом теле человечества – для христианина это есть очевидная истина» [7, с. 65]. Личность есть «сжатое общество», т.е. человек изначально является существом личностно-общественным, институциональным, поэтому в здоровом социуме между личностью и обществом не может быть антагонистического противоречия. Но в больном человеческом организме, так же, как в поражённом социальными «язвами» обществе, усиливается действие деструктивных сил, разрушающих как человека, так и социум. Бунтующий человек, по А. Камю, «в своём первом порыве протестует против посягательства на себя такого, каков он есть. Он борется за целостность своей личности. Он стремится поначалу не столько одержать верх, сколько заставить уважать себя» [8, с. 130]. В этом случае человек оказывается многомерной трансцендентной сущностью, которая одновременно влияет как на своё развитие, так и на становление институтов, структурирующих общество.

Сознавая, что «социальное обеспечение – это проблема общества в целом и в то же самое время высшая культурная ценность» [9, с. 45], на чём настаивает Г. Бехман, мы начинаем понимать, что посредством её решения можно устранить социальное отчуждение и превратить общество риска в общество знания. При развитии системы образования и гуманистических ценностей, подъёме культурного уровня людей формируются их ответственность и здоровый социальный организм. В результате человек снова занимает центральное положение в обществе. Культура, образование и гуманистические ценности выравнивают социальные интересы в векторном направлении, культивируя почву для развития демократических отношений гражданского общества и правового государства.

Философская методология социального исследования институционального человека показывает, что любой локальный социум с общественным отчуждением формирует пространство территории риска. Последняя, управляемая корпоративными элитами, «осовременивая» своё будущее с помощью нового уклада жизни, формирует общественное осознание необходимых решений. Г. Бехман считает,

что новые риски «зависят главным образом от их социального определения и могут стать достоянием опыта через систему социальной коммуникации, создавая <...> конфликты» [9, с. 46]. В такой ситуации риск из свободы выбора, при отсутствии возможности «невыбора», превращается в необходимость выстраивания решения, становится источником хаоса и анархии в жизненном пространстве человека, разрушает смысл общества.

Анализ образования, культуры общества и внутреннего содержания личности раскрывает концепцию институционального человека как соответствие его устойчивого порядка социальному развитию. Эволюция социума, предполагающая изменение условий его существования, заставляет органы власти периодически, более или менее быстро реформировать свои учреждения. Такая переделка, по мнению Г. В. Плеханова, «никогда не происходит “сама собою” – она всегда требует вмешательства людей, перед которыми возникают, таким образом, великие общественные задачи» [10, с. 334].

Философская концепция институционального человека, в которой последний раскрывается, с одной стороны, в качестве индивида с высокой внутренней культурой, а с другой – как гарант сохранения порядка и устойчивого эволюционного развития общества, отражает стабильность политической системы и единство интересов населения и правящих элит. Демонстрация развития культуры, взаимообусловленность материального производства и социально-политической организации общества в качестве системы духовных и материальных ценностей позволяет утверждать, что данная концепция делает понятными и доступными для осмысления как механизмы взаимодействия, так и сами законы социальной диалектики. Философская концепция институционального человека, раскрывая представителя порядка в качестве носителя ценностей культуры и знания, консолидируя общество, определяя единство интересов населения и правящих элит, формирует методологию анализа устойчивости социально-политической системы на междисциплинарной базе: социологии, политологии, правоведении, политической экономии.

Методология социального исследования институционального человека, позволяющая проводить пространственно-временной анализ его бытия, показывает, что по своей природе общество риска нельзя представлять продуктив-

ной социальной организацией социума. Кроме того, данная методология считает эту непродуктивную организацию значительным фрагментом жизненной территории, отражающей смысл отчуждённого порядка современной западной демократии. Институциональный человек, являясь представителем социума, развивая свой интеллект и ценностные основания, расширяя сферу образования и культуры, сужает зону рисков, формируя новый тип социальной организации. Это трансформирует общество риска в общество знания.

Таким образом, методология социального исследования институционального человека, позволяющая интерпретировать соответствие/несоответствие порядка социально-политических институтов целям и задачам общества, открывает новые горизонты в рассмотрении основных тенденций развития процессов эпохи глобализации, устранив кризис миропонимания.

Список литературы

1. *Иншаков О. В.* Введение // Homo institutus – Человек институциональный / под ред. д-ра экон. наук О. В. Иншакова. Волгоград, 2005. С. 9–22.
2. *Макаров В. Л., Шамхалов Ф. И., Нургалиев Р. Г.* «Человек институциональный» в интеллектуальной и исторической спирали // Homo institutus – Человек институциональный / под ред. д-ра экон. наук О. В. Иншакова. Волгоград, 2005. С. 23–58.
3. *Устьянцев В. Б.* Институциональный человек и порядок в дискурсах типов рациональности // Мир человека : нормативное измерение : сб. науч. тр. (по материалам междунар. науч. конф. (Саратов, 28–29 апреля 2008 г.)). Саратов, 2009. С. 36–42.
4. *Демидов А. И.* Ненормативный порядок // Мир человека : нормативное измерение : сб. науч. тр. (по материалам междунар. науч. конф.), (Саратов, 28–29 апреля 2008 г.)). Саратов, 2009. С. 22–28.
5. *Стризов А. Л.* Человек и политические институты : опыт философско-социологического анализа // Homo institutus – Человек институциональный / под ред. д-ра экон. наук О. В. Иншакова. Волгоград, 2005. С. 522–539.
6. *Фромм Э.* Душа человека. М., 1998. 664 с.
7. *Соловьёв В. С.* Соч. : в 2 т. М., 1989. Т. 1. 688 с.
8. *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. М., 1990. 415 с.
9. *Бехман Г.* Современное общество как общество риска // Вопр. философии. 2007. № 1. С. 26–46.
10. *Плеханов Г. В.* Избр. философские соч. : в 5 т. М., 1956. Т. 2. 824 с.

Образец для цитирования:

Артемов В. Н. Методология социального исследования институционального человека // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 365–368. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-365-368.

The Methodology of the Social Research of the Institutional Person

V. N. Artyomov

Balashov Institute (branch) of Saratov State University
29, Karl Marks str., Balashov, 412300, Saratov region, Russia
E-mail: vladimir-artemov@list.ru

The paper considers the methodology of the social research of the institutional person and a possibility of working out a universal methodology for an interdisciplinary investigation of the person and an analysis of the social being by interdisciplinary sciences. Having different approaches, but the uniform vector direction, the methodology of the social research of the institutional person within the context of the philosophical conception of the institutional person relying on the ontological and value bases, reveals the functional correspondence of politics, law and culture, the correspondence of the system of interests of a person and society, discloses the specific phenomenon of decency. Through the phenomenon of decency the concrete models of the institutional person are disclosed. Synthesizing the scientific, philosophical and religious knowledge, the methodology of the social research of the institutional person allows us to correct the interests of social development with historical tasks, opening new horizons and opportunities for the cognition of social being.

Key words: knowledge, society, methodology of social research, decent person, social being, social and living space, institutional person, order of society.

References

1. Inshakov O. V. Vvedenie (Introduction). *Homo institutivus – Chelovek institutsionalnyy* (Homo institutivus – The institutional person). Ed. by O. V. Inshakov. Volgograd, 2005, pp. 9–22.
2. Makarov V. L., Shamhalov F. I., Nurgaliev R. G. «Chelovek institutsionalnyy» v intellektualnoyi istoricheskoy spirali («The institutional person» in an intellectual and historical spiral). *Homo institutivus – Chelovek institutsionalnyy* (Homo institutivus – The institutional person). Ed. by O. V. Inshakov. Volgograd, 2005, pp. 23–58.
3. Ustyancev V. B. Institutsionalnyy chelovek i poryadok v diskursakh tipov ratsionalnosti (The institutional person and the order in the discourses of the types of rationality). *Mir cheloveka: normativnoe izmerenie: sb. nauch. tr.* (Man's peace: measurement: textbook of scientific works) (po materialam mezhdunar. nauch. konf.) (Saratov, 28–29 aprelya 2008). Saratov, 2009, pp. 36–42.
4. Demidov A. I. Nenormativnyy poryadok (Thenon-normative order). *Mir cheloveka: normativnoe izmerenie: sb. nauch. tr.* (po materialam mezhdunar. nauch. konf.) (Saratov, 28–29 aprelya 2008). Saratov, 2009, pp. 22–28.
5. Strizoe A. L. Chelovek i politicheskie instituty: opyt filosofsko-sotsiologicheskogo analiza (Man and political institutions: an experience of a philosophical analysis). *Homo institutivus – Chelovek institutsionalnyy* (Homo institutivus – the institutional person). Ed. by O. V. Inshakov. Volgograd, 2005, pp. 522–539.
6. Fromm E. *Die Seele des Menschen: ihre Fähigkeit zum Guten und zum Bösen*. Frankfurt/M, 1981. 624 p. (Russ. ed.: Fromm E. *Dysha cheloveka*. Moscow, 1998. 664 p.).
7. Solov'ev V. S. *Soch.: v 2 t.* (Works: in 2 vol.). Moscow, 1989. Vol. 1. 688 p.
8. Camus A. *L'Hommerevolte*. Paris, 1951. 399 p. (Russ. ed.: Kamyu A. *Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo*. Moscow, 1990. 415 p.).
9. Bekhman G. Sovremennoe obshchestvo kak obshchestvo riska (The modern society as a society of risk). *Voprosy filosofii* (Voprosy Filosofii), 2007, no. 1, pp. 26–46.
10. Plekhanov G. V. *Izbr. filosof. soch.: v 5 t.* (Selected philosophical works: in 5 vol.). Moscow, 1956. Vol. 2. 824 p.

Please cite this article in press as:

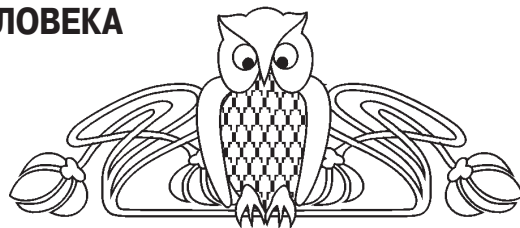
Artyomov V. N. The Methodology of the Social Research of the Institutional Person. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 365–368. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-365-368.

УДК 130.2

КУЛЬТУРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ ИДЕИ СВЕРХЧЕЛОВЕКА В ОБРАЗЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПЕРВОПРЕДКА

Беляев Дмитрий Анатольевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Липецкий государственный педагогический университет. E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

В статье реконструируются наиболее архаические основания, легшие в основу формирования идеи сверхчеловека. Выявляются и анализируются первичные представления о модели превосходно-трансгрессивного человека, природа которого не тождественна границам исключительно антропологической размерности. Исходной исследовательской единицей выступает образ первопредка, заключающий в себе древнейшие варианты осмысления

человеческой предельности и идентичности. Делается вывод о не вполне человеческой определенности первопредка, тотальной качественной чрезмерности и, как следствие, неоднозначности в общественном восприятии. Целый ряд антропологически иномерных и трансгрессивно человеческих качеств первопредка впоследствии стал частью различных локальных форм социокультурной объективации идеи сверхчеловека.

Ключевые слова: сверхчеловек, первопредок, человеческая иномерность, антропологическая трансгрессия, границы человеческой предельности.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-368-373

Значение идеи сверхчеловека как в философском, так и в целом научно-исследовательском дискурсах явно недооценено. В настоящее время сверхчеловек по преимуществу семантически ангажирован ницшевой философией и производными от нее и при этом подчас весьма вульгарными интерпретациями. По этой причине он зачастую оценивается как периферийный и даже маргинальный феномен, не имеющий универсального антропологического и социокультурного значения.

Здесь необходимо сделать одно уточнение: говорение о сверхчеловеке, безусловно, далеко не всегда сопряжено с использованием самого этого понятия, и поэтому оно не может замыкаться исключительно в дискурсивном поле философии Ф. Ницше. Зачастую идея сверхчеловека оформляется и понятийно выражается в множестве локальных культурных и антропологических концептов. Как таковая устремленность к сверхчеловеческому, по справедливому замечанию В. С. Соловьева, характерна для человека вообще [1, с. 629]. Действительно, тяга к сверхчеловеку имманентна культурному бытию человека, сопряженному с постоянной рефлексией о собственной идентичности, горизонте развития и метаантропологическом телесе. Б. Шоу еще в начале XX в. справедливо констатировал, что сверхчеловек, в сущности, является «ровесником Прометея» [2, с. 79]. Более того, на наш взгляд, он старше этого древнегреческого титана, однако эта культурная родословная сверхчеловека практически не изучена. Между тем понимание генеалогии и разыскание культурно архетипических оснований идеи сверхчеловека позволит не только сформировать более адекватное представление о вариантах положительной антропологической трансгрессии, но и узнать о сущности самого человека, вариантах его перспективной или иномерной модельных проекций.

Далее мы обратимся к рассмотрению наиболее архаичных пластов формирования идеи сверхчеловека в попытке выявить ее истоки и наметить базовые основания атрибуции сверхчеловеческого, закрепившиеся в поздних вариантах культурной объективации перспективных превосходно-иномерных антропологических моделей.

Думается, есть некоторые основания хотя бы частично согласиться с П. А. Флоренским

и Н. А. Бердяевым, полагавшими, что культура происходит от культа, является его прямым следствием и развитием. Дистанцируясь от аргументов религиозного порядка можно признать, что, действительно, именно культ и связанные с ним практики выступают архаическим феноменом, заключающим в себе широкий спектр множественных культурных форм. Более того, именно наличие культа, связанного с верой в священное и потустороннее, позволяет человеку расширить границы реальности и предположить формирование у него первых *метафизических* представлений. В рамках культа появляется горизонт бытия, превосходящий наличную физически-материальную данность, а вместе с ним возникают ретроспективные (около) человеческие образы, ассоциированные с человеком наличным, но выходящие за его мерную определенность. Собственно, в них берет свое основание генеалогия идеи сверхчеловека, находя отражение в древнейших религиозных культах и мифологических системах. Миф задает видение космогонических и теогонических процессов бытия, в нем формируется взгляд на человека, формулируются стратегии его отношения к миру и формы взаимодействия с ним, а также основания аксиологии и моделей деятельной активности. В данном случае миф нас интересуют как архетипическая модель мировосприятия, сохраняющая актуальность на всех этапах культурного развития вплоть до современности. Однажды сформировавшись, она постоянно воспроизводится в адекватных историческому времени формах и, соответственно, становится частью универсального культурного кода [3; 4, с. 10–17].

Обращаясь к рассмотрению архаических нарративов, нужно сделать одно методологическое уточнение. Необходимый для нашего исследования пласт древнейших культовых представлений не имеет прямого отображения в достоверном источниковом материале. Самые ранние из дошедших до нас мифологических сказаний содержат в себе лишь остаточные следы архаических образов и мотивов, подвергшиеся позднейшей переработке, поэтому их реконструкция строится на основе интерполяции современного этнографического материала и процедур «археологии первичных смыслов», вносящих известную погрешность в аутентичность представлений об архаическом мифе.

Итак, для нашего исследовательского разыскания особый интерес представляет образ человеческого первопредка, являющегося существенной частью нарратива архаического мифа. Он выражает совокупность древнейших

представлений о происхождении *культурного человека*, границах антропологической размерности и вариантах человеческой трансгрессивности. Остаточные представления о первопредке сохранились, в частности, в образах некоторых героев мифов и эпических сказаний.

Первопредок полагается как прародитель человечества, до некоторой степени *первый человек*, а также учредитель рода и обычаев. Мы говорим «до некоторой степени», потому что он определяется как *не вполне человек*. И этот факт требует отдельного рассмотрения, так как непосредственно приводит к идее сверхчеловека, закладывая фундамент ее основания.

Первопредок выступает медиатором, связующим звеном между посясторонним (естественно-природным, человеческим) и потусторонним (сверхъестественным) мирами. Этим обусловлена двойственность его природы. Герою архаического мифа присущи как свойства наличной физической реальности, так и качества потустороннего мира, т.е. явно превосходные, *чудесные* характеристики.

Деятельность первопредка сосредоточена на путешествии в потусторонний мир, где он может вступать в прямое противоборство с фантастическими созданиями (чудовищами). Его основным мотивом является необходимость добычи природных и культурных ценностей для мира людей, с помощью которых происходит конституирование собственно человеческого в его инаковости от природного и превосходности над ним. Здесь наиболее известным примером является сюжет похищения Прометеем олимпийского огня из мира богов. Этот поступок трактуется как фундаментальное культуросозидательное действие, дарующее людям способность к новому эволюционному витку, связанному с созданием «второй природы». Греческий титан устанавливает новую систему ценностных координат, которая трансформирует социокультурное пространство, и здесь герой выступает уже как культуросозидательная сила. Прометей как наследник черт первопредка пронизывает креативная энергетика, он не только становится зачинателем культуры у людей, но и, с точки зрения ряда античных авторов, является создателем человеческого рода.

Соответственно, можно выделить три фундаментальные черты архаического мифа и его героя: во-первых, характер поступков первопредка определяет будущий облик мира и образ жизни людей. Он выступает как отчасти онтологическим творцом, так и ценностным законодателем. Во-вторых, деятельность героя архаического мифа зачастую сопровождается воинскими актами против чудовищ и прочих «врагов рода

человеческого». В-третьих, деяния первопредка обладают внешней чудесностью [5, с. 45–47].

При внимательном рассмотрении указанных черт становится очевидно, что в зависимости от того, где расставлены акценты, возможно формирование трех линий видоизменения и культурного присутствия первопредка. Так, из первой черты может развиваться образ божества. В этом случае первопредок трансформируется в бога, при этой аберрации часто упрощается сюжетная часть нарратива архаического мифа и остается фиксация на его могуществе, распространяемом на мир людей. Также одним из промежуточных вариантов преобразования первопредка в божество может быть его тотемизация. Тотем здесь выступает частным случаем недоразвившегося, локального (родоплеменного) антропоанималистического божества. Тотем сохраняет двойственность своей природы, определяясь как человек и как животное, обладающее сверхъестественными качествами.

Из превалирования второй черты развивается воинский эпос и представление о первопредке как эпическом герое. Наконец, доминирование чудесности приводит к превращению архаического мифа в волшебную сказку, а первопредка в сказочного персонажа [4, с. 5–21]. В этом случае хорошо сохраняется изначальный сюжет, но теряется его значимость. В итоге архаический миф оказывается источником религиозного мифа, эпического мифа и сказки, с соответствующей коррекцией модуса восприятия и культурной трансляции образа героя-первопредка.

Далее существенный интерес представляют некоторые универсальные качества первопредка, которые находят воплощение в любой форме последующей культурной трансформации его образа и преобразовывают традиционную человеческую мерность в измерении «сверх».

Итак, каждый человек в своей жизни совершает два качественных перехода, носящих онтологический характер и осуществляемых одновременно. Первый – это переход из небытия в бытие, т.е. рождение, второй – переход из бытия в небытие, т.е. смерть. Также можно выделить один жизненно протяженный переход – взросление, который не имеет определенной временной фиксации, но обозначает достижение «функциональной полноты» возможностей человеческого существования. Причинность и мерность указанных переходов является важным основанием предельной определенности человека, проявившейся уже в нарративе архаического мифа. Поэтому неслучайно, что именно через их описание раскрывается содержание черт первопредка в их инаковости человеческим.

Двойственность природы героя архаического мифа приводит к отсутствию четкой фиксации порождающего его начала. Как правило, первопредок – сирота, не имеющий (или несколько позднее – не знающий) своих родителей и появившийся на свет чудесным, неестественным способом [5, с. 44–46]. Например, популярны образы рождения героя из камня (скалы), земли, яйца и т.п. Эта ситуация не позволяет определить естество первопредка через прямое отождествление с природой его родителя. В другом случае порождающие основания первопредка могут быть вынесены за границы собственно человеческого и отнесены к миру божественного (потустороннего).

Для первопредка характерно аномальное взросление, которое происходит, как правило, вне временной длительности. Под взрослостью в его случае понимается состояние, в котором оказывается возможна активная сверхъестественная деятельность, позволяющая ему реализоваться как социокультурному актору.

Вопрос конечной предельности первопредка, т.е. смерти, остается непроясненным. Как правило, сюжет его смертности вообще отсутствует. Это нашло отражение в поздней мифологии и эпосе. Так, былинный нарратив зачастую вообще обходит факт актуальной смерти героя-богатыря. Н. В. Петров справедливо отмечает, что «смерть в ее различных формах как прекращение земного существования героя вообще не свойственна русскому эпосу» [6, с. 155]. Смерть зачастую присуща богатырю лишь в модусе потенциальности. Даже редкие описания смерти отдельных богатырей оставляют открытым вопрос о ее окончательности.

За редким исключением архаический герой просто уходит из мира людей за границы размерности человеческого существования. Он может уйти в камень, в землю, что возвращает его к неопознанной причине рождения. Здесь можно вспомнить примеры прикованного к скале Прометея или погребенного в каменном гробу Святогора. Соответственно, первопредок перемещается в принципиально иномерную и поэтому неразличимую сферу бытия – потусторонний или запредельный мир. Это приводит к отсутствию у первопредка устремленности к бессмертию. Оно не актуально для него, так как нет самой смерти как фатального конца бытия-существования, а есть лишь переход в иное состояние существования.

Первопредок обладает тремя основными чертами или, точнее, группами черт, раскрывающих его целостную качественную определенность. Первая группа черт описывает матери-

ально-физическую данность и проявленность героя. Внешний вид первопредка в архаическом мифе не всегда прописан, и судить о нем можно в большинстве случаев по косвенным ориентирам. Как правило, герой обладает существенно преувеличенным, в сравнении с обычным человеком, размером, а вместе с ним – силой, весом и аппетитом [7, с. 62]. На архаическом уровне все эти характеристики воспринимаются как однопорядковые. Также первопредку присуща неуязвимость, проистекающая из каменотелости, унаследованной от натурообразного источника порождения [7, с. 63].

Например, у старших богатырей в русском эпосе слабо выражена «мера человеческого»: они, скорее, подобны «природным титанам», имеющим некоторые антропоморфические черты. Например, Святогор – это богатырь колоссальной силы и размеров, по масштабам сравнимый с горой [8, с. 121–126]. Дунай Иванович, антропометрически описываемый при жизни как обычный человек-богатырь, после смерти становится истоком реки Дунай [8, с. 13–29], тем самым отождествляясь с водной стихией. В этом же ряду описания внешнего облика индуистского Пуруши и древнегреческих титанов.

Вторая группа черт характеризует стихийный темперамент героя: здесь принято выделять ярость, часто беспричинную и направленную, в том числе, и на своих, эротизм и пьянство. Все эти качества можно отнести к наиболее архаическим проявлениям, отражающим исключительно естественно-природные и иррациональные силы: их отголоски проявляются в поведении древнегреческих богов и героев. Например, Зевс был известен своим эротизмом, став прародителем множества божеств и героев, а Ахилл внушал страх своим соплеменникам буйным и беспричинно гневливым нравом. Здесь же можно вспомнить опасливое отношение к русским богатырям (особенно старшим), чей непредсказуемый нрав мог быть губителен для окружающих.

Наконец, в третьей группе черт сосредоточены чудесно-магические качества первопредка, которые своим источником имеют потустороннее естество героя. Магические способности принципиально выделяют его из мерных границ естественно человеческого. В целом *чрезмерность*, избыточность является характеристикой практически всех качеств и черт первопредка.

Факт качественной чрезмерности, нерелевантность человеческой размерности обуславливает сложное, неоднозначное отношение к архаическому герою. Он никогда не воспринимается как *вполне* человек, его дуалистическая природа не позволяет ему стать *своим* в мире людей, при-

водя к социальному одиночеству и даже изгойству, которое внешне парадоксальным образом сочетается с почитанием. По своему статусу он объективно не ведает правил человеческого общества, моральных норм и поэтому находится за их рамками, хотя сам может выступать их законодателем. Зачастую первопредок отличается яростным, разрушительным поведением, причем его гнев может распространяться и на своих людей, что вызывает у них страх по отношению к архаическому герою и является дополнительным фактором невозможности его полного принятия в границы «человеческой общности». Естественным следствием этой общей несоразмерности, инаковости первопредка является сюжет уже упомянутого его ухода или даже изгнания из мира людей.

Из сюжетов более позднего эпоса можно реконструировать примечательное маркирование ног архаического героя. Это также отсылает нас к двойственной природе первопредка и совмещению в нем условно доброго и злого начал. Главным антагонистом героя выступал владыка потустороннего мира, который часто представал в образе змея. Образ змея, считает В. Я. Пропп, изначально обладает наиболее архаической символикой, «в нем воплощены опасные для человека и губительные для него силы стихий природы» [9, с. 192]. Это дополнительно раскрывает образ первопредка как змеборца, который теперь через борьбу со змеем предстает как культурный герой, подчиняющий себе враждебные силы природы. Также первопредок как противник змея для победы над ним должен был обладать частично его качествами, быть в какой-то степени причастным его природе [4, с. 183–190]. В свою очередь змей – существо безногое, и поэтому именно уязвимость ног выступала внешним связующим проявлением змеино-го, т.е. потустороннего, опасного и инородного в архаическом герое.

Содержательно спектр поступков первопредка амбивалентен, одни из них направлены на созидание, защиту и нормирование, а другие несут, пусть и невольное, но разрушение и хаос. В дальнейшем эта двойственность устраняется путем разведения защитных и разрушительных интенций по разным персонажам, что порождает всецело положительного и полностью отрицательного героев, но пока сверхъестественные характеристики первопредка выступают для человечества источником как добра, так и зла.

Можно заключить, что уже в рамках древнейшей мифологической традиции, в контексте попытки реконструировать и осмыслить общее для человека порождающее начало возникает идея сверхчеловека. Примечательно, что первый

наиболее архаический вариант ответа на вопрос о происхождении человека предусматривает создание образа *не вполне человека – первопредка*, т.е. существа, совмещающего как человеческое естество, так и качества потусторонней человеческой природе. Первопредка можно считать изначальным архетипом сверхчеловеческого, содержащим его культурный геном. В нем заключается практически вся совокупность отличительных признаков сверхчеловека [10, с. 12–13] и возможных модусов его последующей локальной социокультурной объективации. Так, первопредку присущи принципиально иные, в сравнении с человеком, способ существования, формат взаимодействия с бытием, степень и глубина сопричастности его уровням. Это становится возможно благодаря совмещенной, двойственной человеческой и нечеловеческой (потусторонней) природе первопредка. Чрезмерность является главной мерной характеристикой всех его качеств, которые превосходят границы человеческих возможностей. Сам первопредок и его действия несоразмерны миру людей, что вызывает страх перед иномерным и избегание его. Одновременно он почитаем как прародитель, защитник, культурный прогрессор, ценностный законодатель и, наконец, некий возвышенно недостижимый идеал для человека.

Последующее разведение указанных черт создаст, с одной стороны, исключительно положительный, а с другой, полностью негативный образ восприятия сверхчеловека. Однако неизменна будет черта его иноприродности, инаковости и *не вполне человечности*, оставляющая возможность как негативно человеческой, так и превосходно (идеально) человеческой интерпретации. Все это объясняет причины будущего амбивалентного отношения к сверхчеловеку и варианты его локальной культурной объективации.

Список литературы

1. Соловьев В. С. Идея сверхчеловека // Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 626–634.
2. Шоу Б. Полн. собр. пьес : в 6 т. Л., 1979. Т. 2. 456 с.
3. Баркова А. Л. Проблема глубины корней эпоса и воспроизводимости архаического клише в поэтическое время. URL: <http://mith.ru/alb/epic/first.htm> (дата обращения: 18.01.2016).
4. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. 336 с.
5. Баркова А. Л. Четыре поколения эпических героев // Человек. 1996. № 6. С. 41–51.
6. Петров Н. В. Сюжетно-мотивный состав русского эпоса : модели эпического нарратива : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 301 с.

7. Баркова А. Л. Отличительные черты архаических героев в эпических традициях различных народов // Актуальные проблемы языкознания и литературоведения. М., 1994. С. 62–63.
8. Книга былин. Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии. М., 1902. 358 с.
9. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1999. 640 с.
10. Беляев Д. А. Философское определение сверхчеловека // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 9–14.

Образец для цитирования:

Беляев Д. А. Культурная археология идеи сверхчеловека в образе человеческого первопредка // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 368–373. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-368-373.

Cultural Archaeology of Idea Overman in an Image of the Human Progenitor

D. A. Belyaev

Lipetsk State Pedagogical University
42, Lenin str., Lipetsk, 398020, Russia
E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

In article the most archaic bases which formed the basis of formation of idea of the overman are reconstructed. Primary ideas of model of the excellent and transgressive person which nature isn't identical to limits of exclusively anthropological dimension come to light and analyzed. As initial research unit the image of the progenitor comprising the most ancient options of judgment of human limitation and identity acts. The conclusion about not quite human definiteness of the progenitor, total qualitative excessiveness, and as a result of ambiguity in public perception is drawn. A number anthropologically the human of another dimension and transgression human qualities of the progenitor in a consequence became part of various local forms of a sociocultural objectification of idea of the overman.

Key words: overman, human progenitor, human of another dimension, anthropological transgression, limits of human ultimate.

References

1. Solov'ev V. S. Ideya sverkhcheloveka (The idea of overman). Soch. v 2 t. (Works in 2 vol.). Moscow, 1988, vol. 2, pp. 626–634.
2. Shaw B. Manand Superman. Westminster, 1903. 318 p. (Russ. ed.: Shou B. *Poln. sobr. p'es: v 6 t.* Leningrad, 1979. T. 2. 456 p.).
3. Barkova A. L. *Problema glubiny korney eposa i vosproizvodimosti arkhaiskogo klishe v poepicheskoe vremya* (The problem is the depth of the roots of the epic and the reproducibility of the archaic poetic cliches in time). Available at: <http://mith.ru/alb/epic/first.htm> (accessed 18 January 2016).
4. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* (The historical roots of the fairy tale). Moscow, 2000. 336 p.
5. Barkova A. L. Chetyre pokoleniya epicheskikh geroev (Four generations of epic heroes) // *Chelovek* (Human), 1996, no. 6, pp. 41–51.
6. Petrov N. V. *Syuzhetno-motivnyy sostav russkogo eposa: modeli epicheskogo narrativa: dis. ... kand. filol. nauk* (Plot-motivic structure of Russian epics: epic narrative model: diss. cand. of Philology). Moscow, 2007. 301 p.
7. Barkova A.L. Otlichitelnye cherty arkhaiskikh geroev v epicheskikh traditsiyakh razlichnykh narodov (The characteristics of the archaic heroes in the epic traditions of different peoples). *Aktual'nye problemy yazykoznanija i literaturovedeniya* (Actual problems of linguistics and literature). Moscow, 1994, pp. 62–63.
8. *Kniga bylin. Svod izbrannykh obratsov russkoy narodnoy epicheskoy poezii* (The book is epic. Summary of selected samples of Russian folk epic poetry). Moscow, 1902. 358 p.
9. Propp V. Ya. *Russkiy geroicheskiy epos* (Russian heroic epic). Moscow, 1999. 640 p.
10. Belyaev D. A. Filosofskoe opredelenie sverkhcheloveka (The philosophical definition of overman). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2014, vol. 14, iss. 3, pp. 9–14.

Please cite this article in press as:

Belyaev D. A. Cultural Archaeology of Idea Overman in an Image of the Human Progenitor. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 368–373. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-368-373.

УДК 139.31

Ф-ЗОМБИ: КАК С НИМИ БОРОТЬСЯ

Иванов Евгений Михайлович – кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: mikrogrozor58@mail.ru

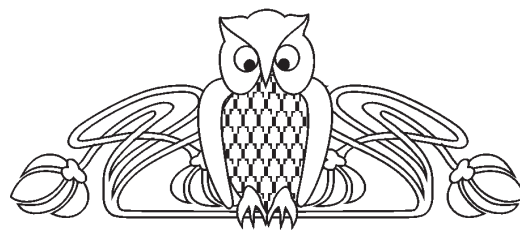
В статье рассматриваются следствия принятия тезиса о возможности существования «философских зомби» (ф-зомби) в контексте различных подходов к решению психофизической проблемы. Показано, что само допущение возможности существования ф-зомби (существа, физически идентичного человеку, но не обладающего сознательным опытом) делает невозможным обоснование в рамках натуралистической парадигмы какой-либо формы сущностной связи функции и феноменологии сознания. Данную проблему можно решить, лишь показав, что существование ф-зомби в нашей физической Вселенной принципиально невозможно. Невозможность ф-зомби можно обосновать в рамках модели «сознания в квантовом мире», т.е. при учете квантовых свойств Вселенной и в контексте модернизированной авторской версии эвереттовской интерпретации квантовой механики.

Ключевые слова: ф-зомби, сознание, психофизическая проблема, функционализм, двухаспектный подход, эвереттовская интерпретация квантовой механики.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-374-378

Ф-зомби («философский зомби», «феноменальный зомби», «p-zombie») – это воображаемое существо, физически идентичное обыкновенному человеку, но при этом полностью лишённое феноменального сознания. Предполагается (на основе принципа супервентности функционального аспекта психики по отношению к физической реальности), что у ф-зомби, несмотря на отсутствие феноменального сознания, полностью сохранён функциональный аспект психики, т.е. ф-зомби не переживает эмоций, не видит, не слышит, не мыслит, ничего в действительности не понимает, так как соответствующие феноменальные переживания (в норме констатируемые с позиции первого лица) у него отсутствуют, но с точки зрения внешнего наблюдателя он выглядит видящим, слышащим, мыслящим, понимающим и т.п. Иными словами, ф-зомби лишь имитирует психическую деятельность, не обладая ею реально в феноменальном (опытном) аспекте.

В философии сознания мыслимость ф-зомби используется как аргумент, показывающий отсутствие необходимой логической связи между феноменальным и функциональным аспектами сознания [1]. Непротиворечивость мыслимо-

сти ф-зомби показывает, что наличие внешне констатируемых «нормальных» психических функций (таких как восприятие, мышление, аффекты, волевые акты) не предполагает необходимости наличия соответствующего этим психическим функциям «феноменального сопровождения». Так, функция восприятия не требует с необходимостью наличия какого-либо феноменального «видения», переживания вообще чего-либо, функция мышления – наличия реального опыта понимания, схватывания смысла и т.д. Иными словами, отсутствует логическая супервентность феноменального сознания по отношению не только к физической организации человеческого тела и мозга, но и супервентность по отношению к функциональной организации психических процессов. Это означает, что не только физикализм, но и функционализм не являются удачным решением психофизической проблемы. По сути, функционализм в «чистом» его виде (без дополнительных постулатов) как утверждение о тождестве феноменального и функционального («феноменальное сознание – есть функция мозга») вообще не является решением психофизической проблемы, так как он не даёт ответа на главный вопрос: почему функциональные состояния (психические процессы) вообще сопровождаются какими-либо феноменальными переживаниями: в формулировке Д. Чалмерса, «Почему психические процессы не протекают “в темноте”, т.е. без их феноменального сопровождения?» [1, с. 20].

Д. Чалмерс пытается решить эту проблему введением своеобразного «функционального» аналога «двухаспектного подхода» [1], высказывая предположение, что феноменальные состояния можно представить как «внутренний аспект» функциональных состояний. Однако и такое решение проблемы не является удовлетворительным, прежде всего в силу тех сложностей и противоречий, с которыми сталкивается функциональный подход.

Здесь необходимо предварительно пояснить, почему Д. Чалмерс, так же как Д. И. Дубровский, Х. Патнем и др., настаивает на необ-

ходимости соотнесения феноменальных состояний сознания именно с функциональными, а не с физическими состояниями мозга. Основной аргумент в пользу функционализма связан с проблемой причинной обусловленности наших суждений о собственных феноменальных состояниях. Если, например, я вижу нечто зеленое и далее утверждаю: я вижу зеленое, то естественно потребовать, чтобы именно феноменальное переживание «зеленого» причинно обуславливало мое суждение о зеленом. Но непосредственной причиной феноменальных суждений является именно функция моего сознания, которая, очевидно, неоднозначно связана с физическими состояниями мозга. Таким образом, феноменальное суждение детерминруется именно функциональной организацией мозговых процессов, а не их конкретной физической реализацией. Зная феноменальный самоотчет, мы знаем лишь, в каком функциональном состоянии находился мозг, производящий этот самоотчет, т.е. знаем его «макрофункцию» (отношение «вход – выход»), но, поскольку мы не заглядываем при этом в свою черепную коробку, то не знаем, посредством каких физических или микрофункциональных процессов эта макрофункция была реализована в нашем мозге. Отсюда делается вывод, что именно макрофункция как непосредственная причина самоотчета и есть объективный «коррелят» феноменальных переживаний.

Данный тезис о необходимости сущностного единства функции и феноменологии сознания, безусловно, верен и должен сохранять значимость для любого подхода к решению психофизической проблемы. Однако его натуралистическая, функционалистская интерпретация («феноменальное сознание есть внутренний аспект макрофункции человеческого мозга»), на наш взгляд, сталкивается с неразрешимыми проблемами и противоречиями и, таким образом, не может быть признана удовлетворительной. Здесь мы можем сослаться на стандартные аргументы, выдвигаемые против функционализма: «китайскую комнату», «инверсию спектра», условность понятий «функция» и «система».

Остановимся лишь на изобретенном Дж. Сёрлом аргументе «китайской комнаты» [2]. Он использовался Сёрлом против «сильной» версии искусственного интеллекта, но может быть использован и против функционализма, понимаемого как тезис о коррелятивности феноменального сознания макрофункции (отношение «вход – выход») человеческого мозга. Аргумент заключается в следующем: представим себе человека, который вручную (используя

в качестве алгоритма, например, напечатанную в виде книги инструкцию) выполняет компьютерную программу, которая, в свою очередь, имитирует некую конкретную функцию человеческого интеллекта (в примере Сёрла это функция понимания китайского языка). Очевидно, что человек может выполнять данную программу, не имея при этом тех субъективных феноменальных переживаний, которые в норме соответствуют данной имитируемой психической функции. Например, он может имитировать понимание китайского языка, не понимая этого языка, имитировать процесс распознавания образов, не видя данные образы, и т.д. То же самое мы должны утверждать и о компьютере, исполняющем подобную программу. Из всего этого очевидно следует, что сколь угодно точное воспроизведение отношения «вход – выход» для любой психической функции отнюдь не гарантирует автоматического возникновения соответствующей данной функции субъективной феноменологии. Таким образом, тезис о тождестве феноменологии субъективного и макрофункции мозга ошибочен.

Нужно признать, что функционализм, даже если дополнить его теорией «двойного аспекта», не является удачным решением психофизической проблемы. Но таковым не является и «классический» двухаспектный подход, рассматривающий психическое в качестве «внутреннего аспекта» физического состояния мозга, хотя бы в силу тех, упомянутых выше трудностей, которые возникают в связи с проблемой детерминации феноменальных суждений.

Все эти проблемы, с которыми сталкивается натуралистическая парадигма, как в форме функционализма, так и в форме «классического» двухаспектного подхода, непосредственно связаны с проблемой возможности существования ф-зомби. Возможность ф-зомби предполагает, что феноменальные высказывания производятся функциональными или физическими состояниями мозга, что неизбежно превращает феноменальное сознание в эпифеномен – нечто не имеющее собственной каузальной роли. Даже если бы функционализм был верен, это оставляло бы открытым вопрос: почему необходимо феноменальное сопровождение тех или иных функциональных состояний? Для ответа на него необходимо постулировать более сильную, чем это предполагает функционализм, версию сущностного единства феноменологии и функции сознания. Необходимо постулировать невозможность функции сознания в отсутствии адекватной феноменологии, т.е., по сути, постулировать принципиальную невозможность существования ф-зомби.

Как же побороть ф-зомби? Для этого необходимо отказаться от натуралистической парадигмы – сознание (в феноменальном и функциональном аспектах) есть функция мозга – и заменить ее парадигмой – функция сознания есть динамика самого феноменального сознания. Иными словами, нужно признать, что именно феноменальное сознание как таковое вносит решающий вклад в психические процессы и вне феноменального сознания никакой «функции сознания» не существует. Конечно, ф-зомби нельзя исключить чисто логически, так как, видимо, можно представить миры, в которых такие зомби могли бы реально существовать. Для нас достаточно показать, что онтологические свойства нашего мира таковы, что они исключают существование ф-зомби. Для этого нужно лишь вспомнить, что истинная физика нашего мира – квантовая, что мы живем в квантовой Вселенной, и прибегнуть к «правильной», с нашей точки зрения, версии эвереттовской интерпретации квантовой механики для прояснения механизма связи материи и сознания.

Суть эвереттовского [3] подхода к интерпретации квантовой механики, на наш взгляд, сводится к отрицанию объективной реальности (физичности) акта редукции волновой функции в процессе измерения. Мотивация такого отрицания вполне ясна: нелинейный акт редукции (скачкообразный переход квантовой системы из исходного суперпозиционного состояния в одно из собственных состояний оператора измеряемой величины) противоречит линейному характеру шредингеровской эволюции квантового состояния. Если описывать измерение как обычное физическое взаимодействие трех физических систем: объекта, измерительного прибора и наблюдателя, то мы не увидим в результате никакой редукции, т.е. перехода в одно из собственных состояний. Напротив, в силу линейности эволюции и прибор, и наблюдатель переходят в совместную суперпозицию – объект+прибор+наблюдатель – с сохранением исходных коэффициентов при каждом члене суперпозиции. Если исходное состояние представимо суперпозицией двух исходов: частица с вероятностью a полетела налево + частица с вероятностью b полетела направо, то и прибор переходит в суперпозицию типа: с вероятностью a прибор показал, что частица полетела налево + с вероятностью b – направо. И в такого же рода суперпозицию переходит наблюдатель: с вероятностью a наблюдатель увидел, что прибор показал первый исход, с вероятностью b – второй исход. Обычно эту модель понимают так: в момент измерения и Вселенная, и субъект расщепились на N экземпляров (по

числу членов суперпозиции) и в каждый Вселенной соответствующий «экземпляр» наблюдателя видит один, соотносительный с его состоянием, исход эксперимента, что и создает иллюзию редукции исходного вектора состояния. Однако этих абсурдных расщеплений как Вселенной, так и субъекта легко можно избежать.

Мы можем исключить «расщепление Вселенной», если учтем детерминированный характер шредингеровской эволюции квантовых систем. Квантовая механика формально применима к любым физическим системам, поэтому можно ввести понятие «волновая функция Вселенной». Если эта функция задана в некий начальный момент времени (соответствующий гипотетическому моменту «зарождения Вселенной»), то мы можем, действуя на нее с помощью оператора эволюции, экстраполировать ее на любой более поздний момент (при наличии неограниченных вычислительных ресурсов). В результате мы получим «волновую функцию Вселенной», определенную в каждый момент времени. Если исключить физическую реальность процессов редукции волновой функции Вселенной, то мы получим стационарный объект (назовем его «квантовый кристалл»), в котором будут в виде потенциалов предсуществовать исходы любых квантовых измерений с любыми квантовыми объектами в пределах этой Вселенной. Рассматривая этот «квантовый кристалл» как нечто объективно существующее, мы можем избежать необходимости «расщепления Вселенной» при каждом измерении, поскольку в данном случае Вселенная уже заранее, до всякого реального измерения, содержит в себе все возможные исходы всех возможных измерений.

Еще проще избежать расщепления интуитивно абсурдного субъекта – наблюдателя. Для этого достаточно отказаться от натуралистического тезиса «сознание есть функция мозга» и встать на позицию дуализма материи и сознания. Если сознание не есть функция мозга и не есть сам мозг, то квантовое «расщепление» мозга отнюдь не влечет такое же «расщепление» сознания. Мы можем в этом случае приписать сознанию одну лишь функцию по отношению к физической реальности, а именно – способность к чувственному восприятию этой реальности – и исключить всякую возможность реального воздействия сознания на физические процессы: это необходимо для того, чтобы дуализм материи и сознания не вступал в противоречие с принципом каузальной замкнутости физической реальности. Сознание не может воздействовать на физические процессы, но способно их чувственно воспринимать, причем чувственное восприятие

устроено так, что для любой наблюдаемой величины оно актуализирует в нашем сознании лишь один из возможных вариантов, соответствующий одному из членов изначальной суперпозиции, но не способно воспринять сразу несколько таких вариантов. Таким образом, если мозг в процессе взаимодействия с прибором и микрообъектом «расщепляется» на N компонентов (по числу членов исходной суперпозиции микрообъекта), то сознание при этом не расщепляется, но воспринимает лишь один из этих компонентов и видит лишь один, вполне определенный результат измерения.

Таким образом, в данном случае функция сознания (в соответствии с гипотезой М. Менского [4]) сводится к селекции квантовых альтернатив: сознание выбирает одну из них, порождает соответствующий ей чувственный образ (например, субъект видит показания прибора, свидетельствующие, что квантовая частица полетела налево, а не направо) и запоминает свой выбор таким образом, чтобы последующие чувственные восприятия были согласованы с предыдущими. Этот процесс можно назвать «актуализацией квантовой альтернативы». Она, тождественная чувственному восприятию данной альтернативы, никакого воздействия на сами физические процессы не оказывает. Все компоненты суперпозиции, которые имели место в начале измерительного процесса, никуда не исчезают и эволюционируют в соответствии с уравнением Шредингера. Но восприятие одной из альтернатив необратимо закрывает для сознания доступ к любым другим. Это условие можно назвать «самосогласованностью» селективного процесса, осуществляемого сознанием. Оно заключается в том, что предыдущие восприятия квантовой реальности воздействуют на последующие, ограничивая их возможный спектр, и, таким образом, обеспечивают причинно-следственную согласованность последовательных восприятий одного и того же квантового объекта. Собственно, именно это условие самосогласованности и порождает иллюзию «редукции» вектора состояния: поскольку «не воспринятые» компоненты суперпозиции никогда не дают «воспринимаемых потомков», то соответствующие компоненты и их «потомки» никогда не станут объектом восприятия и, следовательно, ими можно попросту пренебречь.

Помимо условия «самосогласованности» мы должны для того, чтобы получить реалистическую картину квантовых измерений, постули-

ровать также и условие «интерсубъективности». Оно требует, чтобы результаты восприятий (актуализаций) разных субъектов были взаимно согласованы. Если я в процессе квантового измерения увидел, что частица полетела налево, то это же самое увидит и мой приятель, который наблюдает за моими экспериментами. Таким образом, все актуализации (восприятия) состояний квантовой Вселенной оказываются взаимно согласованными (фиксируются в некоей, общей для всех «интерсубъективной памяти»), что создает общий для всех интерсубъективный «видимый мир», данный в чувственном восприятии различных субъектов-наблюдателей.

Ясно, что при таком понимании отношения физического и сознания никакие ф-зомби невозможны, так как функция мозга здесь существует лишь как нечто соотносительное с актами селекции, осуществляемой посредством феноменального восприятия. Иными словами, функция мозга существует лишь в интерсубъективном восприятии и интерсубъективной памяти и не существует «объективно» – как нечто независимое от феноменального сознания. Более того, если «вычесть» из физической картины акты редукции, мы неизбежно приходим к картине Вселенной, в которой все квантовые объекты существенно делокализованы (только акты редукции могут, в конечном итоге, их локализовать в пространстве), а следовательно, в такой квантовой Вселенной нет никаких компактных и сложноорганизованных объектов, наподобие человеческого тела или мозга. Таким образом, не только функция мозга существует в интерсубъективном восприятии и памяти, но и сам мозг, и тело человека в контексте квантовой Вселенной также существуют лишь соотносительно с неким интерсубъективным сообществом сознаний, а значит, ф-зомби невозможны ни как функциональные аналоги человека, ни даже просто как компактные сложноорганизованные человекоподобные объекты.

Список литературы

1. Чалмерс Д. Сознательный ум : в поисках фундаментальной теории. М., 2013. 512 с.
2. Серл Дж. Разум мозга – компьютерная программа? // В мире науки. 1990. № 3. С. 7–13.
3. Everett H. «Relative state» formulation of quantum mechanics // Reviews of modern physics. 1957. Vol. 29, № 3. P. 362–454.
4. Менский М. Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // Успехи физических наук. 2005. Т. 174, № 4. С. 413–435.

Образец для цитирования:

Иванов Е. М. Ф-зомби : как с ними бороться // Изв. Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 374–378. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-374-378.

P-zombie: How to Deal with Them

E. M. Ivanov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: mikroprozop58@mail.ru

The article discusses the implications of the adoption of the thesis about the possibility of «philosophical zombies» (p-zombies) in the context of different approaches to mind-body problems. It is shown that the assumption of the existence of the p-zombies (creatures physically identical to humans, but non-conscious experience) makes it impossible to substantiate within the naturalistic paradigm, any form of essential communication between functions and the phenomenology of consciousness. This problem can be solved only by showing that the existence of p-zombies in our physical Universe is fundamentally not possible. The inability of p-zombies can be justified in the framework of the «consciousness in the quantum world», i.e. taking into account quantum properties of the Universe and in the context of the author's modernized version of the Everett interpretation of quantum mechanics.

Please cite this article in press as:

Ivanov E. M. P-zombie: How to Deal with Them. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 374–378. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-374-378.

УДК 316.772

ОБРАЗ И СМЫСЛ СЕМЬИ В РАЙСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО УЧЕНИЮ БОГОСЛОВОВ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ

Каменщиков Денис Александрович – аспирант кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: pm-sar@mail.ru

Статья посвящена образно-смысловым особенностям толкования семейных отношений в раю. В ней рассматривается райский брак в контексте учения восточных христианских богословов. Отмечается, что до грехопадения в брачном союзе присутствуют два основных образа семьи: как малой церкви и как тварной троицы. Помимо этого подробно раскрывается цель установления брака. По мысли богословов Восточной Церкви, она заключается в уподоблении человека Богу, чему призваны способствовать брачные отношения. Христианские православные богословы единогласно учат, что семья – это организм, живущий, прежде всего, по духовным законам. Несмотря на то, что райский период жизни человечества миновал, брак по-прежнему понимается Церковью как священный союз. Осознание этого положения самими различными слоями общества является необходимым условием преодоления современного кризиса семейных отношений.

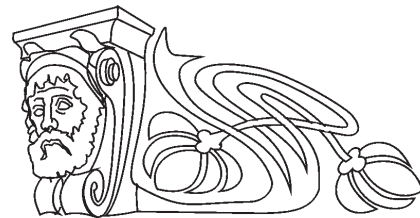
Ключевые слова: семья, христианский брак, райская жизнь.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-378-381

Key words: p-zombie, consciousness, mind-body problem, functionalism, two-aspect approach, Everett interpretation of quantum mechanics.

References

1. Chalmers D. *The conscious mind: In search of a fundamental theory*. Oxford, 1997. 432 p. (Russ. ed.: Chalmers D. *Soznayushchiy um: v poiskakh fundamentalnoy teorii*. Moscow, 2013. 512 p).
2. Searle J. Is the brain's mind a computer program? *Scientific American*, January 1990, pp. 26–31 (Russ. ed.: Searle J. Razum mozga – komputernaya programma? *V mire nauki*, 1990, no. 3, pp. 7–13).
3. Evertt H. «Relative state» formulation of quantum mechanics. *Reviews of modern physics*, 1957, vol. 29, no. 3, pp. 362–454.
4. Menskiy M. B. Kontseptsiya soznaniya v kontekste kvantovoy mekhaniki (Conception of consciousness in the context of quantum mechanics). *Uspekhi fizicheskikh nauk* (Advances in physical sciences), 2005, vol. 174, no. 4, pp. 413–435.

Толкование образа и смысла брака в Ветхом Завете связано с выделением двух временных отрезков в человеческой истории: 1) от творения женщины до грехопадения; 2) от грехопадения до пришествия в мир Спасителя.

Подобная классификация уже была приведена профессором С. В. Троицким в его диссертации «Христианская философия брака» [1, с. 6] и одобрена академическим сообществом. Следует отметить, что Библия дает основание для выделения трех эпох в истории брака: 1) райской, до грехопадения; 2) после грехопадения в Ветхом Завете; 3) эпохи новозаветной. В толковании каждого из этих периодов можно выявить особый образ и смысл брака.

В соответствии с содержанием текста Библии брак был установлен Богом в раю в его перво-

зданной чистоте и святости, пока та страшная катастрофа, которую в богословии принято называть грехопадением, не искажила этот изначальный союз. При поиске ответа на вопрос о райском браке в святоотеческом учении просматривается множество аспектов. Отцы и учителя Церкви учат, что до грехопадения брака в том виде, в каком мы его понимаем, не существовало. Иоанн Златоуст пишет: «Будучи сотворен, Адам пребывал в раю, и там не было речи о браке. Он нуждался в помощнике, и он был ему дан. Но тогда даже не было нужды в браке <...> Желание полового общения, зачатие, муки чадородия и любая форма тления были чужды их душам» [2, с. 152].

Григорий Нисский повторяет эту мысль, говоря о том, что половой союз, зачатие, рождение – это проявление «кожаных риз», т.е. огрубения нашего естества, дебелства поврежденной грехом природы. Мы не знаем, как должны были *плодиться и размножаться* люди до грехопадения. Максим Исповедник очень образно говорит о некоем «духовном размножении» человеческого рода. Нельзя не обратить внимания на то, что в вопросе об образе и смысле брака до грехопадения прослеживается несколько богословских аналогий брака: самая распространенная и точная из них – это образ семьи как малой Церкви. Например, Иоанн Златоуст пишет: «Видишь ли тайну брака? Из одного двоих Он сделал, а потом из двоих сделал и до сих пор делает одного <...> Скажу и то еще, что это таинственное изображение Церкви. Христос пришел к Церкви, из нее произошел и с нею соединился духовным общением» [2, с. 41]. Климент Александрийский называет семью, как и Церковь, домом Господним [3, с. 124], а Златоуст прямо и точно называет семью «малой церковью» [2, с. 49]. Богословами используется еще один очень яркий образ: Анастасий Синаит сравнивает семью с Пресвятой Троицей, а апостол Павел – взаимные отношения мужа и жены именно с отношениями Лиц Святой Троицы. Как Бог Отец есть глава Христа, так и муж – глава жены [4, 1 Кор. 11, 3]. Как Христос есть сияние славы и образ бытия Бога-Отца [4, Евр. 1, 3], так и жена – слава мужа [4, 1 Кор. 11, 7].

«В рождении детей диада (двоица) преодолевается триадой (троицей). В этом сходство человека с Троицей Божеством. Адам не рожден, подобно Богу Отцу. Ева не рождается, а как бы исходит из ребра Адама, подобно тому, как Святой Дух не рождается, а исходит от Отца, а Авель рождается, подобно Второй Ипостаси Святой Троицы» [5, с. 209]. Такое сравнение по праву подвергается критике: и это понятно, потому что в контексте христианского учения Бога

как Нетварное Бытие невозможно сравнивать с чем-то сотворенным и земным. Думается, из всех аналогий образ семьи, на наш взгляд, наиболее точно изображает Пресвятую Троицу, хотя и бесконечно далек от Нее. Аргументацией этой позиции может служить посылка к подобию человека образу Божию, которая дает основание аналогии семьи с образом Троицы.

Итак, эти два образа – семьи как малой Церкви и семьи как тварной троицы – превалируют в трудах теологов. В свете изложенных позиций особый интерес представляет изъяснение смысла семьи, ее назначение. Согласно тексту Библии, Бог, сотворив Адама, вдруг заключает, что *нехорошо быть человеку одному* [4, Быт. 2:18]. Что значит – нехорошо? Смысл этих слов раскрывается в дальнейшем повествовании. Господь привел к человеку всех животных и птиц, чтобы он нарек им имена. Наречение имени – символическое действие, в котором нарекающий являет свою власть. Но это не власть тирана или деспота, а власть любви. Кроме того, наречение имени значило и то, что Адам прознавал сущность каждого животного, которого приводил к нему Бог. «Адам, когда преисполнился дыханием жизни, то ощутил такую премудрость, что мог вполне усмотреть все свойства, силы, способности и склонности каждого творения на земле, и нарек им имена, всем проявлением их природы соответствующие», – пояснял Серафим Саровский [6, с. 206]. *Но для человека не нашлось помощника, подобного ему* [4, Быт. 2:20], т.е. для человека среди всех тварей не нашлось ему равных. И пребывая среди животных, Адам вместо богоуподобления рисковал оскотоподобиться, что не соответствовало замыслу Божию о человеке. Вот какой смысл заключает изречение *нехорошо быть человеку одному* [4, Быт. 2:18].

Далее, согласно Библии, Господь говорит: *сотворим ему помощника, соответственного ему* (Быт. 2:18), указывая тем самым на смысл этого события. Итак, творится женщина. Бог наводит на Адама крепкий сон и из его ребра создает второго человека. Почему из ребра? Потому что эта часть тела наиболее близка к жизненно важным центрам, прежде всего к сердцу. Еврейское слово «ребро» также переводится как «половина», т.е. Ева творится из половины Адама. Человек как бы разделяется на две ипостаси, чтобы в детях эта раздвоенность была преодолена. Ева берет начало из Адама. Увидев Еву, Адам пришел в восхищение. Русский перевод этих слов таков: *вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей* (Быт. 2:23). Частица «вот» очень слабо отражает восхищение, испытанное Адамом. В русском языке

нет адекватного аналога этому еврейскому эпитету: самым близким по значению будет возглас «ура». Адам пришел в ликование, увидев равное себе по природе существо, и нарек ему имя – *она будет называться женою, ибо взята от мужа* (Быт. 2: 23), тем самым снова проявляя свою власть любви и говоря этими словами то, что он понимает сущность Евы.

Возникает вопрос: каков смысл этого союза? Логично искать ответ в догматическом учении Церкви. После того, как творение было завершено, ни мир, ни человек не представляли собой окончательного совершенства или полного единства. В задачу человека входило приведение мира к еще большей гармонии, слаженности и единству. Чрезвычайно глубокое и интересное учение об этом мы находим у Максима Исповедника. По его мысли, «человек призван был последовательно преодолеть в себе разделенность мира. Свой ум и чувства он должен был устремить к Богу, и таким образом, достигая обожения, сообщать потоки благодати ниже его лежащей твари, и вести мир к большему совершенству. Ему нужно было, прежде всего, **преодолеть разделенность в своей природе на два пола** (выделено нами. – Д.К.), путем бесстрастной жизни, следуя в этом Первообразу Божественному. Затем он должен был соединить рай со всей землей, то есть нося всегда рай в себе в силу своего постоянного общения с Богом, он должен был превратить в рай всю землю. После этого ему предстояло уничтожить пространственные условия не только для своего духа, но также и для тела, соединить небо и землю, – то есть весь чувственный мир. Перейдя границы чувственного, он должен был затем путем познания, равного познанию духов ангельских, проникнуть в мир сверхчувственный и чувственный. Наконец, не имея ничего вне себя, кроме одного Бога, человеку ничего не оставалось бы, как полностью себя Ему отдать в порыве любви и вручить Ему всю Вселенную, соединенную в его человеческом существе. Тогда

Сам Бог, со Своей стороны, отдал бы Себя человеку, который по этому дару, то есть по благодати, имел бы все то, что Бог имеет по природе. Таким образом, совершилось бы обожение человека и всего тварного мира» [7, с. 59–60].

Это один из глубочайших смыслов человеческого бытия: достижение совершенства – обожения. Подтвердить эту теорию не представляется возможным, так как произошла страшная трагедия во всем мироздании – грехопадение. Природа человека исказилась, подвергся порче весь тварный мир, грех вошел в него, посеяв разложение. Исказились и отношения между людьми, в частности, и в семейные отношения вошел разлад. Адам теперь был обречен в поте лица своего возделывать землю, Ева – в муках рожать детей. Однако первым людям было дано обетование, что от них родится Спаситель, который искупит человечество от рабства греха.

Таким образом, в учении богословов Восточной Церкви выделяются следующие смыслы семьи в райский период: преодоление одиночества, сотворение помощника, приведение мира к единству и гармонии, достижение человеком совершенства – обожения. Эти смыслы отражались в образе семьи как малой церкви и тварной троицы.

Список литературы

1. *Троицкий С. В.* Христианская философия брака. Клин, 2001. 222 с.
2. *Иоанн Златоуст.* Творения : в 12 т. Репринт. М., 1994. Т. 4. 445 с.
3. *Климент Александрийский.* Строматы : в 3 т. СПб., 2003. Т. 3. 544 с.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2007. 1295 с.
5. *Архимандрит Алипий, архимандрит Исайя.* Догматическое богословие : курс лекций. М., 2005. 288 с.
6. Записки Н. А. Мотовилова. М., 2005. 456 с.
7. *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991. 289 с.

Образец для цитирования:

Каменищikov Д. А. Образ и смысл семьи в райский период жизни человечества по учению богословов Восточной Церкви // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 378–381. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-378-381.

The Idea of Marriage in the Works of Eastern Orthodox Theologians

D. A. Kamenschikov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: pm-sar@mail.ru

The article examines the specifics of formal and symbolic interpretations of relationship between Adam and Eve before their Expulsion

from the Garden of Eden. Are analyzed in the article the first human relationship through the teachings of Eastern Orthodox Theologians. The relationship between Adam and Eve are represented by the concepts of the domestic Church and the reflection of the Holy Trinity in creation. The fact, that the Eastern Orthodox Theologians connected marriage with the process of achieving the likeness of God. In Eastern Orthodox theology, family and marriage are governed by spiritual rules. The period of human life in Eden is over, but the marriage is still considered by the Church as the holy union of two humans. The

author concludes that the Christian view of marriage can help people overcome a family crisis in the contemporary world.

Key words: family, marriage in Christian tradition, life in the Garden of Eden.

References

1. Troitsky S. V. *Khristianskaya filosofiya braka* (Christian philosophy of marriage.) Klin, 2001. 222 p.
2. John Chrysostom. *Tvoreniya*: v 12 t. T. 4 (Writings: in 12 vol.). Moscow, 1994. Vol. 4. 445 p.
3. Clement of Alexandria. *Stromaty*: v 3 t. (The Stromata: in 3 vol.). St.-Petersburg, 2003. Vol. 3. 544 p.

Please cite this article in press as:

Kamenschikov D. A. The Idea of Marriage in the Works of Eastern Orthodox Theologians. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 378–381. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-378-381.

УДК 316.7

КУЛЬТУРНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ФЕНОМЕН, СУЩНОСТЬ, ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОЦЕССА

Корытина Мадина Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, Горский государственный аграрный университет (г. Владикавказ). E-mail: tikis@yandex.ru

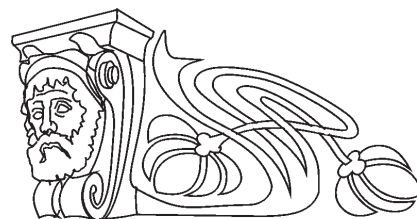
Статья посвящена анализу феномена XXI в. – культурной глобализации, которая сменила прежнюю парадигму развития всего цивилизационного мира. Сущность культурной глобализации – формирование общечеловеческого пространства с единым для всего мира вектором развития, нормами, стереотипами, шкалой ценностных ориентиров, правил и предписаний. Культурная глобализация неуклонно и последовательно разрушает прежнее пространство этнокультурных целостностей, и тем самым этот объективный процесс несет в себе противоречия, разъединяющие мировое сообщество. В начале XXI в. мы наблюдаем, с одной стороны, формирование культурного универсума, нивелировку этнической специфики, с другой – локальное этническое своеобразие с акцентом на региональные особенности, а компьютеризация, Интернет способствуют коммуникативной прозрачности, свободному прохождению информационных потоков, расширяя возможности современного человека, но в то же время глобализация формирует культурное пространство, которое, по сути, монополярно, так как общая информационная сеть задает ему однотипные правила мышления и поведения.

Ключевые слова: культурная глобализация, единая мировая культурно-цивилизационная система, информационное общество, «E Pluribus Unum» – «Из разного – одно» – унификация, интеграция, «из многого гармония» – дифференциация, идентичность, мультикультурализм.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-381-387

К началу XXI в. наблюдается тенденция мировой интеграции, следствием которой яв-

4. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetchogo I Novogo Zaveta* (The Bible. Books of the Scripture of the Old and New Testament). Moscow, 2007. 1295 p.
5. Archimandrit Alipiy, archimandrit Isaia. *Dogmaticheskoe bogoslovie: kurs lektsiy* (Dogmatic Theology: Lectures). Moscow, 2005. 288 p.
6. *Zapiski N. A. Motovilova* (Notes of N. A. Motovilov). Moscow, 2005. 456 p.
7. Losskiy V. N. *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Tserkvi* (The sketch of mystical theology of the Eastern Church). Moscow, 1991. 289 p.

ляется формирование единой мировой культурно-цивилизационной системы, приобретающей тотальный характер. Культурная глобализация ведет к формированию общечеловеческого пространства с едиными нормами, стереотипами, шкалой ценностных ориентиров, правил и предписаний. Этот феномен современности концептуально осмысливается в трудах многих ученых: У. Бека, А. И. Уткина, М. Кагельса, М. Г. Делягина, В. М. Межуева, А. Г. Косиченко, А. А. Зиновьева, Ю. Н. Москвича, А. Л. Свенцицкого и др. Причем оценка этого процесса далеко неоднозначна: одни признают положительные стороны, его новые возможности и перспективы для человечества, другие – отрицательные. Первые, в ряду которых авторы научных трудов У. Бек, М. Элброу, Л. Уорслей, Р. Робертсон, А. И. Уткин, В. В. Бычков, Л. И. Гайденок, И. А. Гобозов, П. Гуревич, В. И. Курашов, Т. П. Воронина, А. В. Прохоров, Е. Н. Жильцов, Р. Ф. Абдеев, В. А. Конев и др., утверждают, что глобализация может оказать исключительно положительное влияние. Согласно А. И. Уткину, «глобализация – это доминирующая после “холодной войны” единая общемировая система, возникшая в результате слияния национальных экономик, основанная на беспрепятственном

перемещении капитала, информационной открытости мира, быстром технологическом обновлении, понижении тарифных барьеров и либерализации движения товаров и капитала, на коммуникативном сближении, планетарной научной революции, межнациональных социальных движениях, новых видах транспорта, реализации телекоммуникационных технологий, интернационализации образования» [1, с. 112]. Глобализация – это «распространение практик, ценностей, технологий и других произведений рук человеческих по всему земному шару», причем такой интенсивности и масштабности, что они должны повлиять на жизнь каждого человека; при этом фокус человеческой деятельности смещается с интересов отдельных государств и народов на общепланетарные интересы, возникает система, в которой все зависимы друг от друга и вынуждены решать общие проблемы, т.е. имеет место «глобализация обеспокоенности» [2, с. 261].

Апологеты глобализации убеждены в том, что это высшая стадия развития человеческого разума, модель социоприродной эволюции, характеризующаяся всесторонностью, планетарностью информационного обмена и интеграцией мирового сообщества, способствующая международной стабильности и преодолению неравенства. Глобализация по-новому организует жизнь человечества, так как мироустройство планетарного сообщества строится на позиции открытых друг к другу наций. Глобализация – это информационная революция, открывающая перед человечеством широкие возможности, новые источники энергии, способствующая удовлетворению его жизненных потребностей. Кроме того, если этот процесс будет опираться на разумное использование, с сознательным самоограничением человеческих потребностей, с сохранением окружающей среды и обращением к духовным ценностям, то, по сути, модель такой глобализации станет «усовершенствованной концепцией ноосферы, выдвинутой академиком В. И. Вернадским в середине 20 века» [3, с. 170]. Ученые-оптимисты, таким образом, предполагают, что глобализация может иметь только положительные результаты и первый шаг к этому был сделан в сентябре 2000 г., когда главы государств и правительств приняли Декларацию тысячелетия ООН, где главной задачей они объявили «обеспечение того, чтобы глобализация стала позитивным фактором для всех народов мира» [4].

Другой ряд ученых – В. А. Шупер, А. В. Толстоухов, Ф. Х. Кессиди, Н. Н. Моисеев, В. Колонтай, Т. Фридман – выражают опасения по поводу

формирования монополярной цивилизации. Они считают, что глобализация ведет к гибели культуры, национального самосознания, убивает индивидуальность и не даёт развиваться личности: «...практика реализации этого Проекта превратила человечество не во Властелина мира, а в своеобразного “маргинала Вселенной”, трагически выпавшего из космической гармонии. По иронии судьбы, гигантская научно-технологическая мощь человечества оказалось не гарантом его свободы, а инструментом государственного контроля, манипулирования, власти <...> сделала его заложником своего же собственного активизма» [5, с. 60]. «Планета будет похожа на огромный муравейник, где каждый человек будет выполнять те функции, которые ему вменяют с помощью встроенных ЧИПов и которые будут даже передаваться по наследству. Образуется кастовое общество, наподобие того, что было в Индии. Прийти к нему сравнительно легко. А вот вероятность разрушения кастового общества будет ничтожно мала, так как разрушить его способны только внешние силы. Иначе говоря, человечеству навязывается модель затухающего развития» [3, с. 172].

Н. Н. Моисеев применяет красочную формулировку, описывающую контроль над сознанием современных людей, – «глобальное зомбирование планетарного человечества»: «Это будет изощренный информационный тоталитаризм, который страшнее любых форм тоталитаризма, известных человечеству» [6, с. 85]. Опасения вызвали и возможности развития личности, так как в процессе глобализации обнаруживаются такие свойства, как «темпоральность, неопределенность, нестабильность, негарантированность» [5, с. 60]. Ученые бьют тревогу, отмечая проблематичность процесса: «глобализация вызывает вместе с тем напряженность и конфликты на почве как экономических, так и политических интересов, идеологических (ценностных вообще) предпочтений и приоритетов» [7, с. 77].

Таким образом, об актуальности данной темы свидетельствует огромный интерес к ней со стороны ученых, так как на сегодняшний день историография проблемы насчитывает тысячи книг, статей, причем процесс изучается разносторонне и оценивается неоднозначно, особенно проблематичной частью планетарного взаимодействия становится культурная глобализация.

Культурная глобализация сменила парадигму развития мирового сообщества, которое вплоть до конца XX в. развивалось как локальные, затем – региональные культурно-цивилизационные системы. При этом сосуществование этномиров было независимо, взаимовлияния

между культурными пространствами если и наблюдались, то носили частичный характер. Культурная глобализация осуществляет диалог в общепланетарном масштабе, охватывая все новые страны и народы. Культурный диалог является залогом гармонии между разнообразным и единым миром, индивидуальным и общественным благом. Сущность этого процесса раскрывается в известной парадигме «E Pluribus Unum» – «Из разного – одно», который был претворен в действительность на примере США: «Когда-то тринадцать североамериканских штатов соединились в единое государство – Соединенные Штаты Америки. Потом иммигранты из разных стран мира, прибывшие в США, соединились в единую политическую нацию. История США, их опыт, были положены в основу концепции глобализации в парадигме «E Pluribus Unum» [8]. Культурная глобализация тем самым превратила в реальность идею о едином взаимозависимом и взаимосогласованном мире, выстраивая образ «мировой деревни» (ЮНЕСКО).

Средством мировой интеграции становится новая формация – информационная среда, в которой модус «информация» преобладает над модусом «знание». Изобретение прототипа человеческого мозга – компьютера – открыло перед человечеством небывалые возможности для накопления, хранения, распространения и использования знаний, информации. Компьютеризация, Интернет связывают все мировое сообщество, способствуя коммуникативной прозрачности, свободному прохождению информационных потоков, не встречающих препятствий на своем пути. В результате глобализации происходит сближение разных стран и народов, это – объективный процесс, распространение общих моделей, стандартов, образцов поведения. В век мобильности можно побывать в разных уголках мира и увидеть те же марки машин, названия фирм, модели одежды: таким образом, открываются границы для свободного перемещения товаров, людей и идей. Однако в этом заключается глубинное противоречие культурной глобализации, которое просматривается на всех ее уровнях.

В новой ситуации у человека появляются новые возможности для полного раскрытия своей индивидуальности, расширяется кругозор, он ежеминутно обрабатывает поток информации, анализируя ее и применяя в нужный момент. Согласно Л. С. Мамуту, новые информационно-технические условия открывают «перед человеком уникальные возможности для культурного и духовного роста, являющиеся залогом преодоления культурного кризиса» [9, с. 11]. В то же время

глобализация формирует культурное пространство, которое, по сути, монополярно, так как общая информационная сеть задает ему правила мышления и поведения. «Компьютерные, телекоммуникационные технологии делают более доступными для человека достижения цивилизации и нивелируют его мнимую свободу, все больше превращая его в инструмент информационной, политической, духовной экспансии» [10, с. 211]. Начиная с XX в. проблема духовности становится наиболее острой ввиду манипулятивного воздействия на сознание человека, и, как отмечает Г. Маркузе и Н. Н. Понарина [11, с. 30], активно формируется модель однотипного планетарного мышления, поведения, существования. Средства информации – компьютер, телевидение, Интернет, спутниковые коммуникации – способствуют формированию общепланетарного пространства, так как происходит влияние на сознание людей, происходит «обработка людей людьми» (по Марксу), которая становится тотальной. Информационные технологии при этом выступают средством господства инструментального знания, технократического мышления.

Согласно Л. Колбергу, К.-О. Апель, Ю. Хабермасу, В. И. Бакштановскому и др. [12, с. 17–18], культурная глобализация сменяет традиционный духовный мир, заполняя его новым содержанием. Культурной глобализации свойственны ценность информации, виртуальные связи, высокая профессиональная и социальная мобильность, ориентация на личностный успех, самореализацию, моральная и политическая свобода, приоритетность универсального над локальным (люди – члены мирового сообщества), универсальная языковая прагматика, нетиповое планирование жизни, избегание всякой идентичности, отказ от нравственных, этнокультурных обязательств. Современное культурное пространство подавляет базовые ценности человечества – моральные, религиозные и этнические регуляторы, превалируют массовая культура и индустрия удовольствий.

В результате информационное общество меняет традиционные парадигмы во всех сферах жизнедеятельности – социальные, образовательные, культурные, аксиологические. В глобализационном мире наука, технократизм выходят на первый план, так как в современном обществе востребованы профессионалы технических специальностей. Духовная сфера культуры, в которой воплощены общечеловеческие идеалы, «вечные» ценности, отходит на второй план: ослабевают позиции гуманитарной интеллигенции, обесцениваются такие понятия, как свобода творчества, живой ум, креативное мышление. В XXI в. человеческий интеллект ма-

териализуется в новейших технологиях и технике, превративших человека в раба-специалиста, который ориентирован на научно-технические и социально-экономические ценности: можно говорить о кризисе духовности. Возрастающая мобильность требует от специалиста проявлений гибкости, наднациональности, умения самореализоваться в изменяющемся потоке событий, главным качеством становится умение не только учиться, но и переучиваться, как того требует информационный поток. Изменяется масштаб духовной среды человека: из двух сторон общественного сознания – личной и общественной – определяющей в глобализационном процессе стала первая, в результате установился новый культ – культ потребителя. Основной его целью является потребление, коммерческая выгода, а средством достижения – деньги, торгово-рыночные отношения. Масштабы изменения духовной среды человека остро осознаются мировым сообществом.

Другим противоречием культурной глобализации оказывается проблема идентичности личности. Человек информационного общества начинает ощущать себя гражданином не только своего государства, но – всего мира, так как в новых условиях формируется наднациональная идентичность, индивид выходит за рамки локальной, национальной причастности. Приобщение к общечеловеческим ценностям способствует увеличению бесконфликтной адаптации (ассимиляции) людей в любой иностранной среде. По этому поводу Ж. Аттали замечает, что человек будущего – это кочевник, легко перемещающийся по миру. «Однако полное принятие и приобщение к общечеловеческим установкам чревато регрессивными процессами <...> Адаптация к общечеловеческой культуре может привести к расшатыванию идентичности этноса, утрате индивидом ощущения причастности к собственной истории, традиции, народу» [13, с. 126]. Нарушение традиционной упорядоченности может привести к психическим проблемам: неуравновешенности, агрессивности, подавленности, чувству одиночества. «В условиях все большей атомизации личности и погружения в виртуальный мир, создаваемый компьютерной техникой искусственной реальности, человек все меньше ориентируется на “другого”, утрачивает связь с ближним, этносом, нацией. В результате происходит жесткое подавление и выхолащивание национальных культур, что ведет к обеднению мировой цивилизации. Подобное положение может привести к установлению одномерного унифицированного вида, лишённого ценностей национальной

религиозно-культурной идентичности» [14].

В последнее время становится популярной позиция «антиглобалистов», по мнению которых мировое сообщество в скором будущем ожидает унификация культур. Мир, в котором предстоит жить, станет не таким разнообразным, лишится национального колорита. Большинство традиционных ритуалов, церемоний, обычаев, форм поведения, связанных с этнографическим и фольклорным разнообразием, будут исчезать по мере того, как основная часть общества приобщится к новым стандартам жизни. В этом также заключается одно из противоречий культурной глобализации, которая предлагает человечеству образцы, идеалы, ценности Запада. Одновременно с этим западная культура становится культурой Старого Света и всё более громко заявляет о себе амбициозная американская цивилизация.

Потеря национальной самобытности приведет к стиранию культурной индивидуальности, а ведь именно исторически сложившаяся культура является главным источником, из которого личность черпает жизненные смыслы. Человеку, забывшему свои традиции, идеалы и исторические корни, грозит психологическая дезориентация, что означает утрату внутренних правил, способных регулировать и упорядочивать его цели и стремления.

В этих условиях становится крайне актуальным сохранение самобытности, уникальности и культурной идентичности больших и малых этносов. С этим связано усиление активности малых народов, стремления обладать государственно-территориальным суверенитетом, что может приводить к межэтническим конфликтам. В течение последнего десятилетия XX в. «на территории бывшего СССР было зафиксировано пять “этнических войн” и около 20 вооруженных столкновений, приведших к гибели около 100 тыс. человек среди мирного населения» [15, с. 133].

Культурная глобализация выразилась в двух траекториях диалога – «из многого одно» (унификация, интеграция) и «из многого гармония» (дифференциация, сохранение идентичность и неконфликтное вхождение в мировое пространство), т.е. сохранение полифоничности этноценностных миров. «Первый вариант глобализации – однополярный мир – концепция США и Запада. Второй вариант – многоцветный, многоцивилизационный мир. Эту идею поддерживают Россия, Китай и другие страны ШОС и БРИКС. Цель – исключить появление противоречий, а значит, и конфликтов. Второй путь – сознательно сохранить эти отличия и искать иной путь мирного взаимодействия народов и культур. Его не удалось найти до сих пор потому, что не

было твердого видения необходимости сохранения культурных и ценностных различий между людьми и цивилизациями. Но была уверенность в том, что технический прогресс решит все проблемы. Эта уверенность еще крепка, но все больше поводов в ней усомниться» [8].

Следовательно, конец XX в. ознаменовался вступлением мировой цивилизации в эпоху глобализации, это объективный процесс, и ни одна страна не может изолироваться от него. Если в прошлом народы, страны исторически развивались независимо, локально, то ныне подавляющее большинство мирового сообщества втянуто в процессы межкультурных контактов и испытывает определённые этнокультурные деформации. Культурная глобализация неуклонно и последовательно разрушает прежнее социально-политическое, экономическое и культурное пространство существования этнокультурных целостностей. Новое социокультурное пространство несет в себе противоречия на всех уровнях. Причём самую большую опасность представляет разрыв социально-исторического и культурного пространств этнокультурных общностей, что влечёт за собой утрату ценностных ориентиров. Таким образом, вопрос о культурной глобализации гораздо сложнее, чем вопрос о глобализации экономической, политической и финансовой сфер.

В результате глобализации в начале XXI в. мы наблюдаем, с одной стороны, культурный универсализм, нивелирование этнической специфики, с другой – локальное этническое своеобразие с акцентом на региональные особенности. О. Н. Астафьева считает регионализацию и глобализацию «двумя сторонами единого процесса, выступающими взаимодополняющими парадигмами социокультурного развития – дифференциации и интеграции» [16].

Мы не можем знать наверняка, как дальше будет развиваться процесс культурной глобализации, но она скрывает в себе как новые риски, так и новые возможности для всего человечества. Если культурная глобализация пойдёт по «плану» «антиглобалистов», то нас ожидает уничтожение культурной самобытности и, как следствие, обезличивание человека. Ограниченность индивидуального сознания человека в условиях глобализации современного мира постепенно превратится в непосредственную угрозу развития и существования всего человечества. Но люди не являются пассивными наблюдателями всего происходящего, у них есть возможность скорректировать процесс современной культурной глобализации, учитывая интересы этнокультурных групп. Тогда культурная глобализация приведет не к уничтожению малых

культур, а к «мультикультурализму», где каждая национальная культура будет обладать «равными правами» в ряду других. «Идеальный» вариант развития культурной глобализации предполагает не уничтожение индивидуальности и личности, а их обогащение. Личность при положительном развитии культурной глобализации обретет новое положение в мировой системе: выходцы из бедных стран в процессе глобализации обретут новые знания, ресурсы и возможности, получат признание на мировой арене и обретут новый статус в обществе, что непременно повысит их национальное самосознание и личностный уровень.

Подытоживая, отметим, что глобализация интенсифицировалась в начале XXI в., масштабно заявив о себе. Это – объективный процесс, но вопрос должен ставиться о векторе его развития: «Фактически в XXI в. за глобализацию в той или иной мере выступают все здравомыслящие люди, а спор идет лишь о ее путях (“ее конкретных сценариях”). Каждый хочет объединить человечество на основе своей идеологии...» [17, с. 30]. На наш взгляд, в век глобализации невозможно и бессмысленно отгораживаться от происходящего, но при единстве общекультурных ценностей необходимы предпосылки сохранения своеобразия, идентичности этнокультур. Глобализации присущи две противоположные и одинаково равноправные тенденции: стремление к контакту культур и этнокультурное сохранение своего своеобразия, следовательно, целесообразно воспринимать этот процесс как единство в многообразии, т.е. сохранение и соединение традиции и современности, глобализации и локализации, дифференциации и интеграции.

Список литературы

1. Уткин А. И. Глобализация : процесс и осмысление. М., 2002. 183 с.
2. Крапивин А. В., Барышников С. А., Мингазутдинов И. А. Введение в международные отношения : учеб. пособие для студентов. Донецк, 2001. 339 с.
3. Маслов В. Н. Модели развития планетарного общества // Россия в глобальном мире : вызовы и перспективы развития : синергетический аспект. : сб. науч. тр. Йошкар-Ола, 2011. С. 167–174.
4. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 03.04.2016).
5. Толстоухов А. В. Глобальный социальный контекст в контуре эко-будущего // Вопр. философии. 2003. № 8. С. 49–63.
6. Муссеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М., 1998. 224 с.

7. Кессиди Ф. Х. Глобализация и культурная идентичность // Вопр. философии. 2003. № 1. С. 76–79.
8. Кашанский А. Концепция глобализации «E Pluribus Harmonia». URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001d/00124043.htm> (дата обращения: 03.04.2016).
9. Мамут Л. С. Государство в контексте глобализации // Право и политика. 2004. № 1. С. 4–13.
10. Рогова Е. Е. Одиночество в условиях современного общества : дис. ... д-ра филос. наук. Краснодар, 2012. 296 с.
11. Понарина Н. Н. Современный человек перед проблемами глобализации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 4. С. 29–30.
12. Бакитановский В. И., Согомонов Ю. В. Социология морали : нормативно-ценностные системы // Социс. 2003. № 5. С. 17–18.
13. Корытина М. А. Модернизация традиционной культуры Северной Осетии : основные аспекты : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2010. 151 с.
14. Философское осмысление проблемы глобализации. URL: <http://www.ronl.ru/referaty/filosofiya/220612/> (дата обращения: 03.04.2016).
15. Костина А. В., Гудима Т. М. Культурная политика современной России. Соотношение этнического и национального. М., 2007. 133 с.
16. Астафьева О. Н. Глобализация как социокультурный процесс // Глобализация : синергетический подход. URL: <http://www.spkurdyumov.ru/globalization/globalizaciya-kak-sociokulturnyj-process> (дата обращения: 03.04.2016).
17. Бранский В. П., Пожарский С. Д. Роль самоорганизации социума и проблема глобализации // Россия в глобальном мире : вызовы и перспективы развития : синергетический аспект : сб. науч. тр. Йошкар-Ола, 2011. С. 21–35.

Образец для цитирования:

Корытина М. А. Культурная глобализация : феномен, сущность, противоречия процесса // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 381–387. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-381-387.

Cultural Globalization: Phenomenon, Essence, Contradictions of Process

M. A. Koritina

Mountain State Agrarian University
37, Kirov str., Vladikavkaz, 362040, RsO-Alaniya, Russia
E-mail: tikis@yandex.ru

Article is devoted the analysis of a phenomenon of the XXI-st century – cultural globalisation which has replaced a former paradigm of development of all mankind. Essence of cultural globalisation – formation of universal space with uniform for all world a development vector, norms, stereotypes, a scale of valuable reference points, rules and instructions. Cultural globalisation steadily and consistently destroys former space of ethnocultural integrity and by that this objective process bears in itself the contradictions which are tearing apart the world community. In the beginning of the XXI-st century we observe, on the one hand, formation of a cultural universum, leveling of ethnic specificity, with another - a local ethnic originality with accent on regional features; and the computerisation, the Internet promote a communicative transparency, free passage of information streams, expanding possibilities of the modern person, but during too time globalisation forms cultural space which as a matter of fact is monotonous as the general information network sets to it the same types of thinking and behaviour.

Key words: cultural globalisation, uniform world cultural-tsvivilizatsionnaja system, an information society, «E Pluribus Unum» – «From a miscellaneous – one» – unification, integration, «from many harmony» – differentiation, identity.

References

1. Utkin A. I. *Globalizatsiya: protsess i osmyslenie* (Globalisation: process and judgement). Moscow, 2002. 183 p.
2. Krapivin A. V., Baryshnikov S. A., Mingazutdinov I. A. *Vvedenie v mezhdunarodnye otnosheniya: ucheb. posobie dlya studentov* (Introduction in the international relations: the manual for students). Donetsk, 2001. 339 p.
3. Maslov V. N. *Modeli razvitiya planetarnogo obshchestva* (Models of development of a planetary society). *Rossiya v globalnom mire: vyzovy i perspektivy razvitiya: sinergeticheskiy aspekt: sb. nauch. tr.* (Russia in the global world: calls and development prospects: synergistic aspect: the collection of proceedings). Yoshkar-Ola, 2011, pp. 167–174.
4. *Deklaratsiya tysyacheletiya Organizatsii Obedinennykh Natsiy* (The declaration of a millenium of the United Nations Organization). Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (accessed 3 April 2016).
5. Tolstoukhov A. V. *Globalnyy sotsialnyy kontekst v konture eko-budushego* (Global social context in an eko-future contour). *Voprosy filosofii* (Voprosy Filosofii), 2003, no. 8, pp. 49–63.
6. Moiseev N. N. *Sudba tsivilizatsii. Put' razuma* (Destiny of a civilisation. A reason way). Moscow, 1998. 224 p.
7. Kessidi F. Kh. *Globalizatsiya i kulturnaya identichnost* (Globalisation and cultural identity). *Voprosy filosofii* (Voprosy Filosofii), 2003, no. 1, pp. 76–79.
8. Kashanskiy A. *Kontseptsiya globalizatsii «E Pluribus Harmonia»* (The globalisation concept «E Pluribus Harmonia»). Available at: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001d/00124043.htm> the free (accessed 3 April 2016).
9. Mamut L. S. *Gosudarstvo v kontekste globalizatsii* (The state in a globalisation context). *Pravo i politika* (Law and Politics), 2004, no. 1, pp. 4–13.
10. Rogova E. E. *Oдиночество в условиях современного*

- obshchestva: dis.... d-ra filoz. nauk* (Loneliness in the conditions of a modern society: Dissertation... of the Doctor of Philosophy). Krasnodar, 2012. 296 p.
11. Ponarina N. N. *Sovremennyy chelovek pered problemami globalizatsii* (Loneliness in the conditions of a modern society). *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* (Historical and social-educational ideas), 2010, no. 4, pp. 29–30.
 12. Bakshtanovskiy V. I., Sogomonov Yu. V. *Sotsiologiya morali: normativno-tsennostnye sistemy* (Morals sociology: is standard-valuable systems). *Sotsis* (Sociological Studies), 2003, no. 5, pp. 17–18.
 13. Korytina M. A. *Modernizatsiya traditsionnoy kultury Severnoy Osetii: osnovnye aspekty: dis. ... kand. filoz. nauk* (Modernisation of traditional culture of the North Ossetia: the basic aspects: Dissertation... of the PhD of Philosophy). Rostov-on-Don, 2010. 151 p.
 14. *Philosophskoe osmyslenie problem globalizatsii* (Philosophical judgement of a problem globalisation). Available at: <http://www.ronl.ru/referaty/filosofiya/220612/the free> (accessed 3 April 2016).
 15. Kostina A. V., Gudima T. M. *Kulturnaya politika sovremennoy Rossii. Sootnoshenie etnicheskogo i natsionalnogo* (The cultural policy of modern Russia. A parity ethnic and national). Moscow, 2007. 133 p.
 16. Astaf'eva O. N. *Globalizatsiya kak sotsiokulturnyy protsess* (Globalisation as social and cultural process). *Globalizatsiya: sinergeticheskiy podkhod* (Globalisation: synergetics the approach). Available at: <http://www.spkurdyumov.ru/globalization/globalizatsiya-kak-sociokulturnyj-process> (accessed 3 April 2016).
 17. Branskiy V. P., Pozharskiy S. D. *Rol samoorganizatsii sotsiuma i problema globalizatsii* (Role of self-organising of society and globalisation problem). *Rossiya v globalnom mire: vyzovy i perspektivy razvitiya: sinergeticheskiy aspekt: sb. nauch. tr.* (Russia in the global world: calls and development prospects: synergistic aspect: The collection of proceedings). Yoshkar-Ola, 2011, pp. 21–35.

Please cite this article in press as:

Koritina M. A. Cultural Globalization : Phenomenon, Essence, Contradictions of Process. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 381–387. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-381-387.

УДК 111

РАННЯЯ МЫСЛЬ М. ХАЙДЕГГЕРА О ТЕХНИКЕ: МЕЖДУ КРИТИКОЙ КУЛЬТУРЫ И ГЕРОИЧЕСКИМ РЕАЛИЗМОМ

Михайловский Александр Владиславович — кандидат философских наук, доцент Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. E-mail: amichailowski@hse.ru

Статья посвящена рассмотрению концепции техники М. Хайдеггера в статьях и выступлениях ректорского периода (1933/34 г.). Установка Хайдеггера на взаимоотношение техники и природы сравнивается с позициями «критики культуры» (Г. Зиммеля, М. Шелера, Л. Клагеса) и «героического преодоления критики техники», характерного для «реакционных модернистов» (Э. Юнгера, Х. Фрайера и др.). Цель статьи — показать, что Хайдеггер не разделял ни оптимистических взглядов технократов, которые намеревались форсировать рационализацию и ускорить нигилистический процесс «расширения пустыни», ни пессимистической позиции критики культуры, которая стремилась к восстановлению традиционного порядка ценностей и видела в технике демоническую силу. Хайдеггер вполне осознавал ясную альтернативу между «подлинной техникой», кооперирующейся с природой и отвечающей Dasein германского народа, и Machenschaft (манипуляции сущим), приводящей к бездумному производству вещей, эксплуатации природных ресурсов и тем самым ввергающей в опасность всю планету.

Ключевые слова: М. Хайдеггер, критика культуры, реакционный модернизм, Э. Юнгер, философия техники.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-387-393

Консервативная критика культуры (Kulturkritik) начала XX в. образует основной контекст немецкой философии техники 1920–30-х гг. Культуркритическое мышление как особый модус рефлексии модерна отличает ярко выраженный дискурс о массе и технике, оказавший стимулирующее воздействие не только на философию, но и на немецкую социологию, вплоть до критической теории [1, с. 233–269]. При этом отправной точкой для критики тотальной механизации и массовизации современного общества служила *инструментальная трактовка техники*. Поскольку технические структуры рассматривались как продукты человеческой деятельности, то ключевым вопросом в дискуссии о роли техники в европейской цивилизации являлся вопрос об отношении «цель–средство». Редукция техники к простому средству имела две важные особенности: во-первых, аргументация культуркритицизма исходила из *нейтральности*

технических средств, а во-вторых, следовала модели *однозначности* техники, даже в случае переворачивания отношения «цель–средство».

От парадигмы нейтрального и однозначного инструмента отталкиваются такие представители культуркритицизма, как Г. Зиммель и М. Шелер, у которых критика техники (*Technikkritik*) выступает как элемент общего историко-культурного анализа общества. Например, в «Философии денег» (1900) Зиммель развивает гипотезу [2], согласно которой технические средства в ходе своего развития поглощают все больше душевных сил. Опасность заключается в том, что технический инструментарий может превратиться в самостоятельную сущность. Человек продолжает поддерживать работу машины, но уже не знает, с какой целью он это делает; техника же овладевает его душой и заставляет его служить себе: так средство из раба становится господином своего господина.

Шелер в «Ресентименте в структуре моралей» (1912) считает технику выражением человеческих стремлений к власти над природой, организованным применением систематически выработанных производственных знаний для ее эксплуатации. Происходящий при этом «переворот в ценностях» описывается так: «В ходе развития современной цивилизации природа, которой человек хотел овладеть, стремясь поэтому свести ее к механике, превратилась, как и вещь, в господина и хозяина человека, машина – в господина и хозяина жизни; что „вещи“ становились все умнее и мощнее, красивее и крупнее, а человек все больше превращался в деталь созданной им самим машины» [3, с. 201]. Человек приводится в *непосредственное отношение к техническим средствам* и сам приобретает черты автоматизма: отсюда рождается метафора «демонизм техники».

Демонизация техники обычно разворачивается на фоне оппозиции «высокоразвитой культуры» и «массовой культуры» или «технической цивилизации» и, соответственно, формирует дихотомический образ человека: с одной стороны, холодный рациональный техник со знаком минус, а с другой – «духовный» человек со знаком плюс. В манифесте движения «Перелетные птицы» «Человек и Земля» (1913) Л. Клагес противопоставляет современную эпоху «прогресса» традиционной культуре, внутри которой «создания человека» находились в симбиозе с природным целым. Техническая цивилизация современности разрывает «связь между творениями человека и Землей», она уничтожает богатый исторический ландшафт. Господство «духа» (христианский антропоцентризм и капитализм) над «душой» закрепляет глубокий раскол между человеком и

природой. И если не произойдет «внутреннего жизненного поворота», если «всесвязующая любовь» не восстановит разрыв, то человечество продолжит «опустошать в слепой ярости Мать-Землю, пока всю жизнь и его самого не поглотит бездна ничто» [4, S. 38–39].

После окончания Первой мировой войны сетования об исчезновении родных пейзажей, об утрате традиционной культуры или нормативной программы воспринимались представителями молодого поколения скорее как «старческий идеализм», вызывавший не меньшее раздражение, чем безоглядная вера в прогресс. Радикально-консервативная философия техники периода Веймарской республики начинается с резкого неприятия альтернативы «проклятие или благословение техники?». Если немецкие консервативные критики *противопоставляли* технику культуре, то реакционные модернисты настаивали на *единстве* техники и культуры [5, р. 2]. Они смогли обновить романтические антикапиталистические установки германских националистов и разработать новые концепции развития общества, в которых массы и техника рассматривалась как основной ресурс для его преобразования. Единство их установок я предпочитаю называть вместе с Р.-П. Зиферле «героическим преодолением критики техники» [6] или, более традиционно, «героическим реализмом» (Шпенглер). Реакционные модернисты акцентировали значение технических моделей мышления и организации для всех сфер жизни (общества, государства, культуры и т.д.). Сама техника уже не рассматривалась как «нейтральное средство», а взаимоотношение техники и природы определялось категорией *господства*.

В большом эссе «Рабочий. Господство и гештальт» (1932) Э. Юнгер дает ответ на вопрос о субъекте господства, объективацией которого выступает техника. Субъект технической революции – это гештальт рабочего. Техника же есть тот «способ, каким гештальт рабочего мобилизует мир» [7, с. 235]. Новый порядок мира требует исключительного оснащения и мастерства, которым новый «тип» человека овладевает опосредованно, через включенность в гештальт. Техника для рабочего – не материальный инструмент, а язык, в котором репрезентируется его господство. Гештальт рабочего, приходящий на смену буржуа как всемирно-историческая фигура, свободно распоряжается техникой и запечатлевает на всех проявлениях жизни черты «тотального рабочего характера» в планетарном масштабе.

Начиная примерно с 1935/36 г. Хайдеггер последовательно интерпретирует технику как «*Machenschaft*» («распоряжение сушим») в кон-

тексте внутренней полемики с «Рабочим» [8, 9]. Внутри «бытийно-исторического» мышления техническая современность оказывается эпохой совершенного нигилизма, основные черты которой – тотальное опредмечивание всего сущего и планетарное господство солдата-рабочего – в точности соответствуют юнгеровскому определению сущности планетарной техники. В конце концов, эта интерпретация становится у Хайдеггера и способом философского размежевания с национал-социализмом, альянс которого с техникой развеял все «агроромантические» иллюзии и явил собой нигилистическую форму «оставленности бытием».

Можно было бы удовлетвориться этим объяснением хайдеггеровской позиции 1935/1936 г.: мол, его антимодернистский протест был обусловлен критикой техники и, в этом смысле, мало чем отличается от «демонизации техники» в духе критики культуры. Но в статьях и выступлениях 1933/34 г. встречается *иная оценка техники*. Например, в ректорской речи Хайдеггер помещает технику в один ряд с «природой», «историей», «искусством», «государством» и называет «мирообразующим началом [властью, Macht] человеческо-исторического здесь-бытия» [10, S. 111].

Я предлагаю следующую гипотезу: *отношение между «техникой» и «природой»* может служить критерием отличия хайдеггеровского видения техники как от критики культуры, так и от позиции «героического преодоления критики техники». Если последняя рассматривает отношение природы и техники в смысле неизбежной политической модернизации всех областей жизни (Юнгер) или подчиняет технику единой воле народа, который под политическим руководством вождя осуществляет план тотального овладения природой (Фрайер) [11], то Хайдеггер приписывает технике задачу служения природе как «пространству народа». Это в то же время означает, что он, в отличие от культуркритицизма, не противопоставляет технику культуре. Более того, техника для Хайдеггера не является всего лишь однозначным средством, но – одним из бытийных начал: с полемики против инструментальной трактовки техники Хайдеггер начнет свою позднюю статью «Вопрос о технике» (1953).

В «Бытии и времени» Хайдеггер обозначил «бытие Daseins как заботу», т.е. как бытие-привнутримирно встречающемся сущем. В этом смысле в его политических выступлениях 1933/34 г. основой работы является не «тотальная мобилизация», а «забота» – забота, которая должна относиться к «природе» иначе, чем «гештальт рабочего», утверждающий техническую революцию с оптимистическим пафосом переустро-

ителя мира. Для Хайдеггера Юнгер остается в сфере конструктивистского, технологического, что не позволяет придать его пониманию техники «дружественный» по отношению к physis характер. Ведь Хайдеггер видел в «тотальной мобилизации» лишь форсирование рационализации и прямой путь к «расширению пустыни». «Работа» в выступлениях Хайдеггера 1933/34 гг. как бы включает в себя технику, но одновременно не может довести эту задачу до конца, поэтому самой ближайшей приемницей «работы» в сочинениях позднего Хайдеггера оказывается та *techne*, которая в «Истоке художественного творения» определяется как «творчество», служащее откровению бытия. Так понимаемая работа «помещает и встраивает народ в силовое поле всех существенных начал [Mächte] бытия» [10, S. 205–206], а «техника» наряду с «природой», «искусством», «государством» оказывается как раз такой силой или властью. Приведем цитату из имматрикуляционной речи «Германский студент как рабочий» (25 ноября 1933 г.): «Так *природа*, например, обнаруживает себя как пространство народа, как ландшафт и родина, как основа и почва. Природа свободно правит как власть и закон, [закон] потаенной традиции *наследования* существенных склонностей и инстинктов. Природа становится мероустанавливающим правилом как здоровье. Чем свободнее властвует природа, тем величественнее и сдержанней следует подчинить ей формирующую силу подлинной *техники*. Будучи привязанной к природе, основанной и вырастающей на ней [как своей основе], воодушевляемая ей и ограничиваемая, техника осуществляет себя как *история* народа» [10, S. 200–201].

Хайдеггер произносит фразу о «подлинной технике» – фразу, которая, насколько мне известно, не встречается больше ни в одном другом месте его сочинений. Она предполагает глубокое отношение к «природе», которая не противопоставляется «подлинной технике» как объект, но задает ей меру в качестве «здоровья». Не стоит спешить с догадкой: слова о «наследстве» и «здоровье» – самое настоящее *sacrificio dell'intelletto*, уступка национал-социалистического ректора «новой германской действительности». Ведь мы имеем дело с философским текстом *par excellence*, пусть и произнесенным с практическим смыслом. Поэтому я предложил бы увидеть в этом гераклитизме Хайдеггера *двойное дно*, которое, в принципе, отличает все его толкования европейской философии. Упомянув «природу», «технику» и «здоровье» в контексте текущей политики, Хайдеггер *одновременно* думает о сыне врача, Аристотеле из Стагиры.

Отношение *techne* и *physis* Хайдеггер подробно разбирает в статье «О существе и понятии *physis*: Аристотель, Физика В1» (1939), которая систематически связана с более ранними интерпретациями Аристотеля. *Techne*-соразмерное сущее и *physis*-соразмерное сущее имеют один и тот же смысл бытия, но различаются способом бытия (*Seinsweise*). Далее, в основе *physei onta* и *techne onta* лежит *kinesis*. С одной стороны, *kinesis* в природных вещах непосредственно относится к их бытию. Они сами производят себя и сохраняются в этом про-из-ведении (*Her-vor-bringen*). *Physis* содержит начало, или *arche* своего бытия в самой себе и есть произведение-самого-себя. С другой стороны, искусственные вещи про-из-водятся с помощью *techne* и приводятся в движение внешними причинами (например, художником или демиургом). Это указывает на то, что *arche* «сделанных вещей» есть *techne*: «Оно означает не “технику” в смысле изготовления или способа изготовления, равно как не означает и “искусства” в широком смысле способности-изготовления; но: *techne* есть понятие, относящееся к знанию, которое означает навык и понимание того, на чем основывается любое изготовление и производство» [12, S. 251].

Техника для Хайдеггера есть ведение, способность разбираться (*Sichauskennen*), в которой обнаруживается тесное родство между *episteme* и *techne*. Ведение означает здесь умение-ориентироваться-в-мире. Иначе говоря, речь идет о *techne* в смысле настоящего *know how*, ведь человек знает, как привести к явленности вещи в своем мире. А поскольку Хайдеггер понимает греческую *physis* как самообнаружение и «выхождение в непотаенность» (*aletheia*), то способность людей производить вещи основывается на ранней, т.е. априорной непотаенности или открытости бытия природных вещей. И хотя речь идет о некоей знакомости-известности-близости мира (*Vertrautheit der Welt*), в котором являются изготавливаемые человеком вещи, однако способность производить вещи с помощью *physis* остается для человека недоступной. Это может лишь сущее, имеющее начало-власть-силу в самом себе (*arche*). Человек применяет свои знания, давая возможность проявиться сущему, имеющему начало в самом себе, но он никогда не сможет индуцировать или сгенерировать природную силу.

Комментируя пример Аристотеля [13, 192 b 23–27], где идет речь о больном враче, который, «по совпадению» становится причиной своего выздоровления, хотя подлинное «начало» есть присущая ему природа, а не врачебное искусство, находящееся вне его и только усвоенное им, Хайдеггер подчеркивает: в данном случае *techne* как

навык есть знание и умение разбираться в том, что относится к бытию здоровым, что служит его сохранению и укреплению. «Можно было бы сделать следующее возражение: допустим, два врача страдают одной и той же болезнью, оба находятся в одинаковых условиях и оба лечат самих себя; но между этими двумя случаями болезни лежит временная дистанция в 500 лет, за которые случился „прогресс“ новоевропейской медицины. Нынешний врач располагает „лучшей“ технологией и поправляется, а живший ранее умирает от болезни. В этом случае *arche* выздоровления современного врача все-таки будет *techne*. Тем не менее следует иметь в виду: во-первых, неумирание в смысле продолжения жизни еще не обязательно является выздоровлением: то, что сегодня люди живут дольше, не доказывает того, что они здоровее, более того, позволяет говорить об обратном. Но даже если допустить, что продвинутый врач не только на время оттягивает смерть, но и выздоравливает, то получится, что и в этом случае врачебное искусство просто лучше поддерживало и направляло *physis*. *Techne* может только идти навстречу *physis*, может в большей или меньшей степени поддерживать здоровье; но в качестве *techne* она не может заменить собой *physis* и стать вместо нее *arche* здоровья как такового» [12, S. 256–257].

И все же *techne* как «способность разбираться в том, на чем основывается любое изготовление и производство», есть специфический вид приведения в явленность или выведения в непотаенность. Стало быть, *techne* есть *arche*, начало-власть, пусть и ограниченная. Ведь *techne* возможна лишь в той мере, в какой она предполагает понимание *physis* в качестве непотаенности. Чтобы определить, что *techne* способна производить, она должна основываться на человеческом опыте – на опыте бытия, который доступен человеку в его жизненном мире. Человек же забывает истоки сущего, равно как и утрачивает свою способность пребывать в этом истоке. Чтобы понять *physis*, человеку необходимо, по Хайдеггеру, пробудить то раннее знание в самом себе. И Аристотель, проводя свое различие между *techne* и *physis*, словно бы готовит нас к тому, чтобы увидеть этот горизонт нашего понимания бытия. Именно в этом смысле «подлинная техника» должна служить здоровью народа.

Если брать весь идеологический разброс позиций по актуальнейшему тогда вопросу о роли современной техники в жизни народа и государства – от «технократических» до «аграрно-романтических» голосов, – то Хайдеггера *cum grano salis* следует отнести ко вторым [14, 15]. Если в 1933 г. Хайдеггер делает ставку на «труд» и на-

ционал-социализм, то после ректорства он будет усматривать в национал-социализме и технике как раз завершение метафизики и последнюю стадию нигилизма. Так, уже в записях 1934 г. из «Черных тетрадей» он замечает, что «поклонение технике как идолу», характерное и для нацистского мировоззрения, и для «героических реалистов» Юнгера со Шпенглером [16, S. 261, 456], закономерно кончится «сумерками идолов». Хайдеггер драматично рисует безрадостную духовную ситуацию: немцы, «метафизический народ», зажаты между Россией и Америкой, которые «одинаково впали в отчаянное неистовство разнузданной техники» и предаются «беспочвенной организации нормального человека» [17, S. 41].

Убедительное объяснение приводит Д. Тома: «ретроспективно Хайдеггер встает на сторону тех, кто относит национал-социализм к “модернизации”. Это толкование – своего рода вытеснение того позитивного толкования национал-социализма под знаком “работы” и античной *techné* в выступлениях 1933 г.» [18, S. 158]. Иными словами, Хайдеггер «вымарывает» как раз ту сторону национал-социализма, которая была особенно привлекательна с точки зрения его метафизической интерпретации «движения» и «немецкой революции» в целом как возвращения к грекам в целях спасения европейского человечества от духовной опасности беспочвенности, индивидуализма, субъективизма и активизма. Ведь в успехе национал-социализма немалую роль сыграла именно амбивалентность «естественного» и «технического», одинаково использовавшихся идеологией.

Смелая идея «подлинной техники», публично высказанная в годы ректорства перед лицом студенчества и профессуры, не получила своего развития, потому что Хайдеггер уже весной 1934 г. (28 апреля этого года он ушел с поста ректора) начинает испытывать сомнения относительно правильности сделанной им ставки на «самоутверждение немецкого университета» и все больше убеждается в неспособности «предприятия» под названием высшая школа взять на себя «тяжелейшую работу вопрошания», «отдаться существенным силам» бытия [16, S. 176]. Критически оценивая собственную речь годичной давности, Хайдеггер уже в «Черных тетрадях» констатирует, что «науки выродились <...> в голые технологии»; «полная технизация» охватила не только естественные и гуманитарные науки, но и медицину, ставшую «биологической техникой» [16, S. 179, 199].

Впрочем, этот автокритицизм не ставит под вопрос основы собственного мышления, но

лишь называет свои заблуждения относительно институтов (университета, церкви, печати), социальных групп (студентов, профессоров) и идеологии (национал-социализма) своего времени, вызванные акцидентальными обстоятельствами. Процесс технизации неизбежно «катится или, лучше сказать, ползет к своему концу» [16, S. 94, 266], за которым последует «новое начало». В послевоенных работах Хайдеггер именуется «*Gestell*» «фотографическим негативом события» [19, S. 366] – смелая метафора, которая, согласно толкованию Д. Тома, «означает не что иное, как то, что техника (включая национал-социализм) служит „негативом“, который должен быть проявлен в темной комнате истории бытия, чтобы мы увидели на нем “событие”» [18, S. 156–157].

Сравнивая ранние взгляды Хайдеггера на технику с позицией консервативных революционеров, с одной стороны, и установками критики культуры, с другой, я предложил рассматривать их через отношение техники и природы. Протоэкологическая позиция критики культуры: «техника уничтожает природу»; технократическая позиция реакционных модернистов: «техника преобразует природу»; протоэкологическая позиция Хайдеггера: «[подлинная] техника сотрудничает с природой». Хотя Хайдеггер и не разделял оптимистической веры в рабочих и инженеров большинства консервативных революционеров, но вместе с ними интенсивно размышлял над вопросом о продуктивной роли немецкого народа в технической революции. При этом в отношении форсированной техники в смысле «*Machenschaft*» Хайдеггер *воспроизводит протоэкологическую риторику* Клагеса, о чём говорилось выше.

В отличие от большинства консервативных революционеров, Хайдеггер находился перед *ясной альтернативой*: либо «подлинная», «творческая» техника, следующая природе и отвечающая здесь-бытию народа, или «тотальная мобилизация» – техника, которая забывает о своей сущности как «*ноу-хау*», превращается в безоглядное производство и в качестве таковой обретает планетарное измерение. А поскольку национал-социализм пришел в итоге к форсированию процесса рационализации, он, по мнению Хайдеггера, оказался не на высоте своих судьбоносных задач. Поэтому в 1935–36 гг. Хайдеггер начал отождествлять «движение», слившееся с безудержным ходом «тотальной мобилизации», с движением нигилизма. Он увидел в нем завершение европейской метафизики, уткнувшейся в тупик самоовладевающей субъективности, овладения природой, одним словом, в тупик «совершенства техники». Однако, даже несмотря

на разочарование в способности «немецкой революции» интегрировать «подлинную технику» в народное здесь-бытие, мысль об амбивалентности техники как опасности и источника спасения стала неотъемлемой частью философии техники позднего Хайдеггера.

Список литературы

1. *Bollenbeck G.* Eine Geschichte der Kulturkritik. Von J. J. Rousseau bis G. Anders. München, 2007. 321 S.
2. *Simmel G.* Philosophie des Geldes. 6. Aufl. Berlin, 1958. XV+ 585 S.
3. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999. 231 с.
4. *Klages L.* Mensch und Erde. 5. Aufl. Jena, 1937. 181 S.
5. *Herf J.* Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge ; New York ; Melbourne, 1984. XII +251 S.
6. *Sieferle R.-P.* Ernst Jüngers Versuch einer heroischen Überwindung der Technikkritik // Selbstverständnisse der Moderne. Hrsg. von G. Figal, R.-P. Sieferle. Stuttgart, 1991. S. 133–173.
7. *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт. СПб., 2000. 539 с.
8. *Михайловский А. В.* Значение языка «Рабочего» для хайдеггеровской критики метафизики // Историко-философский ежегодник. 2001. М., 2003. С. 218–248.
9. *Михайловский А. В.* Чего не видел Эрнст Юнгер. Рец. на: М. Heidegger. Zu Ernst Jünger. Gesamtausgabe. Bd.90 // Ежегодник по феноменологической философии. М., 2008. № 1. С. 477–491.
10. *Heidegger M.* Reden und andere Zeugnisse eines Lebenswege // Gesamtausgabe. Frankfurt a/M., 2000. Bd.16. XXI +842 S.
11. *Михайловский А.В.* Философия техники Ханса Фрайера // Вопр. философии. 2011. № 3. С. 62–79.
12. *Heidegger M.* Wegmarken // Gesamtausgabe. Frankfurt a/M., Bd. 9. 1976. X +488 S.
13. *Аристотель.* Физика // Соч. : в 4 т. М., 1981.Т. 3. 613 с.
14. *Losurdo D.* Die Gemeinschaft, der Tod, das Abendland. Heidegger und die Kriegsideologie. Stuttgart ; Weimar, 1995. 290 S.
15. *Rohkrämer Th.* Martin Heidegger, National Socialism, and Environmentalism // How Green were the Nazis?: Nature, Environment, and Nation in the Third Reich. Ed. by F.-J. Brüggemeier, M. Cioc, and T. Zeller. Athens, 2005. P. 171–203.
16. *Heidegger M.* Überlegungen II–IV (Schwarze Hefte 1931–1938) // Gesamtausgabe. Frankfurt a/M., 2014. Bd. 94. VI +536 S.
17. *Heidegger M.* Einführung in die Metaphysik // Gesamtausgabe. Frankfurt a/M., 1983. Bd.40. X + 234 S.
18. *Thomä D.* Heidegger und der Nationalsozialismus. In der Dunkelkammer der Seinsgeschichte // Heidegger-Handbuch. Leben-Werk-Wirkung. Hrsg. von D. Thomä. Stuttgart ; Weimar, 2003. S. 141–162.
19. *Heidegger M.* Seminare// Gesamtausgabe. Frankfurt a/M., 1986. Bd. 15. 448 S.

Образец для цитирования:

Михайловский А. В. Ранняя мысль М. Хайдеггера о технике : между критикой культуры и героическим реализмом // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 387–393. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-387-393.

M. Heidegger's Early Theory of Technology: between Cultural Criticism and Heroic Realism

A. V. Mikhailovsky

National Research University Higher School of Economics
Build. 21/4, Staraya Basmannaya str., 105066, Moscow, Russia
E-mail: amikhailowski@hse.ru

The paper deals with M. Heidegger's early theory of technology in his rectoral addresses (1933/34). It analyzes the parallels and disjunctures between Heidegger's idea of «genuine technology» and cultural criticism (L. Klages, G. Simmel, M. Scheler), on the one hand, and «heroic overcoming of cultural criticism» presented by reactionary modernism (E. Jünger, H. Freyer), on the other hand. The purpose of this paper is to show that Heidegger shared neither the optimistic views of technocrats who were intended to force the rationalization and speed up the nihilist process of the «widening desert» nor the pessimistic view of the traditional cultural criticism which sought to restore the traditional order of values and saw in technology nothing but a demonic power. It comes to the conclusion that Heidegger was aware of the clear alternative between the «genuine technology» cooperating with nature and relevant to the *Dasein* of the German people and the «machination» which turns into the thoughtless production

of things, exploitation of natural resources, the total rationalization, and so threatens the whole world.

Key words: M. Heidegger, cultural criticism, reactionary modernism, E. Jünger, philosophy of technology.

References

1. *Bollenbeck G.* Eine Geschichte der Kulturkritik. Von J. J. Rousseau bis G. Anders (The history of cultural criticism. From J. J. Rousseau to G. Anders). München, 2007. 321 S.
2. *Simmel G.* Philosophie des Geldes (Philosophy of money). 6. Aufl. Berlin, 1958. XV+ 585 S.
3. *Scheler M.* Das Ressentiment im Aufbau der Moralen. Frankfurt a. M., 2004. XX +117 S. (Russ. ed.: Sheler M. Resentiment v structure moraley. St.-Petersburg, 1999. 231 p.).
4. *Klages L.* Mensch und Erde (Man and Earth). 5. Aufl. Jena, 1937. 181 S.
5. *Herf J.* Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge; New York; Melbourne, 1984. XII +251 S.

6. Sieferle R.-P. Ernst Jüngers Versuch einer heroischen Überwindung der Technikkritik (Ernst Jünger's heroic attempt to overcome the criticism of technology). *Selbstverständnisse der Moderne* (Self-Understanding of the Modernity). Hrsg. von G. Figal, R.-P. Sieferle. Stuttgart, 1991, pp. 133–173.
7. Jünger E. *Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt*. Stuttgart, 1982. 322 S. (Russ. ed.: Yunger E. *Rabochiy. Gospodstvo i geshtalt*. St.-Petersburg, 2000. 539 p.).
8. Mikhaylovskiy A. V. Znachenie yazyka «Rabochego» dlya Khaydeggerovskoy kritiki metafiziki (The significance of the discourse of «Der Arbeiter» for Heidegger's criticism of metaphysics). *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik*, 2001 (Yearbook of the history of philosophy). Moscow, 2003, pp. 218–248.
9. Mikhaylovskiy A. V. Chego ne videl Ernst Yunger. Rets.: M. Heidegger. Zu Ernst Jünger. Gesamtausgabe. Bd. 90 (What Ernst Jünger did not see. Rets.: M. Heidegger. Zu Ernst Jünger. Gesamtausgabe. Bd. 90). *Ezhegodnik po fenomenologicheskoy filosofii*, 1 (Yearbook of the phenomenological philosophy, № 1). Moscow, 2008, pp. 477–491.
10. Heidegger M. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges (Rectorial addresses and personal testimonies). *Gesamtausgabe* (Complete works). Frankfurt a/M., 2000. Bd. 16. XXI + 842 S.
11. Mikhaylovskiy A. V. Filosofiya tekhniki Hansa Frayera (Hans Freyer's philosophy of technology). *Voprosy filosofii (Voprosy Filosofii)*, 2011, no. 3, pp. 62–79.
12. Heidegger M. Wegmarken (Pathmarks). *Gesamtausgabe* (Complete works). Frankfurt a/M., 1976. Bd. 9. X + 488 S.
13. Aristotle. *Physics*. A Revised Text with Introduction and Commentary, ed. W. D. Ross. Oxford, 1936, pp. XII + 750. (Russ.ed.: Aristotel. *Fizika. Soch.*: v 4 t. Moscow, 1981. T. 3. 613 p.).
14. Losurdo D. *Die Gemeinschaft, der Tod, das Abendland. Heidegger und die Kriegsideologie* (Community, death, Occident. Heidegger and the war ideology). Stuttgart; Weimar, 1995. 290 S.
15. Rohkrämer Th. Martin Heidegger, National Socialism, and Environmentalism. *How Green were the Nazis?: Nature, Environment, and Nation in the Third Reich*. Ed. by F.-J. Brüggemeier, M. Cioc, and Th. Zeller. Athens, 2005, pp. 171–203.
16. Heidegger M. Überlegungen II–IV (Schwarze Hefte 1931–1938) (Black Notebooks). *Gesamtausgabe* (Complete works). Frankfurt a/M., 2014. Bd. 94. VI + 536 S.
17. Heidegger M. Einführung in die Metaphysik (Introduction to metaphysics). *Gesamtausgabe* (Complete works). Frankfurt a/M., 1983. Bd. 40. X + 234 S.
18. Thomä D. Heidegger und der Nationalsozialismus. In der Dunkelkammer der Seinsgeschichte (Heidegger and National Socialism. In the darkroom of the history of Being). *Heidegger-Handbuch. Leben-Werk-Wirkung* (The Heidegger Handbook. Life, Work, Influence). Hrsg. von D. Thomä. Stuttgart; Weimar, 2003, pp. 141–162.
19. Heidegger M. Seminare (Seminars). *Gesamtausgabe* (Complete works). Frankfurt a/M., 1986. Bd. 15. 448 S.

Please cite this article in press as:

Mikhailovsky A. V. M. Heidegger's Early Theory of Technology: Between Cultural Criticism and Heroic Realism. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 387–393. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-387-393.

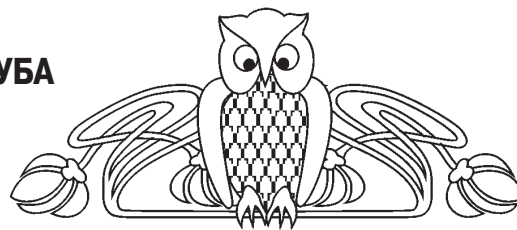
УДК 821. 161. 1. 09 – 3 : 1(430) + 929 [Сологуб+Ницше]

«ДИОНИСИЧЕСКИЙ ДУХ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ф. НИЦШЕ И Ф. СОЛОГУБА

Мокин Борис Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: boris.mokin2014@yandex.ru

Мокина Наталия Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Институт филологии и журналистики. E-mail: nat.mokina2011@yandex.ru

Предметом исследования в статье становятся концепция «дионисического духа», основные положения которой были сформулированы Ф. Ницше в книге «Рождение трагедии из духа музыки», и проблема влияния ницшеанских идей на творчество русского писателя-символиста Ф. Сологуба. В картине мира,

созданной в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес», в размышлениях писателя о феномене жизни и смысле человеческого существования, в повествовании о судьбах героев романа авторы статьи отмечают развитие идей Ницше о «дионисическом духе» как начале жизни и о principium individuationis как причине трагического существования человека. Главный герой романа Передонов представляет тип «дионисического варвара», также описанный Ницше.

Ключевые слова: Ницше, Сологуб, дионисический дух, principium individuationis, картина мира.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-393-398

Проблема влияния идей Ницше на русских философов и писателей – одна из приоритетных в изучении культуры Серебряного века, причем в исследовательском поле равно присутствуют культурологи, философы, филологи, историки. Однако многогранность, глубина и масштабность ницшеанского влияния на самые разные направления философской и художественной мысли России рубежа XIX–XX столетий не позволяет переместить проблему на периферию исследовательских интересов. Отметим и своего рода закономерность: сила воздействия ницшеанской мысли кажется тем более значительной, чем глубже погружение в художественный мир произведений русских писателей.

Как представляется, одним из таких ницшеански ориентированных писателей был талантливый поэт-символист и прозаик Федор Сологуб. Ницшеанское влияние можно увидеть и в картине мира, и в антропологии Сологуба, в самом пафосе преодоления отживших ценностей, в отрицании «духа тяжести», определивших авторскую позицию уже в первом романе «Тяжелые сны» (1895). Не касаясь всех ницшеанских идей, увлекших русского писателя, остановимся только на концепции «дионисического духа», признаваемого немецким философом воплощением сущности природы и жизни.

В первой своей книге «Рождение трагедии из духа музыки» Ницше назвал свойство жизни оставаться «несокрушимо могущественной и радостной» [1, с. 82] «дионисическим духом», символически связав это основополагающее начало жизни с именем античного бога Диониса как антипода Аполлона, «просветляющего гения *principii individuationis*» [1, с. 117], символизирующего господство разума, логики, упорядоченности.

Одно из главных свойств «дионисического духа», согласно Ницше, – его способность «разбивать оковы плена индивидуации» [1, с. 117] – разрушать границы между человеком и человеком, человеком и природой, возрождая ощущение, что «мы являемся счастливо-живущими, не как индивиды, но как *единое*-живущее, с оплодотворяющей радостью которого мы слились» [1, с. 122]. Это восстановленное единство Ницше называет «праздником примирения» человека с «порабощенной» и «враждебной» природой, уподобляя этот «союз» и возвращению «блудного сына» – человека к матери-природе [1, с. 62].

Акцентирует Ницше и другое свойство «дионисического духа»: он способен избавить индивида от плена иллюзорных представлений о действительности и «широко открыть дорогу к Матерям бытия, к сокровенной сердцевине

вещей» [1, с. 117]. Подчинившись «ликующему зову Диониса», человек обнаруживает для себя полноту, многогранность жизни, но одновременно и ее единство, «единство всего существующего» (человека и человека, человека и природы, радости и страдания, жизни и смерти), он понимает, что индивидуация – это «изначальная причина зла», и обретает «радостную надежду на возможность разрушения заклатья индивидуации, как предчувствия вновь восстановленного единства» [1, с. 94]. Смысл «праздника примирения» человека с природой, по Ницше, заключается, таким образом, не только в восстановлении единства мира, но и в приближении человека к познанию сущности жизни. Трансформируя идеи А. Шопенгауэра об иллюзорности человеческих представлений о мире, знаком которых у Шопенгауэра выступало «покрывало Майи», Ницше представляет «дионисический дух» как силу, уничтожающую «завесы», скрывающие от человека сокровенную сущность вещей: «...при благой вести о гармонии миров, – пишет Ницше, – каждый чувствует себя не только соединенным, примиренным, сплоченным со своим ближним, но единым с ним, словно разорвано покрывало Майи и только ключья его еще развеваются перед таинственным Первоединым» [1, с. 62].

«Дионисический дух» – универсальное свойство жизни, однако Ницше признавал «огромную пропасть», которая разделяла «дионисического варвара» от «дионисического грека». Негреческие – варварские дионисические праздники – относятся к греческим, как «бородатый сатир, заимствовавший от козла свое имя и атрибуты, к самому Дионису» [1, с. 64]. Варвару был доступен только «грубый и карикатурный дионисизм» – «неограниченная половая разнузданность, волны которой захлестывали каждый семейный очаг с его достопочтенными узаконениями». «Тут, – пишет Ницше, – спускалось с цепи самое дикое зверство природы» [1, с. 64]. И только греков, охраняемых Аполлоном, «дионисическое могущество» не возвращало «на ступень тигра или обезьяны»: «дионисические оргии» становились в Греции «празднествами искупления мира и днями духовного просветления», а разрушение принципа индивидуации – художественным феноменом [1, с. 64].

Претворение дионисического возбуждения в художественное творчество и сам феномен дионисического искусства – другая важнейшая тема первой книги Ницше. Дионисическая трагедия, где «дионисический дух» уравнивался аполлоническим духом, являлась «спасающей волшебницей» для дионисического человека. Она выражала и «волю в ее всемогуществе, как

бы позади *principii individuationis*, вечную жизнь за пределами всякого явления и наперекор всякому уничтожению» [1, с. 121], и создавала «покрывало иллюзии» над «ужасом и нелепостью существования» [1, с. 83].

Но время дионисической трагедии прошло: и вторая часть книги Ницше посвящена «теоретической» культуре, глубоко враждебной «дионисическому духу» и дионисическому искусству. Это культура, подчинившаяся «духу науки» и исполненная «веры в познаваемость природы и универсальную целебную силу знания» [1, с. 123]. Правда, Ницше высказывает и надежду на возможность «восстания из мистической глубины» дионисического миропонимания в форме искусства» [1, с. 123], возрождения дионисического искусства, благодаря которому перед человеком предстанет сама природа – Праматерь, в «непрестанной смене явлений», «вечно творческая, вечно побуждающая к существованию» [1, с. 121]. А позднее он и сам создаст образец такого дионисического произведения в «Дионисийских дифирамбах» (1888).

«Дионисический дух» составляет основу картины мира, созданной Ницше в цикле. «Воспринимать мир космически, дионисийски, – утверждает А. Аствацатуров, истолковывая «Дионисийские дифирамбы», – означает видеть жизнь в перспективе вечности, вечного возвращения, воли к власти, ощущать жизнь как *amor fati*). Именно «поэтому ницшевские ландшафты выглядят, как если бы природа и судьба человека, чувственное воплощение и бытие были единым, одним и тем же, они оставляют впечатление идентификации поэта с ландшафтом и силами природы» [2, с. 634]. Опорные природные образы в «Дионисийских дифирамбах» – ночь, солнце, ветер, осень, пламя, небо, пустыня – это одновременно и слагаемые душевного пространства лирического субъекта цикла, переживающего закат, осень, наступление ночи, ощущения неба и пустыни в собственной душе.

Отметим и другие особенности картины мира, созданной Ницше в «Дионисийских дифирамбах»: это не только тождество «пейзажа души» и пейзажа страны, неразрывная слитность «я» и мира, но и дионисическая способность к вечному превращению, которой отмечены и переживания-страсти «я», и все описанные явления бытия. Мир в ницшеанских дифирамбах по-дионисийски двойствен, как и сам Дионис, обладающий, по словам Ницше, «двойственной природой жестокого, одичалого демона и благого, кроткого властителя» [1, с. 94]: осенний мир и добр, кроток, и исполнен зла. Природа предстает и утешительницей («...роса утешеньем /

расстилается по земле, / невидима и ступая неслышно, ибо обута в мягкое, / как все спешащие с утешением») (пер. В. Топорова) [2, с. 62]), и губительницей человека. «Раскаленное сердце» героя – и зеркальное отражение жизни мира, и следствие вражды к нему природы-губительницы («...на желтых осенних тропах / злые взоры вечернего солнца / сквозь черные ветки деревьев к тебе / спускались, слепящие и смертоносные» [2, с. 62]). Но столь же двойствен и сам человек: он добр и зол, человечен и напоминает дионисийских хищников – пантеру и орла – своими страстями («...орлоподобны, пантерообразны / страсти, владеющие тобою, / Твои страсти под тысячею личин <...>» [2, с. 64]).

Однако замысел цикла не сводится к утверждению только «дионисического духа» как воплощения сокровенной сущности природы и жизни. Стихотворения, особенно первое («Глупец! Пиита!»), открывающее цикл и содержащее ключевые мотивы, трагичны. Одна из главных причин трагедии – противостояние в душе героя «дионисического» и «теоретического» человека: «дионисический дух» позволяет видеть сущность жизни, мир в его многогранности и бесконечных превращениях. Приметой «теоретического» человека в герое становится его устремленность к «Единой Истине». Своего героя Ницше наделяет чертами героев первого «теоретического» трагика – Еврипида, который «покинул Диониса»: «поддельными, маскированными страстями» и «поддельным, маскированным языком» [1, с. 96]. И «выскалывающий истины» герой стихотворения «Глупец! Пиита!» также обречен «пестро» глаголить «в шутовском обличе», восходить «по лукавым виадукам словес», по «лживым радугам», шнырять «меж поддельными небесами» [2, с. 63].

«Праздник примирения» человека и человека, человека и природы оказывается недолгим: прозрения «сокровенной сердцевины вещей» мгновенны и не избавляют человека от вражды и «воли к власти»: «Тебе, углядевшему в человеке божественную овечку, / суждено раздрать в человеке Бога, как раздрал в нем овечку, / и, раздирая, расхохотаться – вот в чем, вот в чем твоя благодать, орла благодать, пантеры благодать, глупца благодать, пииты благодать!..» [2, с. 64].

Именно эти две важнейшие интенции, определившие замысел ницшеанских «дионисийских» произведений (утверждение «дионисического духа» как воплощения феномена вечно творящей и вечно изменчивой жизни и признание разобщенности дионисического и аполлонического духа причиной трагического существования человека), оказываются близкими и русскому писателю-символисту Федору Сологубу.

Исследователи уже писали о несомненном интересе русского писателя к произведениям и личности Ницше, о чем свидетельствуют и письма Сологуба, и факт личной его встречи с Лу Андреас-Саломе [3, с. 189–191]. Сологуб, вероятнее всего, читал Ницше на языке оригинала [3, с. 190], и его собственные произведения являются доказательствами глубокого знания им идей немецкого философа и поэта. Сологуб, как и Ницше, признавал «дионисические, стихийные восторги, ликующие и вопиющие в природе» [4, с. 211] воплощением духа жизни. «Дионисический» настрой, объединявший Сологуба и с другими его современниками [5, с. 9], убеждение в дионисической сущности жизни нашли отражение в картинах природной жизни, созданных Сологубом и в стихотворениях (которые современники, например, Вяч. Иванов в известной статье 1904 г. «Ницше и Дионис», цитировали как образец «дионисической поэзии»), и в романе «Мелкий бес» (1902).

Следует согласиться с исследователями, признававшими Ницше «вдохновителем» Сологуба [6, с. 81; 7, с. 56–65]. Природный мир, описанный в стихотворениях и в романе «Мелкий бес», отмечен дионисической двойственностью и дионисической способностью к метаморфозам. Природа, за которой писатель прозревает «единой жизни торжество», и губительница, и утешительница. Причем это представление, например, в романских пейзажах воплощается с помощью ницшеанских метафор: у явлений природы – «мягкая обувь» («Тучка бродила по небу, блуждала, подкрадывалась, – мягкая обувь у туч» [4, с. 222]) и «злые глаза»: за героем подсматривают солнце [4, с. 215], деревья [4, с. 199], тучка [4, с. 222] и др.

Но если в стихотворениях утверждается только торжество «дионисического духа», поэтизируются ощущение слитности с природой и признание одного дыхания – у бытия и человека, то в центре романа – герой, судьба которого обнаруживает трагическую разобщенность дионисического и аполлонического начал: «дионисический дух», не примиренный с аполлоническим, являет себя в «грубых, карикатурных формах», как у «дионисического варвара» [6, с. 87]. Однако и «аполлонический дух», дух Аполлона, «просветляющего гения *principii individuationis*», разобщенный с дионисическим началом, тоже искажается.

«Внешний» сюжет романа складывается в историю нового Пбприщина: как и герой знаменитой гоголевской «Шинели», сологубовский герой, учитель гимназии Передонов, мечтает о «пбприще», должности инспектора, но, став

жертвой обмана, не получив должности, сходит с ума. Но трагедия героя имеет отчетливо метафизический смысл: и «ключи» к пониманию сущности этой трагедии – в ницшеанских размышлениях о «дионисическом духе», способном пробудить ощущение, что все в мире – «единое-живущее», и в ницшеанском признании индивидуации «изначальной причиной зла» [1, с. 94].

Сологуб описывает человека, явно находящегося в плену индивидуации: Передонов, по словам автора, «ослеплен обольщениями личности и отдельного бытия» [4, с. 211]. «Обольщения отдельного бытия» проявляются, прежде всего, в сосредоточенности героя на самом себе и отсутствии интереса к людям, которые воспринимаются им как «предметы» или «аппараты»: например, «аппаратом для растаскивания пером чернил по бумаге» [4, с. 112] Передонов считает гимназистов. Писатель постоянно подчеркивает равнодушие героя ко всему, кроме его «утробы». «Быть счастливым» для Передонова, пишет Сологуб, «значило ничего не делать и, замкнувшись от мира, ублажать свою утробу» [4, с. 85]. Передонов «не принимал никакого участия в чужих делах, – не любил людей, не думал о них иначе, как только в связи со своими выгодами и удовольствиями» [4, с. 15]. Сологубовский герой может говорить только о себе или, чаще, угрюмо молчать, ибо другие ему «нелюбопытны, как все предметы, с которыми не были кем-то установлены для него приятные или неприятные отношения» [4, с. 17]. «Ничто во внешнем мире его не занимало», – подчеркивает автор [4, с. 53].

И силы, способной разрушить «заклятье индивидуации», лежащее на сологубовском герое, не существует: «Среди этого томления на улицах и в домах, под этим отчуждением с неба, по нечистой и бессильной земле, шел Передонов и томился неясными страхами, – и не было для него утешения в возвышенном и отрады в земном, – потому что и теперь, как всегда, смотрел он на мир мертвенными глазами, как некий демон, томящийся в мрачном одиночестве страхом и тоскою» [4, с. 85].

Сологуб постоянно подчеркивает неспособность своего героя чувствовать красоту – природы, искусства, религиозного обряда, красоту человека: музыка, «едва задев его мертвенно-грубые чувства», умирает для него [4, с. 43], книги преподаватель литературы давно не читает [4, с. 53], женская красота являлась для него «только источником низкого соблазна» [4, с. 57]. Передонову недоступно понимание красоты и христианских обрядов: автор пишет о «занавесе», скрывавшем от его героя «таинство

вечного претворения бессильного вещества в расторгающую узы смерти силу» [4, с. 202].

Таким же «занавесом» закрыт для сологубовского героя и сокровенный смысл жизни природы – «дионисический дух», и эта мысль и имплицитно содержится в высказываниях Передонова о природе, и эксплицируется в романе: «Передонов чувствовал в природе отражения своей тоски, своего страха под личиною ее враждебности к нему, – пишет Сологуб, – той же внутренней и недоступной внешним определениям жизни во всей природе, жизни, которая одна только и создает истинные отношения, глубокие и несомненные, между человеком и природою, этой жизни он не чувствовал. Поэтому-то вся природа казалась ему проникнутою мелкими человеческими чувствами. Слепленный обольщениями личности и отдельного бытия, он не понимал дионисических, стихийных восторгов, ликующих и вопиющих в природе» [4, с. 210].

В природе Передонов видит не «живую игру» «толпы духов», как дионисический грек в описании Ницше [1, с. 85], а декорацию, созданную плохим маляром или декоратором. Так, глядя на пруд, он тоскливо спрашивает приятеля: «Зачем тут грязное зеркало <...>?» [4, с. 221]. Когда бродят по небу темные тучи, он ворчит: «Напустили темени, а к чему» [4, с. 210], когда видит заходящее солнце и небо «в огне и в золоте», то недовольно бормочет: «Наляпали золота кусками, аж отваливается. Где это видано, чтобы столько тратить!» [4, с. 217].

Если воспользоваться образом Шопенгауэра, философа, близкого не только Ницше, но и Сологубу [8, с. 70–88], то можно сказать, что «покрывало Майи», скрывающее от героя подлинный дух жизни, становится все более плотным. Передонов оказывается во власти иллюзорных представлений о мире и людях. Слово «иллюзия» постоянно повторяется в описании мировосприятия героя: «... мало-помалу, – пишет Сологуб о Передонове, – вся действительность заволакивалась перед ним дымкою противных и злых иллюзий» [4, с. 112], причем «все те же и те же иллюзии повторялись и мучили его» [4, с. 235]. Он принимает приятеля, Володина, – за барана, барана – за приятеля, карты – за гимназистов, ветку – за ворону и проч. Но он и не пытается разорвать «покрывало Майи», а все прочнее «заграждается» от мира [4, с. 233], утрачивая способность видеть и понимать мир, и потому предметы в его глазах «раздваивались, млели, мережили» [4, с. 175].

Передонов не утрачивает истинно человеческого стремления к пониманию смысла бытия, стремления заглянуть «за пределы всякого явления», если воспользоваться выражением Ницше,

но сущность жизни оказывается все более недоступной герою. «Уже Передонов весь был во власти диких представлений, – пишет Сологуб. – Призраки заслонили от него мир. Глаза его, безумные, тупые, блуждали, не останавливаясь на предметах, словно ему всегда хотелось заглянуть дальше их, по ту сторону предметного мира, и он искал каких-то просветов» [4, с. 251]. Но не единство с миром, а вражду с ним ощущает Передонов, не «сокровенную сердцевину вещей» прозревает он, а всеобщую бессмыслицу. И эта мысль также эксплицируется Сологубом: «Все люди и предметы являлись ему бессмысленными, но равно враждебными» [4, с. 267].

Это суждение Сологуба о герое обретает дополнительный смысл, если видеть здесь аллюзию на рассуждение Ницше о состоянии и мировидении «дионисического варвара», не охраняемого Аполлоном и испытывающего «отвращение» от «ужаса и нелепости существования» [1, с. 83]. Сологубовский герой, действительно, напоминает «дионисического варвара», причем еще очевиднее это возвращение Передонова «на ступень обезьяны» в других эпизодах романа, о чем уже писали исследователи [6, с. 87]. «Дионисическим варваром», например, кажется Передонов, пляшущий «кругом груши», с визгами и криками [4, с. 32], а на карикатурные дионисические праздники-«оргии» варваров похожи устроенные Передоновым и его гостями шутовские похороны квартирной хозяйки, с плясками, под звуки «диких, визгливых голосов» гостей [4, с. 34]. Думается, не случайно Сологуб акцентирует в описании главного героя приметы первобытного человека: и когда описывает дикие страхи Передонова и его «чурания», попытку спасти себя от колдовских чар палкой, украшенной кукишем. Первобытное варварство и эксплицируется в Передонове, когда автор пишет о том, что «состояние первобытной озлобленности угнетало порочную волю» его героя [4, с. 235].

«Первобытная озлобленность», первобытная жестокость, соединенная с иллюзорным представлением о мире, и становятся причиной убийства, совершенного Передоновым: он убивает своего приятеля Володина, отождествляя его с бараном. Этот трагикомический финал также источником имеет ницшеанские размышления о дионисических и аполлонических началах бытия. Символический смысл эпизода в том, что карикатурный «дионисический человек» убивает карикатурного «аполлонического человека», ибо баран – тотемное животное Аполлона, животное, с которым Аполлон отождествлялся. В финале сологубовского романа как будто травестируются строки из «Дионисийских дифирамбов» Ницше: «Тебе, углядевшему в человеке божественную

овечку, / суждено раздрать в человеке Бога, как раздрал в нем овечку, / и, раздирая, расхохотаться...» [2, с. 64].

Итак, ницшеанская концепция жизни как равновесия, «перемирия» «дионисического» и «аполлонического» начал позволяет понять метафизический смысл трагедии сологубовского героя: ее причины – в непримиренности двух главных начал жизни: дионисического и аполлонического духа. В сущности, трагедию Передонова можно передать с помощью и других слов Ницше: «И так как ты покинул Диониса, то и Аполлон покинул тебя...» [1, с. 96].

Список литературы

1. Ницше Ф. Соч. : в 2 т. / сост., ред., вступ. ст., примеч. К. Свасьяна. М., 1990. Т. 1. 829 с.

Образец для цитирования:

Мокин Б. И., Мокина Н. В. «Дионисический дух» в интерпретации Ницше и Ф. Сологуба // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 393–398. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-393-398.

The Dionysian Spirit in the Interpretation of F. Nietzsche and F. Sologub

B. I. Mokin, N. V. Mokina

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., 410012, Saratov, Russia

E-mail: boris.mokin2014@yandex.ru

The subject explored in the article is both the concept of the «Dionysian spirit» the crucial points of which were formulated by F. Nietzsche in his first work «The Birth of Tragedy» and also the influence of Nietzsche's ideas on famous Russian symbolist writer F. Sologub. The authors reveal that the Nietzschean ideas about the «Dionysian spirit» considered as the basis of life are developed in F. Sologub's novel «The Petty Demon». The philosopher's perception of principium individuationis understood as the cause of tragic human existence are expanded in «The Petty Demon». Peredonov, who is the main character of the novel, is represented as a «Dionysian barbarian», also described by F. Nietzsche.

Key words: F. Nietzsche, F. Sologub, the Dionysian spirit, principium individuationis.

References

1. Nietzsche F. *Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik*. Leipzig, 1872. 172 p. (Russ. ed.: Nietzsche F. Soch.: v 2 t. Sost., red., vstup. st., primech. K. Svasyana. Moscow, 1990, vol. 1. 829 p).

Please cite this article in press as:

Mokin B. I., Mokina N. V. The Dionysian Spirit in the Interpretation of F. Nietzsche and F. Sologub. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 393–398. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-393-398.

2. Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза / пер. с нем. ; сост. М. А. Кореневой ; вступ. ст. и коммент. А. Аствацатурова. СПб., 1993. 672 с.
3. Павлова М. М., Лавров А. В. Неизданный Сологуб. М., 1997. 576 с.
4. Сологуб Ф. Мелкий бес. М., 2007. 640 с.
5. Розенталь Ш., Фоули Х. П. Символический аспект романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Русская литература XX века : исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 7–23.
6. Хефтрих У. Дионис в провинции : Ницше, Шекспир, Еврипид в «Мелком бесе» Ф. Сологуба // Вopr. философии. 2002. № 2. С. 81–89.
7. Schmidt U. *Fedor Sologub. Werk und Kontext*. Bern ; Berlin ; Frankfurt/M., 1995. 371 S.
8. Baer J. *Arthur Schopenhauer und die russische Literatur des späten 19 und frühen 20. Jahrhunderts*. München, 1980. 194 S.

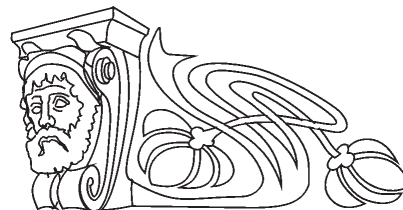
2. Nietzsche F. *Gedichte und Sprüche*. Leipzig, 1922. 222 S. (Russ. ed.: Nietzsche F. *Stikhotvoreniya. Filosofskaya proza*. Sost. M. A. Korenevoy; vstup. st. i comment. A. Astvatsturova. St.-Petersburg, 1993. 672 p.).
3. Pavlova M. M., Lavrov A. V. *Neizdannyy Sologub* (Unpublished works by F. Sologub). Moscow, 2007. 576 p.
4. Sologub F. *Melkiy bes* (The Petty Demon). Moscow, 2007. 640 p.
5. Rosenthal Ch., Foley H. Symbolic patterning in Sologub's «Melkiy bes». *Slavic and East European Journal*. 1982, vol. 26, no. 1, pp. 43–55 (Russ. ed.: Rosenthal Ch., Foley H. Simvolicheskiy aspekt romana F. Sologubya «Melkiy bes». *Russkaya literatura XX veka. Issledovaniya amerikanskikh uchenykh*. St.-Petersburg, 1993, pp. 7–23).
6. Khephtrikh U. Dionis v provintsii (Dionysus in the provinces: Nietzsche, Shakespeare, Euripides). *Voprosy filisofii* (Voprosy Filisofii), 2002, no. 2, pp. 81–89.
7. Schmidt U. *Fedor Sologub. Werk und Kontext* (Fedor Sologub. Work and context). Bern; Berlin; Frankfurt/M., 1995. 371 S.
8. Baer J. *Arthur Schopenhauer und die russische Literatur des späten XIX und frühen XX Jahrhunderts* (Arthur Schopenhauer and russian literature in the late XIX and the early XXth century). München, 1980. 194 S.

УДК 28

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСЛАМСКОЙ ЭКЗЕГЕТИКИ «ТАФСИР АЛЬ ЛЮГАВИЯ»

Муратов Алексей Владимирович – аспирант кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: alieksiei.muratov.82@mail.ru

Статья посвящена особенностям исламской экзегетики «Тафсир аль люгавия» – толкование коранических слов и выражений посредством лингвистического анализа. Выявлена роль доисламской поэзии как одного из основных источников «тафсира аль люгавия». Рассмотрен вопрос достоверности и подлинности образцов древней арабской поэзии в работах советских востоковедов и арабских ученых Средних веков и современности. Изучены биографии одного из первых авторитетнейших собирателей древнеарабской литературы аль Асмаи и составителя одного из фундаментальных трудов по тафсиру ат Табари, а также отзывы ученых о них.

Ключевые слова: тафсир, люгавия, арабская поэзия, иснад, аль Асмаи, ат Табари.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-399-402

Основным источником исламской языковой традиции, как известно, является Коран. При этом одно из наиболее важных мест в исламской экзегетике занимает «тафсир аль люгавия» – толкование посредством арабского языка. Следует отметить: для того, чтобы толковать Коран, муфассир – толкователь Корана – должен иметь прочные знания более чем в пятнадцати науках, большая часть из которых связана с языком. Однако для того, чтобы постичь глубину смысла некоторых коранических слов и выражений муфассир обращается к древней арабской поэзии. Именно с этой целью мусульманские ученые веками сохраняли ее произведения.

В рассмотрении доисламской поэзии как источника понимания философии жизни арабов в преддверии зарождения исламской традиции нельзя не обратить внимание на некоторые ошибочные утверждения, приведенные в работах советской арабистики. Думается, что это обусловлено атеистической направленностью советской научной мысли. Например, в сборнике статей зарубежных ученых «Арабская средневековая культура и литература» [1, с. 95] приведен перевод статьи Дж. Т. Монроу «Устный характер доисламской поэзии». В разделе «Проблема подлинности» он приводит доводы египетского ученого Таха Хусейна и английского ориенталиста Д. С. Марголиуса относительно фальсификации и подлога средневековыми мусульманскими учены-

ми древней арабской поэзии. Для прояснения этого вопроса проанализируем их основные доводы.

Т. Хусейн утверждает, что муфассиры для трактовки непонятных им мест Корана сочиняли поэтические строки и выдавали их за древние стихи «в поддержку их собственных истолкований» и для «возвышения собственного авторитета». Или, например, во вступительной статье к книге «Жизнь и подвиги Антары» при упоминании о великом, признанном ученом Асмаи, собирателе древней арабской поэзии, говорится, «что он составил это жизнеописание “по достоверным сведениям со слов Хамзы, а также Абу Талиба, Амра ибн Мадикариба аз Зубейди, Хатима ат Таи, Имрулькайса аль Кинди, Хани ибн Масуда <...> ничего не прибавив и не убавив”. Таким образом, если верить всему этому, автор романа аль Асмаи был современником многих доисламских поэтов и воинов, знал родственников Мухаммада, жил при дворе Аббасидских халифов <...> т.е. должен был прожить несколько сот лет» [2, с. 7–8].

Как представляется, подобное заключение является, по меньшей мере, странным. Ведь любому мусульманскому теологу известно, что издревле в арабской традиции существовала система «иснада». Иснад – это «вещь, на которую полагается, основывается, опирается что-то другое. Как термин “иснад” – процесс возведения содержания хадиса (повествования) к его первоисточнику через последовательное упоминание передатчиков в его цепи» [3, с. 100].

«Иснад» – уникальная система, присущая исключительно исламской традиции. Она употребляется как при передаче Корана, Хадисов пророка, так и любых сообщений и высказываний ученых во всех отраслях науки. Одной из предпосылок развития «иснада» является отсутствие письменности у жителей Аравии. Так, доктор Хамза Кублян аль Музани, преподаватель арабского языка и литературы университета «Малик Сауд» (Эр-Рияд), получивший докторскую степень в лингвистике в университете Техаса, в своей книге «Дирасат фи ат тарих аль люга аль арабийя» («Уроки по истории арабского языка») пишет: «Древнейшие тексты, написанные араб-

ской письменностью, обнаружены на стенах храма Рамм, на Синае, относящиеся к 300-му г. от Р. Х. Также обнаружены фрагменты христианских текстов, сопровождаемых греческим переводом в Забаде, относящиеся к 512-му г. от Р. Х., и в Харране, относящиеся к 568-му г. от Рождества Христова». [4, с. 34]. Таким образом, ясно, что письменность у арабов начала появляться лишь незадолго до ниспослания Корана. Другой предпосылкой является частичная изоляция от процессов внешнего мира и обитание в пределах своей пустыни, на которую не обращали внимания великие империи того времени Персия и Византия, что позволяло иметь «чистый разум», свободный от влияния их философии, и хорошую память. Арабы точно и четко воспроизводили любую информацию, будь то торговые договоры, условия перемирия, поэзия и пр. К тому же они с осторожностью относились к словам и действиям: если человек был легкомыслен или единожды был уличен в неточности передачи, или еще хуже, во лжи, он практически исключался из жизни социума: не мог заключать договоры, свидетельствовать в суде, жениться и т.п. Кроме того, об этом становилось известно всем, что бросало тень на его род, а родословная для арабов была очень важна. Еще можно добавить, что в арабо-мусульманской традиции любое слово, хадис, способ recitation Корана не принимаются без достоверного «иснада». При передаче по цепи от учителя к ученику учитель должен задокументировать право ученика на передачу полученных знаний от него, выдать «иджазу» – право на передачу знаний. Необходимо сказать и о том, что в исламской теологии существует наука «Джарх ва ат-таадиль» – критика и оправдание, которая занимается расследованием личностей передатчиков сообщений: для того, чтобы сообщение получило статус «достоверного», досконально проверяется вся жизнь каждого передатчика. В этой науке существуют четко разработанная методология и очень жесткие требования, рассмотрение которых невозможно в рамках одной статьи.

Таким образом, под словами, приведенными И. Фильштинским относительно аль Асмаи, «что он составил это жизнеописание “по достоверным сведениям со слов Хамзы, а также Абу Талиба, Амра ибн Мадикариба аз Зубейди, Хатима ат Таи, Имрулькайса аль Кинди, Хани ибн Масуда <...> ничего не прибавив и не убавив”», подразумевался именно иснад работы аль Асмаи, что доказывает ее достоверность. Поэтому высказывание: «...таким образом, если верить всему этому, автор романа аль Асмаи был современником многих доисламских поэтов и воинов, знал родственников Мухаммада, жил при дворе

аббасидских халифов <...> т.е. должен был прожить несколько сот лет», является ошибочным.

Далее хотелось бы ответить на критику Т. Хусейна относительно того, что мусульманские ученые могли совершить подлог: «для трактовки непонятных им мест Корана сочиняли поэтические строки и выдавали их за древние стихи <...> в поддержку их собственных истолкований» и для «возвышения собственного авторитета». Прочитую отрывок, в моем переводе, из известного и авторитетного источника, книги имама аз Захаби (ум. 1374 г.) «Сияру алями ан-нубаля» («Путешествие в мир предшественников»). Об аль Асмаи пишется следующее: «Имам, великий ученый, хафиз, худжа (худжа – “довод” – степень ученого. – А. М.) в литературе, арабском языке. Абу Саид абд уль Малик Курайб бин абд уль Малик бин Али бин Асма’ бин Музаххир бин абду Шшамс бин Айа, бин Саид бин Абди бин Ганм бин Кутайба бин Маан бин Малик бин Аасур бин Саид бин Кайс Айлян бин Мудар бин Низар бин Маадд бин Аднан, аль Асмаи аль Басри – один из самых знающих филологов <...>

Аббас ад Дури от Яхьи бин Маина, от аль Асмаи, что [последний] сказал: «Слушал меня [мои знания] Малик бин Анас (Малик бин Анас – один из величайших ученых Ислама, основоположник Маликитского мазхаба, известен также тем, что к его мнению прислушивались Аббасидские халифы. Он – автор первого сборника хадисов «Аль Мувагта», который халиф предложил разместить в Каабе и сделать единым законом для всех мусульман, однако имам Малик отказался, обосновав тем, что даже у сподвижников были различные мнения по одному вопросу. – А. М.)

Также похвалил Ахмад бин Ханбаль (Ахмад бин Ханбаль – один из величайших ученых Ислама, аскет, составитель сборника хадисов “Аль Муснад”, основоположник Ханбалитского мазхаба, о нем говорилось, что он знал наизусть миллион хадисов, в том числе высказывания сподвижников, и распространенные ложные хадисы, с полным иснадом. Ахмад бин Ханбаль – имам, спасший исламскую акыду – догматику от искажений и выстоявший под пытками и страхом смерти во времена правления секты Му’тазилитов. – А. М.), который сказал: “аль Асмаи на сунне” (т.е. следует примеру пророка. – А. М.) [5, с. 175–176].

Далее имам аз Захаби приводит некоторые данные о знаниях аль Асмаи: «Сказал Амру бин Шабба: “Я слышал, как аль Асмаи сказал: Я знаю наизусть 16 тысяч руджзов (руджаз – стихотворный размер, стих, мн. ч. – руджз. – А. М.). Сказал Мухаммад бин аль Араби: “Я был свидетелем того, как аль Асмаи прочел сто бейтов (бейт – двустишие. – А. М.) по грамматике, которых мы ранее не знали” (в мусульманской традиции сво-

ды правил той или иной науки принято составлять в стихах, для лучшего запоминания. – А. М.). Сказал ар Раби’: “Я слышал, как аш Шафии (имам аш Шафии – один из величайших ученых Ислама, основоположник Шафиитского мазхаба. – А. М.) сказал: нет ни одного объяснения арабского языка лучше, чем объяснение аль Асмаи”. От ибн Маина, который сказал: “Был аль Асмаи в своем деле самым знающим из людей”. Сказал Наср аль Джухдами: “Был аль Асмаи очень осторожен при толковании хадиса, как был осторожен при толковании Корана”. Сказал аль Мубаддир: “Был аль Асмаи морем в лингвистике, мы не знаем в ней подобного ему...” [5, с. 177–178].

Другим ярким примером ученых муфасиров является составитель авторитетнейшего труда по тафсиру имам ат Табари, который также прибегает к древнеарабской поэзии для более глубокого понимания значений некоторых слов Корана. Вот что говорится о нем в авторитетных арабских источниках: «Сказал о нем аль Хатыб аль Багдади (средневековый мусульманский ученый-историк, хафиз, род. 1002, Газийя, ум. 1072, Багдад. – А. М.): “Был он предводителем ученых, мудрым в словах, прогрессивным во взглядах, постиг столько наук, сколько не постиг ни один в его эпоху, был хафизом “Книги Аллаха”, знавшим все виды чтения, глубоко проникающим в смыслы, понимающим мудрости [или положения] Корана, ученым в сунне и путях ее передачи, того, что в ней достоверно, а что нет, знающим высказывания сподвижников [пророка], их последователей и всех, кто видел их своими глазами...”» [6, с. 550].

Якут ибн Абдуллах аль Хамави — мусульманский учёный и писатель, филолог, путешественник, историк и географ пишет об ат Табари следующее: «Поистине он, да смилуется над ним Аллах, стал хафизом Корана в семь лет, совершал коллективную молитву в восемь лет и записывал хадисы в возрасте девяти лет» [7, с. 2445].

Ибн Таймийя – арабо-мусульманский теолог, математик, суфий, правовед ханбалитского мазхаба, критик нововведений в религии сказал относительно тафсира ат Табари: «Что касается тафсиров, которые есть у людей, то лучший тафсир Мухаммада ибн Джарира ат Табари, поистине он упоминает в нем высказывания саляфов (праведников первых времен ислама. – А. М.) с твердым иснадом, и нет в нем нововведений [ереси], и не приводятся в нем сообщения от обвиненных (в чем-либо передатчиков. – А. М.)» [8, с. 385].

Ибн Халликан – арабский писатель и юрист в труде «Вафайят аль-а’йан ва-анба’ абна’ аз-

заман» («Некрологи знатных лиц и заметки об их современниках») пишет об ибн Джарире ат Табари следующее: «Муджтахид, самый знающий своей эпохи, основоположник многих трудов, был честным, хафизом, главой в тафси-ре, предводителем, в его понимании, ясного и неочевидного, ученым в истории и биографии людей, знатоком видов чтения Корана и языка, а также во многом помимо этого» [9, с. 191]. В этом высказывании ибн Халликан использует термин «муджтахид», который применяется в отношении ученых, способных делать прогрессивные выводы, актуальные для своего времени, на основе фундаментальных знаний теологии.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о высокой степени учености и набожности людей, подвергаемых критике со стороны тех, кто не имеет столь глубоких знаний и мысли которых, вольно или невольно, тиражируются в интересах поддержания определенной (в данном случае, атеистической) идеологии. Также становится понятно, насколько щепетильно относились ученые прошлого к достоверности знаний в своей методологической парадигме: ведь постижение каких-либо наук воспринималось ими как постижение Божьих законов. Возможно, именно чувство глубокой ответственности перед чем-то трансцендентным позволяло мусульманской научной мысли Средних веков достичь апогея и свершить многие великие открытия, плодами которых пользуется и современная наука.

Список литературы

1. Арабская средневековая культура и литература : сб. ст. зарубежных ученых / сост. И. Фильштинский. М., 1978. 216 с.
2. Жизнь и подвиги Антары / сокр. пер. с арабского И. Фильштинского, Б. Шифдара. М., 1968. 454 с.
3. Азами М. Хадисоведение. Казань, 2011. 238 с.
4. تاسرد ينيزملا نالبق نب قزم ح د. 2013, نامع , 341 ص. ةيب رغال ةغلل حيرات يف
5. توريب , ةلاس رل ةسسؤم , ةالبنل مالع ريس . يب هذلا مالإا . ص 723 , 10 ج , 24 ج , 2001
6. ةيم رغال بتكلا راد , دادغب حيرات . يدادغب لب بي طخال . ص 611 , 2 ج , 24 ج , 2001 , توريب
7. توريب , يم السال برغال راد , ةابدال مج عم . يوم حلا توقاي . ص 3650 , 6 ج , 7 ج , 1993
8. عم جم , ةيميت نبا يواتف عوم جم . ةيميت نبا نيدلا يقت , ةيوبنلا ةني دمل , ةفيرشال فح صملا ةعابطل دلف لكللما . ص 448 , 13 ج , 37, 1995
9. رداص راد نالك ل خ نبا . نامزل اءابنأ ةابنأ و نايعال تاي فو . ص 490 , 4 ج , 7 ج , 1997 , توريب

Образец для цитирования:

Муратов А. В. К вопросу об особенностях исламской экзегетики «тафсир аль люгавия» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 399–402. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-399-402.

To a Question about the Peculiarities of Islamic Exegesis «Tafsir Al Lyugaviya»

A. V. Muratov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: alieksiei.muratov.82@mail.ru

The article is devoted to the peculiarities of Islamic exegesis «tafsir al lyugaviya» – the interpretation of Quranic words and phrases through linguistic analysis. The role of pre-Islamic poetry as one of the main sources of «tafsir al lyugaviya». The question of the validity and authenticity of the samples of ancient Arabic poetry in the works of Soviet Orientalists and Arab scholars of the Middle Ages and modernity. We studied the biography of one of the first collectors of ancient Arabic literature authoritative al Asmai and compiler of one of the fundamental works of tafseer at Tabari, and scientists reviews about them.

Key words: tafsir, lyugaviya, arabic poetry, isnaad, al Asmai, at Tabari.

References

1. *Arabskaya srednevekovaya kultura i literature: sb. st. zarubezhnykh uchenykh* (Ancient Arab culture and

literature: collection of articles of foreign scientists). Comp. I. Filshtinskiy. Moscow, 1978. 216 p.

2. *Zhizn i podvigi Antary* (The life and exploits Antara). An abridged trans. from Arabic I. Filshtinskiy and B. Shifdar. Moscow, 1968. 454 p.
3. Azami M. *Hadisovedenie* (Hadith). Kazan, 2011. 238 p.
4. Al-Muzaini H. *Dirasat fi tarikh al Lyuga Al Arabiya* (Lessons on the history of the Arabic language). Amman, 2013. 344 p.
5. The imam az-Zhahabi. *Siyar alyami an – nubalya*: in 24 vol. (Journey into the world of the righteous). Beirut, 2001. Vol. 10. 723 p.
6. Al Baghdadi Kh. *Tarikh Baghdad* : in 24 vol. (The History of Baghdad). Beirut, 2001. Vol 2. 611 p.
7. Al Hamavi Y. *Mu'dzham al adiba*: in 7 vol. (The collection of letters). Beirut, 1993. Vol 6. 3650 p.
8. Ibn Taymiyyah . *Majmoa Fataawa*: in 37 vol. (Collection of fatwas). Al Madina Al Munawara, 1995. Vol. 13. 448 p.
9. Ibn Khallikan. *Vafayat al- a'ian val-anba 'abna' az-Zaman*: in 7 vol. (The obituaries of notable people and notes about their contemporaries). Beirut, 1997. Vol 4. 490 p.

Please cite this article in press as:

Muratov A. V. To a Question about the Peculiarities of Islamic Exegesis «Tafsir Al Lyugaviya». *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 398–402. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-398-402.

УДК 001:1

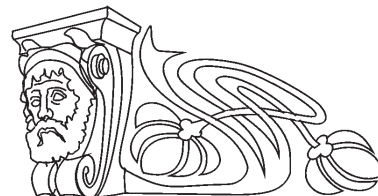
В. И. ВЕРНАДСКИЙ: БИОСФЕРА, НООСФЕРА И ЧЕЛОВЕК

Позднева Светлана Павловна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и методологии науки, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: maslovrv@gmail.com

Предметом статьи являются взгляды русского космиста В. И. Вернадского на биосферу, ноосферу и месту в них человека. Рассматриваются отличия биосферы и ноосферы и переход биосферы в ноосферу, концепция «живого» вещества как основа биосферы, превращение человека в геологическую (планетную) силу, становление и разрушение техносферы, приводятся перечень и перспективы разрешения комплекса глобальных проблем. Все идеи русского космиста В. И. Вернадского достоверны, реальны (гипотеза «живого» вещества, превращения человека в геологическую планетную силу и комплекс глобальных проблем), доказуемы (естественными науками – геохимией и др.), что чрезвычайно актуально. Сегодня прогностическая ноосферная концепция В. И. Вернадского является истинной стратегией выживания человечества.

Ключевые слова: ноосфера, биосфера, Вернадский, планетарность, глобальные проблемы, техносфера, социум, человек, цивилизация, разум.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-402-408

В русской философской мысли исторически выработались два ключевых курса русского космизма. С одной стороны, естественно-научный, сциентистский космизм (А. Я. Чижевский, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский), с другой – экзистенциально-эсхатологический (Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой). Русский космизм – самобытный феномен, отклик на рассудочный западноевропейский рационализм. Благодаря этому ключевая тема русского космизма – отношение двух миров – вселенной и духовного мира человека. Естественно-научный космизм, по словам В. И. Вернадского, вводит человека в систему элементов Природы. Природе, мирозданию обязан человек своим рассудком.

«С космическим пространством только имеет дело в своей научной работе натуралист, и избежать его он не может, так как это – та реальность, которую он изучает», – подчеркивает В. И. Вернадский [1, с. 443]. Энциклопедизм В. И. Вернадского (он обладал знаниями в минералогии, химии, биологии) привел его к заключению о трансформации Человека в геологическую (планетарную) силу, когда человечество принимает на себя ответственность за эволюцию биосферы, её превращение в среду Разума, в ноосферу: «И перед ним, перед его мыслью и трудом становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого» [1, с. 509].

Иначе расставляют акценты в этой теме представители экзистенциально-эсхатологического космизма. Состояние космоса и разрушение людских судеб понимаются ими как апокалипсис вселенских масштабов. Человечество становится очевидцем исчерпания возможностей исторического времени, необходимости возврата человеческой истории в лоно Вечности. Человечество зашло в тупик, так как изолировалось от вселенской натуры и космического целого. П. А. Флоренский в письме к В. И. Вернадскому от 22 сентября 1929 г. высказывает мысль «о наличии в биосфере или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневмосферой, т.е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа» [2, с. 195]. Если представители естественно-научного космизма считают, что преодолеть всеобщую катастрофу можно, обратившись к рассудку человека, то эсхатологический космизм полагает исключительно духовную личность вселенским творением. Флоренский предполагает, что духовный мир человека и есть его космическая сущность. Несмотря на эти отличия русского космизма, эти два направления едины в одном: они убеждены в нравственности и целесообразности вселенской справедливости, что созвучно современности.

Обратимся к русскому космизму В. И. Вернадского. Аналогично многим натуралистам, достигшим необыкновенных успехов, Вернадский считал свои философские изыскания синтезом фундаментальных позиций, лежащих в основании мироздания. Основная идея его сочинений – нераздельность биосферы и человечества.

Современная отечественная наука признает систему взглядов В. И. Вернадского на биосферу, хотя ссылается на Ж.-Б. Ламарка. Сам Ламарк не применял термин «биосфера», и в собственном произведении «Гидрология» (1802 г.) писал исключительно о том, что «все

вещества, находящиеся на поверхности земного шара и образующие его кору, произошли вследствие деятельности живых организмов» [3, с. 442]. Таким образом, начиная с Ламарка в науке появилось положение о присутствии на Земле отдельного пространства, охваченного бытием, ею же формируемым. Автором термина «биосфера» стал австрийский геолог и палеонтолог Э. Зюсс (1875). В труде «Лик Земли» (1909) он обрисовал биосферу «как общность организмов, ограниченную в пространстве и во времени и населяющую поверхность Земли» [4, с. 13]. Собственно Вернадскому принадлежит концепция биосферы как «живого вещества». В 1919 г. он пишет: «Под именем живого вещества я буду подразумевать всю общность организмов, растительных и животных, в том числе и человека» [5, с. 287].

Итак, наряду с представлением о биосфере В. И. Вернадский разрабатывает теорию «живого вещества». Её он сформулировал в трудах «Биосфера» (1926 г.) и «Об условиях возникновения жизни на Земле» (1931 г.). Любопытно, что он усматривал в диссимметричности молекул характерный признак живой материи, причём не в качестве планетарного – вселенского явления. Самое важное, что учёный был последователем идеи вечности жизни, сводя субстанцию и бытие в неразрывное целое. При этом он опирался на данные геохимии и не отрицал, что «жизнь всегда была и не имела начала». В этом суть его русского космизма. Ключевые принципы Вернадским обозначены в 1940 г.:

1) нигде и ни в каких явлениях, протекающих либо имевших место в земной коре, не было обнаружено следов самозарождения жизни;

2) жизнь, каковой она нам видится в своих проявлениях и в своем разнообразии, существует безостановочно с поры формирования самых древних геологических отложений, со времени архейской эпохи;

3) нет ни одного организма среди сотен тысяч разных исследованных видов, происхождение которого не соответствовало бы тезису Реди (все живое происходит исключительно от живого) [6, с. 49].

Позднее он придерживался более компромиссной точки зрения по отношению к абиогенезу (происхождению живого из неживого – косной субстанции): «Правило Реди не указывает на неосуществимость абиогенеза за пределами биосферы либо при обнаружении существования в биосфере (сейчас либо прежде) физико-химических явлений, не принятых при научном установлении этой формы организованности земной оболочки» [7, с. 199].

Развитие естествознания во многом подтверждает идеи Вернадского, в частности, гео-микробиология и палеомикробиология. Основываясь только на геохимических сведениях, Вернадский утверждал идею древнейшего генезиса и синхронного сосуществования метаболического многообразия первичной биосферы.

Таким образом, мы видим, что для разработки теории биосферы Вернадский формулирует теорию «живого вещества». С его точки зрения, живое вещество играет важную роль в изменении планеты. Во многих работах он исследует особенности поведения живых организмов в химическом составе Земли и почти все свои основные труды он посвящает биосфере и ноосфере.

Рассмотрим отличия ноосферы от биосферы. Впервые Вернадский использовал термин «ноосфера» в 1937 г. в выступлении «О значении радиогеологии в современной геологии»: ему было принципиально важно подчеркнуть роль научного знания в становлении планеты. Для Вернадского человек, прежде всего, – носитель интеллекта. Мысль определяет человеческую деятельность. Учёный верил, что интеллект будет преобладать на планете и предусмотрительно преобразовать ее. Человеческий интеллект понимался им как космическое явление, закономерная составляющая природы: «Геологически мы переживаем теперь выделение в биосфере царства интеллекта, меняющего радикальным образом и ее образ, и ее строение, – ноосферы» [8, с. 91].

В ноосфере, с точки зрения Вернадского, ведущая роль науки определяется соотношением общества и биосферы и направлена на овладение мощью природы: это история основания в биосфере новой геологической силы – научной мысли, прежде отсутствовавшей: «Научная мысль есть и индивидуальное, и общественное явление. Она неотделима от человека. Личность не может при самой глубокой абстракции выйти из поля своего существования. Наука есть настоящее явление и, как сам человек, теснейшим и неразрывным образом связана с ноосферой» [8, с. 110]. Общество в своем становлении становится единым целым вследствие того, что заинтересованность всех, а не отдельных личностей делается государственной задачей.

Ноосферное учение Вернадского долгое время почти не привлекало внимание исследователей: лишь в 1980 г. вышла его книга «Научная мысль как планетное явление», где обстоятельно обоснована концепция ноосферы. Вопрос о переходе биосферы в ноосферу остается открытым, как и истолкование самой ноосферы. Нераздельность человека и природы до сего времени осуществляется в границах биосферы и факти-

чески за счет биосферы. Важно подчеркнуть, что биосфера и ноосфера разнятся друг от друга по виду самоорганизации, хотя цивилизация предпочитает ориентироваться на организованность биосферы. В границах биосферы как эпохи становления культуры ноосфера подчинена становлению цивилизации. С приходом эпохи ноосферы это соотношение должно сменить направление.

Итак, для Вернадского важно проследить соотношение биосферы и ноосферы применительно к глобальным проблемам. В современной научной литературе соотношение представлений о биосфере и ноосфере как интегральных формах бытия человека изучается в контексте экологической темы.

Основная черта русского космизма, как мы видели, заключается в том, что человека и природе нужно рассматривать в единстве, и человек – основная часть природы. Основываясь на этих идеях, В. И. Вернадский предложил проект разрешения глобальных проблем. В настоящее время к числу таких проблем причисляют: 1) предупреждение новой мировой войны; 2) экологическую; 3) демографическую; 4) энергетическую; 5) сырьевую; 6) продовольственную; 7) освоения Мирового океана; 8) освоения космоса.

Большинство из этих проблем существовали и раньше, но невиданной остроты они достигли сегодня. Глобальные проблемы есть следствие социального развития общества, и главную опасность представляет не физическое разрушение общества, а потеря человеческого начала в человеке, т.е. на первый план выступают морально-нравственные ориентиры личности. Таким образом, представления о биосфере и ноосфере важны для Вернадского в аспекте анализа глобальных проблем.

Несмотря на успехи современной науки, которые используются в промышленности, транспорте, системе управления, образовании, ухудшаются качество жизни, генофонд человечества, обостряются межнациональные отношения: человечество стало теперь более незащищенным.

Символично, что ноосферная теория Вернадского при отсутствии, по существу, завершеного толкования сущности ноосферы прогностически указала вариант решения глобальных вопросов в книге «Научная мысль как планетное явление». Перечислим эти факторы.

1. Заселение человеком всей планеты: можно считать это условие выполненным, потому что на Земле фактически не осталось мест, где бы не побывал человек.

2. Реформирование средств связи и обмена между странами; это условие также существует:

радио и телевидение уведомляют о любом событии в мире, стремительно развивается глобальная телекоммуникационная сеть Интернет.

3. Развитие отношений, в том числе политических, между всеми государствами Земли, которые координируются ООН.

4. Инициирование доминирования геологического значения человека над другими геологическими процессами, протекающими в биосфере. Обстоятельство хотя и дискуссионное, но главное, с нашей точки зрения.

5. Расширение пределов биосферы и выход в космос.

6. Открытие новейших источников энергии: достаточно давнее – атомной энергии в мирных и в военных целях, и альтернативные источники энергии развиваются гораздо медленнее.

7. Равноправие людей всех рас и вероисповеданий: эта цель пока не достигнута, но достижима в принципе.

8. Возрастание роли народных масс при решении задач внешней и внутренней политики: спорное и утопичное утверждение, даже для стран с развитой демократией.

9. Независимость научной мысли и научного поиска от прессинга религиозных, мировоззренческих и политических организаций и формирование в государственной системе благоприятных обстоятельств для независимой научной мысли: спорный тезис: необходимы соответствующие меры, при которых государственный и социальный строй создают условия для свободной научной мысли, в частности, интернациональные фонды, чтобы ученые не уезжали за рубеж.

10. Обдуманная организация массового образования и повышение достатка трудящихся. Формирование возможности недопущения голода и нищеты и радикальной победы над болезнями: тоже спорное утверждение, но Вернадский как оптимист предупреждал, что временные отступления неизбежны.

11. Умное реформирование первичной природы планеты, чтобы она была способна удовлетворить все физические, эстетические и нравственные потребности численно нарастающего населения: это условие не исполнено, но существует движение «зеленых».

12. Исключение войн из бытия социума: исключены мировые войны, но не локальные.

Концепция ноосферы закономерно связывается с человеком. Невозможно описать комплекс её нейтральных черт, характерных для природы определенного периода. Основное и, вероятно, самое значительное для ноосферы – принципно-

ально иные взаимоотношения природы и человека. Образование ноосферы предполагает преобразование в человеке и, прежде всего, в сфере его разума: «Вопрос о плановой, единообразной деятельности для овладения природой и правильного распределения богатств, связанный с сознанием единства и равенства всех людей, единства ноосферы, стал на очередь дня», – заметил В. И. Вернадский [1, с. 150].

В то же время определение ноосферы обретает свое специфическое значение только в соотношении с представлениями о биосфере и техносфере. Эти представления не сводятся к периодам в истории планеты, сменяющим друг друга. Безусловно, установленные хронологические эпохи изолируют становление биосферы от становления техносферы, однако сущность их отношений не сводится к временной последовательности. Трудность исторической трактовки для современного человека заключается в том, что он втянут во все разновидности взаимоотношений с природой, стоящие за этими именованиями, потому невозможно избежать самой общей их характеристики: биосфера, техносфера и ноосфера имеют отношение в настоящий период к условиям существования человека.

Современность пока еще всецело подпадает под определение техносферы, но ее коллапс становится все более явственным. Определен вопрос о границах роста, появились университеты охраны природы – правда, они до сего времени бессильны в столкновении с инерцией прагматических тенденций техносферы и тягой к комфорту. И, наконец, поставлена задача перехода к другому типу связей с природой, тому, что называется ноосферой – эрой интеллекта, который должен поставить под контроль протекающие в природе и обществе процессы.

Итак, ноосфера как прогностический проект важна для человечества. Значение ноосферы может быть определено как прогностическое, хотя ее образование началось и само представление обладает достаточным основанием: речь идет о понимании путей становления, о продуманности пространства, в котором человек мог бы выжить, не продолжая губительного уничтожения природы. Отсутствие идейных перспектив становления, которые драматически понимаются как окончание истории (Фр. Фукуяма), в концепции ноосферы обретают свое позитивное разрешение.

Движение к ноосфере предполагает необходимость спасения природы как всеобщий для человечества процесс, причем в этом случае речь идет об образовании совершенно нового

источника энергии, Вернадский называет ее «энергией человеческой культуры или культурной биогеохимической энергией <...>, которая создает в настоящее время ноосферу» [1, с. 132]. Большого труда потребует преодоление растущей дезинтеграции, отчуждения и проблемы общества потребления. Негативным тенденциям можно противопоставить всеобщее дело охраны природы, глубинную потребность в иных людях и развитие духовности, содержащее потенциал кардинально новых связей и контактов.

Исследование человека, изучение его сознания происходят постоянно, и накоплен громадный материал. М. Шелер в работе «Положение человека в космосе» [9], сопоставляя между собой всевозможные формы существования, вводит понятие ступеней био-психического строения живых творений. Сравнивая эти ступени, можно сделать вывод, что человек является не носителем отдельных психических качеств, но – носителем всех качеств и форм жизни, т.е. он занимает особое положение в космосе.

С. Гроф [10] говорит об особенностях психики человека, так как помимо обычной памяти у него существует память внутриутробного развития и акта рождения и представления о филогенетическом образовании рода.

Современные теории, полагающие человека венцом творения, коренятся в техносфере. Общество оказывается за пределами биосферы, оно над природой: даже проблема сохранения природы ставится во имя, во благо человека. Человек остается целью самого себя, что приводит к негативным последствиям – разрушению бытия и духовного мира. Такие ориентации не могут быть оспорены, неоспоримо другое – экологический кризис, неприемлемый для человека.

Последствиями современной техносферы стало освоение природы, создание искусственной среды, новой системы воспитания способностей. Природа стала сырьем, источником, превратилась в объект знания. Длительное время все природные ресурсы, добываемые человеком, не нарушали ее цельности и способности к восстановлению. Господству идеологии антропоцентристской отвечала парадигма аналитико-прагматического знания и освоения мира, основанная на субъективно-объективном противопоставлении, отражавшем разрыв между человеком и природой. Долгое время такая модель была абсолютной и исключительной формой объяснения мира. Психика приравнивалась к разуму, а он – к познанию, накоплению объективных знаний об окружающем мире.

Техносфера – это период и тип взаимоотношений с природой, которая познается и интерпретируется на глубину целеустремленного утилитарного усилия человека. Термин «разумный» сближается по смыслу с представлением об извлечении пользы. Практика, утилитарный успех делаются мерилем истины. За экраном человеческого знания оставалась вся используемая природа, потребление которой воспринималось как элемент прогрессивного развития общества.

С нашей точки зрения, необходим немедленный переход к ноосфере, это достижимо благодаря трансформации человека и его психики. Содержание ноосферы не итог свободной интеллектуальной инициативы: оно включает в себя необходимость пересмотра прошлых ориентаций. Антропоцентризму противопоставляется принятие ценности всех форм бытия и их защита стараниями человека. Эта деятельность уже началась, и ее итоги обнадеживают. Кроме того, человек должен признать свою подчиненность природе, тогда общественное развитие становится одной из ее сторон. Взамен субъективно-объективного противопоставления человека и природы необходимо сформировать новую модель понимания, учитывающую органическую включенность человека во все естественные процессы. «Отсюда следует, – пишет В. И. Вернадский, – что разум есть сложная социальная структура, построенная как для человека нашего времени, так и для человека палеолита, на том же самом нервном субстрате, но при разной социальной обстановке, слагающейся во времени <...> Ее изменение является основным элементом, приведшим в конце концов к превращению биосферы в ноосферу явным образом, прежде всего – созданием и ростом научного понимания окружающего» [1, с. 133].

В истории науки нередки случаи, когда бесценным вкладом ученого становилось не открытие нового явления, а новая точка зрения на уже имеющиеся концепции или известные факты. Выдающимся примером осознания взаимосвязи всех процессов, протекающих на Земле и во Вселенной, явилась концепция В. И. Вернадского о ноосфере, в которой анализируется эволюция нашей планеты как целостный космический, биогенный и антропогенный процесс.

Вернадский был не одинок в своих исканиях: в 20-е гг. XX в. аналогичные взгляды высказывались и другими учеными: термин «ноосфера» был использован в 1927 г. французским математиком и философом Э. Леруа для обозначения грядущего «состояния биосферы». П. Тейяр де

Шарден с теософских позиций разбирает происхождение мысли и формирование ноосферы в книге «Феномен человека» и рисует ноосферу и «сверхжизнь» в ней как объединение народов, Природы и Бога в единое целое [11].

Значимость трудов В. И. Вернадского заключается и в их энциклопедичности, анализе громадного эмпирического материала и строгой научной доказательности: как представитель точных наук (биогеохимии) он все свои открытия обосновывал расчетами. В своем последнем труде «Несколько слов о ноосфере» учёный написал: «Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу. Мы вступаем в нее – в новый стихийный геологический процесс – в грозное время <...> Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере. Можно смотреть на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим» [1, с. 510]. Многие идеи В. И. Вернадского достоверны, реальны, доказуемы, а его прогностическая ноосферная концепция сегодня является истинной стратегией выживания человечества.

Образец для цитирования:

Позднева С. П. В. И. Вернадский : биосфера, ноосфера и человек // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 402–408. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-402-408.

V. I. Vernadsky: Biosphere, Noosphere and Humans

S. P. Pozdneva

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: maslovrv@gmail.com

The subject of this article are the views of Russian cosmism Vernadsky on the biosphere, noosphere, and place them in person. The author considers these aspects of the study, as the differences between the biosphere and the noosphere and the biosphere-noosphere transition, the concept of «live» material as the basis of the biosphere, human transformation into a geological (planetary) force, the formation and destruction of the technosphere and the list and the prospects for resolving complex global problems. Key findings of the study lies in the fact that all Russian ideas cosmist Vernadsky reliable, real (the hypothesis of «live» material, human transformation into a geological planetary force and complex global problems), demonstrable (natural science – geochemistry and others) which is extremely relevant today. And it stressed that today the concept of predictive noosphere Vernadsky is the true strategy for the survival of humanity.

Key words: noosphere, biosphere, Vernadskiy, planetary, global issues, technosphere, society, human, civilization, reason.

References

1. Vernadskiy V. I. *Filosofskie mysli naturalista (Philosophical thoughts of Naturalist)*. Moscow, 1988. 519 p.

Список литературы

1. Вернадский В. И. *Философские мысли натуралиста*. М., 1988. 519 с.
2. Переписка В. И. Вернадского и П. А. Флоренского // *Новый мир*. 1989. № 2. С. 194–203.
3. Ламарк Ж.-Б. *Аналитическая система положительных знаний* // Избр. произв. : в 2 т. М., 1959. Т. 2. 895 с.
4. Соколов Б. С. Вернадский и XX век // *Природа*. 1988. № 2. С. 6–15.
5. Вернадский В. И. *Об участии живого вещества в создании почв* // *Наука и жизнь*. 1984. № 4. С. 8–19.
6. Вернадский В. И. *Автотрофность человечества* // *Биогеохимические очерки*. М., 1940. С. 47–59.
7. Вернадский В. И. *Об условиях появления жизни на Земле* // *Биогеохимические очерки*. М., 1940. С. 198–211.
8. Вернадский В. И. *Научная мысль как планетное явление*. М., 1991. 267 с.
9. Шелер М. *Положение человека в космосе* // *Проблема человека в западной философии*. М., 1988. С. 31–96.
10. Гроф С. *За пределами мозга*. М., 1993. 498 с.
11. Тейяр де Шарден П. *Феномен человека*. М., 1987. 239 с.

2. Perepiska V. I. Vernadskogo i P. A. Florenskogo (Correspondence between V. I. Vernadsky and P. A. Florensky). *Novyy mir (New world)*, 1989, no. 2, pp. 194–203.
3. Lamarck J.-B. *Système analytique des connaissances positives de l'homme*. Paris, 1820. 364 p. (Russ. ed.: Lamark Zh.-B. *Analiticheskaya sistema polozhitelnykh znaniy. Izbr. proizv.*: v 2 t. Moscow, 1959. T. 2. 895 p.).
4. Sokolov B. S. Vernadskiy i XX vek (Vernadsky and twentieth century). *Priroda (Nature)*, 1988, no. 2, pp. 6–15.
5. Vernadskiy V. I. Ob uchastii zhivogo veshchestva v sozdanii pochv (On the participation of living matter in the establishment of the soil). *Nauka i zhizn (Science and life)*, 1984, no. 4, pp. 8–19.
6. Vernadskiy V. I. Avtotrofnost chelovechestva (Autotrophic humanity). *Biogeokhimicheskie ocherki (Biogeochemical essays)*. Moscow, 1940, pp. 47–59.
7. Vernadskiy V. I. Ob usloviyakh poyavleniya zhizni na Zemle (Conditions for the emergence of life on Earth). *Vernadskiy V. I. Biogeokhimicheskie ocherki (Vernadskiy V. I. Biogeochemical essays)*. Moscow, 1940, pp. 198–211.
8. Vernadskiy V. I. *Nauchnaya mysl kak planetnoe yavlenie (Scientific thought as a planetary phenomenon)*. Moscow, 1991. 267 p.

9. Sheler M. Polozhenie cheloveka v kosmose (Man's position in space). *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* (The problem of man in Western philosophy). Moscow, 1988, pp. 31–96.
10. Grof S. *Beyond the brain: Birth, death, and transcendence*

in psychotherapy. New York, 1985. 466 p. (Russ. ed.: Grof S. *Za predelami mozga*. Moscow, 1993. 498 p.).

- 11 Teilhard de Chardin P. *Le Phénomène humain*. Le Seuil, 1970. 320 p. (Russ. ed.: Teyyar de Sharden P. *Fenomen cheloveka*. Moscow, 1987. 239 p.).

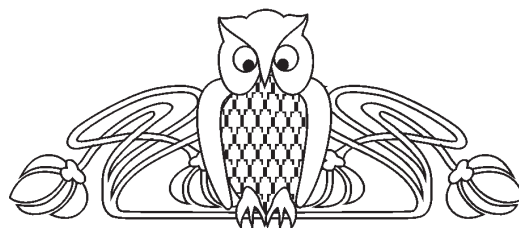
Please cite this article in press as:

Pozdneva S. P. V. I. Vernadsky: Biosphere, Noosphere and Humans. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 402–408. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-402-408.

УДК 111

ЭФФЕКТ ШУСТЕРЛИНГА (ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ У КАНТА И ДАНИИЛА ХАРМСА)

Секацкий Александр Куприянович – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории, Институт философии при СПбГУ, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: asekatki@mail.ru

Статья представляет собой метафизическое исследование выделения причинных отношений из простой длительности времени. Причина, вызывающая отличное от нее следствие (действие), сама требует предварительных условий, как логических, так и онтологических, и эти условия лучше всего описываются благодаря сопоставлению философских принципов Канта и не менее философских примеров Даниила Хармса. Рассматривается «эффект Шустерлинга», предшествующий любой каузальности. Тем самым можно сделать вывод, что строгое философское исследование творчества ОБЭРИУтов таит и другие открытия, не только культурологического, но и метафизического плана. Текст представляет собой попытку, вынося за скобки весь биографический и даже герменевтический контекст, напрямую привлечь к делу ход мысли Иммануила Канта, образы Даниила Хармса и логику даосских притч. Представляется, что такой подход проливает свет на проблему соотношения причинности (каузальности) и времени вообще.

Ключевые слова: каузальность, темпоральность, Хармс, Кант.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-408-412

1. После того и вследствие того

О влиянии на творчество Хармса и других ОБЭРИУтов различных философских направлений, включая и классическую немецкую философию, говорилось неоднократно. Собственно, задачей типичной филологической статьи всегда было найти некоторый параллелизм и указать на него с цитатами в руках. Здесь я ставлю другую задачу: показать, как могут быть использованы идеи и образы Хармса в продумывании, а возможно, и в решении одного из важнейших философских вопросов: проблемы времени и причинности. Собственно, я пытаюсь, вынося за скобки весь биографический и даже герменевтический контекст, напрямую привлечь к делу Иммануила

Канта и Даниила Хармса. Мне представляется, что такой подход проливает свет на проблему соотношения причинности (каузальности) и времени вообще.

Чтобы разобраться с источником возникающих здесь трудностей, потребуется разветвляющийся ход мысли, поскольку тема «причинность и время» многогранна и крайне запутана. Прежде всего: в чем смысл привилегированности той группы моментов времени, которые составляют причину? Чем они отличаются от любой другой последовательности моментов того же самого времени? И. Кант пытается апеллировать к временному порядку, но разве прочие совокупности моментов беспорядочны? Явления, как бы мы их ни понимали, связаны, конечно, причинно-следственной цепочкой, но это не единственная форма упорядоченности. Дело в том, что речь, по существу, идет лишь об одной разновидности причин – о причинах изменчивости, в этом пункте Кант примыкает к традиции Вольфа, а в конечном счете и к платоновской идее.

Согласно этой традиции, только изменчивое подлежит объяснению, неизменное же не нуждается в объяснении, во всяком случае, не предполагается, что неизменность неизменного требует какой-либо действующей причины. Тезис, что существует не только причина всякого изменения, но и неизменность должна иметь свои причины (т.е. продолжающееся пребывание в неизменности), связан, прежде всего, с именем Анри Бергсона, хотя схожие мысли мы можем найти и у предшествующих мыслителей – у поздних схоластиков, у Р. Декарта, в философии

Хабада. В самом деле, почему пребывание в неизменности мы должны считать меньшим чудом, чем произошедшее изменение? Уже сама первичность неизменного вызывает сомнения. В большинстве космологий, включая Ветхозаветную, стабильность представляет собой результат или итог демиургического вмешательства в исходную невразумительность дотворческого состояния мира. Извлечение хороших форм из бесформенности как раз и составляет саму суть творческого преобразования мира [1].

Но пока нам достаточно того факта, что порядок моментов, образующих причину, остается неким хронопорядком, независимо от того, о какой причине идет речь – о причине *иного* или о продолжающемся самопричинении субстанции. Идея субстанции неразрывно связана с идеей *causa sui*, важно лишь отметить, что субстанция не просто «раз и навсегда» причинила себя – когда-то в прошлом: она непрерывно причиняет себя в настоящем времени. Как раз это *усилие причинения* относится к содержанию времени как настоящего и собственного – причем речь идет о достаточно абстрактном содержании, о некоей минимальной темпоральности, которая есть даже у тех времен, которые не имеют направления, т.е. непрерывности различия между прошлым, настоящим и будущим. Эффект *causa sui* есть просто иное имя такого свойства времени, как длительность (*durite*). Но не является ли тогда следствие чем-то отличным от причины, прежде всего, результатом прекращения самопричинения? К этому предположению я и хотел бы обратиться с намерением рассмотреть «ряд условий всякого обусловленного» и восстановить пропущенное Кантом первое условие в ряду.

2. Эффект Шустерлинга

Согласно предположению, первое условие в ряду оказывается негативным: всякое отдельное нечто (т.е. любое, отличное от причины следствие) возможно благодаря перебою в самопричинении субстанции: оно возникает в просвете длительности некоего собственного времени. При этом просвет должен быть достаточно вместительным: если он слишком мал, никакое «следствие» в нем невозможно – оно не поместится. Иными словами, перебой в длительности, не превышающий кванта собственного времени, не замечается и не меняет спектр происходящего. Лучшую иллюстрацию к этому тезису я нашел в «Сказке» Даниила Хармса. Вот Леночка рассказывает Ване сказку о кузнеце:

«Жил-был кузнец. Вот однажды ковал он подкову и так взмахнул молотом, что молот сорвался с рукоятки, вылетел в окно, убил четырех

голубей, ударился о пожарную каланчу, отлетел в сторону, разбил окно в доме брандмейстера, пролетел над столом, за которым сидел сам брандмейстер и его жена, проломил стену в доме и вылетел на улицу. Тут он опрокинул на землю фонарный столб, сшиб с ног мороженщика и стукнул по голове Карла Ивановича Шустерлинга, который на минутку снял шляпу, чтобы проветрить свой затылок. Ударившись о голову Карла Ивановича Шустерлинга, молот полетел обратно, опять сшиб с ног мороженщика, сбросил с крыши двух дерущихся котов, перевернул корову, убил четырех воробьев и опять влетел в кузницу и прямо сел на свою рукоятку, которую кузнец продолжал держать в правой руке. Все это произошло так быстро, что кузнец ничего не заметил и продолжал дальше ковать подкову» [2, с. 277].

В этой изящной истории сформулирован фундаментальный принцип времени, один из самых удивительных эффектов Иллюзиона, который по справедливости следует назвать *эффектом Шустерлинга*. Этот эффект является универсальным и действует для всех собственных времен. Температура жидкого гелия, ближайшая к абсолютному нулю, губительна для всего живого. Но если буквально «на минутку» погрузить руку в жидкий гелий и тут же ее выдернуть, *ничего не случится*, никто просто «ничего не заметит». Аналогично обстоит дело и с разрядом электротока даже сверхвысокого напряжения, если речь идет о точечном разряде, продолжительность которого не превышает эталонного времени *dt.*, подвергшийся воздействию обходится без последствий, а причина остается без следствий. Причинения не происходит. Вспомним наглядный опыт из школьной физики: стакан, до краев налитый водой, накрывается листом бумаги, а затем резко переворачивается – и вода не разливается. Но стоит промедлить – вода выплеснется, жидкий гелий разрушит живую ткань, молот не попадет на рукоятку, кузнец не докует подкову.

Можно взять пробу собственного времени и из других участков спектра времен: если перерыв звукового сигнала не превышает 2 мсек, звук воспринимается как непрерывный, если этот сверхкороткий звук вклинивается в тишину, непрерывность воспринимаемой тишины сохраняется [3, р. 37.]. Одним словом, если перебой причинения слишком мал, срабатывает эффект Шустерлинга – и именно этому эффекту мир обязан своей фоновой длительностью. Мы сталкиваемся с упругостью времени примерно так же, как молот с упругой лысиной Карла Ивановича Шустерлинга, – внутренняя непрерывность времени еще и

потому непрерывна, что способна перескакивать (перетекать) через сверхмалые внешние прерывы. Можно было бы сказать, что *хроноизоляция* есть аналог структурной прочности: на самом деле, скорее имеет место обратное, и хроноизоляция идет первой в ряду условий возможности сущего, так же как перебой самопричинения, превышающий интервал Шустерлинга, является первым негативным условием происхождения, условием, освобождающим место (просвет) возможному следствию.

Теперь можно снова отдать должное прозорливости Канта, поместившего причинность вовнутрь темпоральности (в отличие, например, от Гуссерля, не разглядевшего темпоральную подкладку каузальности), Канту лишь не хватало иногда разрешающей способности для разведения самопричинения (*causa sui*) и *инопричинения* – порождения следствий, но хроноскопия всегда была труднейшим делом для метафизики. Кант, во всяком случае, ищет там, где нужно – посмотрим, как он пытается выбраться из трудного положения: «Большинство действующих причин в природе существуют одновременно со своими следствиями, и временная их последовательность вызвана лишь тем, что причина не может произвести всего своего действия в одно мгновение» [4, с. 161]. Тут, казалось бы, открывается прямой путь к введению принципа хроноизоляции и открытию эффекта Шустерлинга, однако Кант сворачивает в сторону: «...в тот момент, когда действие только возникает, оно всегда существует одновременно с каузальностью своей причины, так как оно не возникло бы, если бы за мгновения до его появления причина исчезла» [4, с. 161]. Следствие, напротив, может возникнуть только в интервале, в перебое непрерывности самопричинения: исчезновение какой-либо уже действующей причины есть первое (негативное) условие возникновения (причинения) какого-нибудь иного следствия. Следствию можно втиснуться в тесноту *сейчас* единственным способом: пробив хроноизоляцию происходящего, проломив упругий затылок Карла Ивановича Шустерлинга. Вспомним Сигизмунда Кржижановского, он писал, что если предположить столь обширное поле сознания, что восприятия, накапливаясь в нем, не теснили бы друг друга, то на всех хватило бы настоящего. Это – портрет вечности, отсутствия времени: ясно, что здесь нет ни причин, ни следствий, ибо нет никаких способов отличить их друг от друга, все происходящее дано сразу, а время есть как раз возможность избежать данности всего сразу. Иными словами, если элиминировать причинность, время еще останется, но если элиминировать время, разговор о причинности теряет всякий смысл.

Впрочем, полученная таким образом экстемпорированная вечность абсолютно гипотетична, это – дряблая и аморфная бессубстанциональность, лишенная напряженности настоящего. Она маячит где-то на горизонте возможного будущего как покинутая субъектом недействительность. Сеть причинно-следственных связей проступает сквозь синхронизацию и расталкивание времен: настоящее, включающее в себя актуальность причинно-следственного отношения, невозможно за счет чистой инерции бытия как пребывания – лишь убывание есть форма погружения настоящего в прошлое. Можно ли сказать, что стрелы причинности (вернее, инопричинения) легче вонзаются в дряхлеющие, истекающие времена, расстраивая единство происходящего, которое уже по большей части исполнено (произошло)? Едва ли можно однозначно ответить на этот вопрос, но важность перебоя в длительности в качестве источника детерминирования не подлежит сомнению. И Кант пытается с разных сторон подобраться к этому пункту: «Время между каузальностью причины и непосредственным ее действием может быть *ничтожно малым* (курсив мой. – А. С.) (так что они существуют одновременно), но отношение между причиной и действием все же остается определенным по времени» [4, с. 162]. В ряде случаев перевод Н. О. Лосского, в целом вполне вразумительный, к тому же добросовестно сверенный М. И. Иткиным и Ц. Г. Арзаканяном, вызывает сомнения, это относится и к словосочетанию «каузальность причины». Кант вводит *степени*, надеясь совместить плавность шкалы времени и отчетливую дискретность причины и действия: «причина производит изменения не внезапно (не сразу или в одно мгновение), а во времени, так что и время нарастает от начального мгновения *a* вплоть до своего завершения в *b*, и величина реальности ($b - a$) производится через все меньшие степени, находящиеся между первой и последней степенью. Значит, всякое изменение возможно только благодаря непрерывному действию причинности, которое, поскольку оно однородно, называется мгновением. Изменение не состоит из таких мгновений, а производится ими как следствием их» [4, с. 164]. Остается только устранить смешение негативного и позитивного условий инопричинения (развести *causa effecta* и *causa sui*), оставив определение мгновения как минимального участка длительности *собственного* времени (непрерывное действие причинности), на котором выполняется эффект Шустерлинга, и следующий по величине интервал и будет квантом собственного времени.

Но как раз здесь передвижение вдоль шкалы требует особой осторожности. Мы вправе отвергнуть тезис Канта о том, что «ни одно различие реального в явлении, так же как ни одно различие в величине времени не есть наименьшее различие» [4, с. 164]. Напротив, наименьшее различие это как раз различие во времени, которое может быть столь мало, что не нарушает непрерывности явления – в чем, собственно, и состоит эффект Шустерлинга, подтверждающий, что хроноизоляция явлений конституирует саму реальность реального или, если угодно, возможность опыта наряду с локализацией объектов в пространстве, т.е. наряду с экземплярностью сущего, при том, что в ряду условий всякого обусловленного хроноизоляция, как мы увидим, предшествует экземплярности и численности. Тем большего внимания заслуживает следующая фраза Канта: «Новое состояние реальности вырастает из прежнего состояния, в котором ее не было, проходя через бесконечный ряд степеней, отличающихся друг от друга меньше, чем 0 от a » [4, с. 164]. Применяя технику пристальной хроноскопии, мы можем обнаружить интервал, превышающий мгновение – такой, где эффект Шустерлинга уже не выполняется, а линейная смена причины действием *еще* не выполняется.

Пристальная хроноскопия позволяет выстроить градуальный ряд и там, где механический детерминизм обнаруживает только «пропасть между явлениями», поскольку мы выводим из хрономаскировки, из неразличимости три первых члена причинно-временного ряда, визуализируем тот участок шкалы, где причинение еще не отличается от временения, т.е. сферу обыкновенного темпорального, кольцевой аттракцион Иллюзиона. Возьмем два обычно пропускаемых начальных пункта всякого возможного инопричинения, хотя их можно и дополнительно детализировать.

1. Эффект *causa sui*, конституирующий самоидентичность сущего, т.е. любое произвольно взятое «постоянное в явлениях» в смысле Канта. *Причина самой себя* есть вполне достаточное определение субстанции на весь период ее самоидентичности. Изречение Гераклита «все течет, все изменяется» описывает именно изменчивость постоянного, смену акциденций в субстанции – что было ясно уже до Канта, например, Николаю Кузанскому, ибо в противном случае (в случае абсолютизации тезиса Гераклита) мы получаем изменение самого изменения, нулевую событийность. Очевидно, что в выморочном экстемпорированном мире, где отсутствует даже обыкновенное темпоральное –

непрерывность самопричинения, царит именно нулевая событийность. Где нет постоянного в явлениях, там нечему и меняться.

2. Эффект Шустерлинга, подтверждающий прочность бытия (устойчивую экземплярность) и свидетельствующий о наличии хроноизоляции. Эффект гласит: инопричинение не может вклиниться там, где длительность воздействия не превышает кванта некоего собственного времени. К возможным мирам, где эффект Шустерлинга не выполняется или не требуется, относятся уже указанный химерный мир нулевой событийности (тоху ва боху) и абстрактная «вечность», где всему хватает места и траектории событийности не пересекаются и не пресекаются, где исключены, в частности, отношения предшествования и следования за. Таков, например, Бог Спинозы, который «не может больше творить».

Эти пункты органично встроены в отношение темпоральности и лишь далее причинно-временной ряд плавно переходит к отношениям каузальности. Дискретность причинения в данном случае является мнимой, она объясняется слабой разрешающей способностью органов встроеной хроноскопии. Только после того как зона контакта зачищена, некий фактор, как правило, из числа постоянно присутствующих, вторгается, сметая единство происходящего (субстанцию) и зачастую закрепляя его на новом близлежащем субстрате, на подвернувшемся материальном носителе. Ясно, впрочем, что разветвленность каузальных отношений, их включенность в ткань времени вовсе не сводится к простому четырехтактному детерминизму, не сводится и к последовательному соединению факторов в ряду условий. Проводники причинения пронизывают тело времени со всех сторон и во всех направлениях. И надежнее всего это можно постичь, соединив опыт Канта и Хармса.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Логос и поэзис: филологическая герменевтика русского поэтического высказывания» (№ 16-03-00669).

Список литературы

1. Секацкий А. К. Вода, песок, бог, пустота // Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. СПб., 1993. Вып. 1. С. 170–191.
2. Хармс Д. Полет в небеса. Стихи, проза. СПб., 1991. 560 с.
3. Fraser J. T. Time as Conflict. A Scientific and Humanistic Study. Basel, 1978. 356 p.
4. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. СПб., 2008. 644 с.

Образец для цитирования:

Секацкий А. К. Эффект Шустерлинга (проблема времени у Канта и Даниила Хармса) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 408–412. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-408-412.

Shusterling's Effect (Problem of Time in Thought of Kant and Daniil Harms)

A. K. Sekatskiy

St. Petersburg State University
23/60, Zacharievskaya str., St.-Petersburg, 191123, Russia
E-mail: asekatki@mail.ru

The article represents metaphysical research of allocation of the causal relations from the simple duration of time. The reason causing a consequence, other than it, itself demands precedent condition – logical and ontological – and these conditions are best of all described because of comparison of the philosophical principles of Kant and not less philosophical examples of Daniil Harms. In article is considered «Effect of Schusterling», preceding any causality. Thereby it is possible to draw a conclusion, that strict philosophical research of «OBERIU» creativity conceals also other opening, not only the culturological, but also metaphysical plan. The problem of a temporality and causality is extremely confused and many-sided. Not only the German idealists tried to solve it, but also OBERIUs. Task following is not comparison of one with others, but: to show as Harms' ideas and images can be used in premeditation and it is possible also in the solution of one of the major

philosophical questions: problems of time and causality. Actually, I try to put outside brackets biographical and hermeneutical context, and directly to involve in busy Immanuel Kant, Daniil Harms and Chinese Daoses. I think, that such approach sheds light on a problem of a ratio of causality and time in general.

Key words: causality, temporality, Harms, Kant.

Referencas

1. Sekatski A. K. *Woda, pesok, bog, pustota* (Water, Sand, God, Emptiness). *Metafisika Peterburga* (Peterburgskie chtenia po teorii, istorii i filosofii culture. Vyp. 1). (Metaphysics of St.-Petersburg {St.-Petersburg readings on theory, history and philosophy of culture}). St.-Petersburg, 1993, iss. 1, pp. 170–191.
2. Harms D. *Polet v nebesa. Stikhi. Proza* (Flight to the heaven. Poetry, Prose). St.-Petersburg, 1991. 560 p.
3. Fraser J. T. *Time as conflict. A scientific and humanistic study*. Basel, 1978. 356 p.
4. Kant I. *Kritika chistogo rasuma* (The Critique of Pure Reason). St.-Petersburg, 2008. 644 p.

Please cite this article in press as:

Sekatskiy A. K. Shusterling's Effect (Problem of Time in Thought of Kant and Daniil Harms). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 408–412. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-408-412.

УДК 316

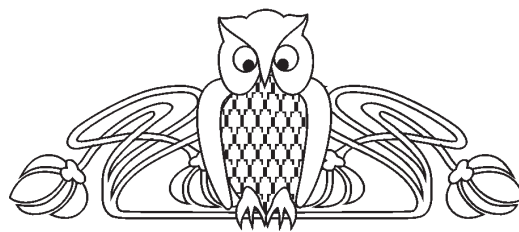
ТОПОЛОГИЧЕСКОЕ ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Азаренко Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. E-mail: sergey_azarenko@mail.ru

Статья посвящена топологической философии. Формирование человеческого бытия протекает в ходе коммуникации, представляющей собой род телесных взаимодействий, которые, опространсливаясь, превращаются в различные формы социального мира. Социальность возникает через конфигурирование ее онтологических составляющих, таких как телесность, местность и совместность. Процесс воспроизводства совместности происходит в ходе регулярного телесного взаимодействия между людьми посредством определенной социальной практики, благодаря которой порождается определенное со-общение, способствующее при-общению людей к своему со-обществу с определенными представлениями и ценностями.

Ключевые слова: совместность, телесность, социальная коммуникация, социальная топология, сообщаемость, знаки, символы.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-412-417

Конструирование мира людьми со времени традиционного общества производилось через два основных действия – складывание и вычитание. И потому, например, у древних греков арифметика (счет) и геометрия (оперирование пространственно-телесными объектами) были связаны, а математика была у истоков порождения культуры. Анализируя это обстоятельство, Э. Гуссерль приходит к выводу, что «начало» геометрии у греков фактически совпадает с «началом» языка (сообщение) [1]. Тем самым он показывает перспективность решения данного вопроса средствами феноменологического подхо-

да. Практическая деятельность людей побуждает их производить определенные действия с пространственно-телесными объектами, преумножать или справедливо делить землю, добычу или собственность, т. е. сообщаемость людей в связи с организацией пространства и оперированием телесными объектами формировала сообщество. В ходе этого процесса они вырабатывали техники счета и порождали представление об идеальной предметности (числе). Гуссерль отмечает, что геометрия и родственные ей науки имеют дело с пространственностью и возможными в ней формами, фигурами, формами движения, деформирующими преобразованиями, поскольку они являются измеримыми величинами. Потребности практической жизни нацеливали людей на производство выгодных в каждом определенном случае форм и усовершенствований.

«Сначала от образов вещей, – писал Гуссерль, – отделяются плоскости – более или менее “гладкие”, более или менее совершенные плоскости; более или менее грубые края или в своем роде “ровные”, иными словами, более или менее чистые линии, углы – более или менее совершенные точки; затем, например, среди линий особо предпочитаются прямые, среди плоскостей – ровные; например, из практических причин предпочитают прямоугольные доски, ограниченные плоскостями, прямыми, точками, так как целиком или местами искривленные плоскости для многих практических целей оказываются нежелательными. Так в практике начинает играть свою роль производство плоскостей и их усовершенствование (полировка). То же происходит со стремлением к справедливости при разделе поровну» [1, с. 241].

В природе нет прямых линий, идеальных окружностей, прямых углов и идеальных плоскостей. Именно в ходе практического присвоения и освоения мира люди приходят от плоти к плоскости, от округлости – к кругу, от линии – к прямой, т. е. производятся идеальные предметности и открываются закономерности обращения с ними. Производство смыслов (истин), что особенно подчеркивается Гуссерлем, носило коммунальную природу, включающую сообщество индивидов, воспроизводящих истины и несущих за них полную ответственность. Ибо каждая наука подключена к открытой цепи поколений взаимодействующих друг с другом индивидов, как бы к единой «производительной субъективности», работающих для совокупной живой науки. То, что производится субъективно каким-то отдельным мыслителем, например, теоремой Пифагора, обладает объективным значением, оно сверхвременно и идеально и может передаваться в качестве одного и того же.

Этот процесс производства смыслов в intersubjectивном сообществе совпадает с порождением языка, ибо их объективность не смогла бы конституироваться без чистой возможности, заключенной в чистом языке вообще. Ибо в слове происходит не запись личной вещи, но производство объекта, поэтому приходится подчеркивать значение языка или сообщаемости в целом в порождении сообщества и наоборот. Так как только на основе языка как элемента традиции мог происходить процесс порождения смыслов, их накопления и прирост, а значит, и воспроизводство сообщества в процессе сообщаемости. Гуссерль настаивал, что данный процесс возможен был только на основе однозначной трансляции смыслов. Всякое отклонение от однозначности, с его точки зрения, могло служить перерыву процесса сообщаемости в сообществе. Между тем как разнообразие культур служило доказательством того, что этим процессом дело не ограничивается. Впоследствии Ж. Деррида открывает другой источник «контекстуального» прироста смыслов, который действует вопреки рациональным предпосылкам Гуссерля [2].

М. Хайдеггеру принадлежит заслуга показа необходимости онтологического (а потом и топологического) подхода в решении данной проблемы. Уже его начальные феноменологические исследования были обращены к проблематизации фактического жизненного опыта как дотеоретического и дорационального опыта, характеризуемого временностью как таковой. В отличие от Гуссерля, его интересуют не только действия сообщаемости в научном сообществе, а эти действия во всем объеме человеческого бытия. В «Феноменологических интерпретациях Аристотеля» он подчеркивал, что предметом его философского исследования является *человеческое бытие*. Это основное направление философского вопрошания следует понимать «как эксплицитное схватывание глубинного движения самой фактической жизни, которая есть таким способом, что она в конкретном временении (*Zeitigung*) своего бытия озабочена своим бытием» [3, с.50]. Фактическое человеческое бытие не есть бытие вообще какого-то человечества вообще.

Хайдеггер отмечает, что основным смыслом подвижности фактической жизни является *заботливость*. И мир поэтому у Хайдеггера артикулируется согласно возможным направлениям заботливости как окружающей-мир (*Umwelt*), совместный-мир (*Mitwelt*) и мир-самого-себя (*Selbwelt*) [3, с. 57]. Заботливость, соответственно, есть забота о средствах к жизни, о профессии,

забота о наслаждении, забота о том, чтобы не погибнуть, о том, что знакомо и привычно, забота о знании, забота о том, чтобы закрепить жизнь в ее конечных целях. Подвижность озабоченного устройства включает орудование, заготовливание, изготовление, обеспечение сохранности, освоение и использование, овладение, сохранение и упущение.

«Заботливость состоит в осмотрительности, и – как обзорное усмотрение – в то же время озабочена образованием обзорности, сохранением и усилением близости с предметом обращения. С-чем обхождения заранее схвачено в обзорном усмотрении как <...> сориентировано на <...> истолковано как <...> Предметное наличествует (ist da) как означающее то-то и то-то, мир выходит навстречу в характере *значимости* (Bedeutsamkeit)» [3, с. 59]. Смотрение-на, по Хайдеггеру, совершается как всматривающееся, обращающееся и обсуждающее определение и организует себя в качестве науки. Наука есть следствие озабоченного обхождения с миром, происходящее из фактической жизни и для фактической жизни. «Осмотрительность совершается способом *обращения* (Ansprechen) и *обсуждения* (Besprechen) предметности обхождения. Мир встречается постольку, поскольку с ним заговаривают, и поскольку он сам требует обращения к себе (logos)» [3, с. 61].

По признанию самого Хайдеггера, он пережил в своем творчестве три периода [4, с. 369–371]. На первом этапе (1922–1933) им ставился вопрос о «смысле бытия», связанном с «бытийным пониманием» человеческого бытия (Dasein). Смыслом бытия при этом выступало время. Второй период (1934–1946) начинается с вопроса об «истине бытия», и поэтому в центр внимания ставится проблема «открытости самого бытия», а истина постигается как историческое свершение. «Историчность Dasein» углубляется идеей «судьбы бытия». Третий период (с 1947 г.) связан с вопросом о «местности бытия», т.е. «топологии бытия» и его происхождением из «события», где значительную роль играет анализ языка. Но, как мы видим, Хайдеггер уже в своем раннем рассмотрении бытия у Аристотеля уловил онтологическую (топологическую) связь между «подвижной заботливостью устройства» и «логосом». Или, если говорить на нашем языке, связь между «со-общением», «при-общением» и «со-обществом» в ходе разнообразной человеческой деятельности.

На этапе топологического подхода под временем как базовой характеристикой человеческого бытия Хайдеггер понимает вмещение и взаимопротяжение осуществленного и наступа-

ющего в настоящем [5, с. 403]. И действительно, измерением бытия человеческого является время. Недаром говорится, что у каждой вещи свое время, т.е. бытие и время имеют место. Хайдеггер предлагает осмыслить это Место, которое определяется соотношением бытия и времени между собой. Это Место не есть, но существует в качестве впускающего и вмещающего: само себя удерживая и отнимая, оно вместе с тем дает своё место всему. Это Место складывания и вычитания, задающее основу для первичного жеста коммуникации в бытии, поскольку ставит человека в отвечающее положение по отношению к нему. Место это дающее, выступающее в качестве дара.

Такое Место и есть время, время, которое мыслится необходимо в просторах бытия пребывающего для селения и оседлости людского. И потому здесь время нельзя рассматривать исключительно через единство прошлого, настоящего и будущего, оно вмещает в себя большие измерения. В присутствии бытия как времени имеется и отсутствие. Не всякое присутствие настоящее – оно содержит в себе по-настоящему не все прошлое, но лишь осуществленное; оно содержит в себе по-настоящему и не все будущее, но лишь наступающее. Место времени в настоящем разыгрывает взаимопротяжение осуществленного и наступающего, которые тем самым выходят в простор, высвечивая и открывая пространство-время происходящего. Событийствуя, бытие и время во взаимоотноительности и взаимопротяжении, запускают процесс времени человеческого бытия. «Во вместительной уместности бытия, в протяжении времени являет себя вверение, вручение, а именно бытия как присутствия и времени как области открытого простора – их собственному существу, в котором они сбываются» [5, с. 402].

Хайдеггер закладывает основы топологического подхода, но дальнейшая разработка этого подхода требовала раскрытия определенных действий тел, вовлеченных в те или иные практики и положения вещей, способствующие осуществлению Места времени, где были бы прояснены различные аспекты социально-антропологического контекста бытия.

Социально-топологический подход в основу всего многообразного социального бытия людей кладет различные культурные и социальные практики, в рамках которых наличествуют телесные техники. Практика производственная как, прежде всего, практика возделывания «профанного» пространства, связанная с обработкой земли, сопрягается с действиями, порождающими дом. В истоках этого процесса находятся со-

циальные тела людей, гендерное взаимодействие которых в семейной практике требует энергетического наполнения и сооружения «жилища». Продолженные тела оборачиваются в социальное окружение и дом. Элементы этого процесса, по М. Фуко, существуют во взаимопереходе и взаиморазвертывании: эротическая техника переходит в диетическую и экономическую технику, а затем в обратном порядке одно переходит в другое. Тело, возделанное пространство, дом – те первичные структуры, которые участвуют в конструировании социального мира [6, с. 284–315].

Эти структуры вовлекают в свою орбиту другие вещи, которые порождаются в их связи в процессе оперирования различными элементами мира. Социальный мир оказывается созданным из предметов, произведенных в результате операций объективаций. Тело, продолженное, производит символическое пространство-время, возникающее первично на пересечении разделения трудовых и сексуальных практик между полами. Продолженная кожа превращается в одежду, рука – в оружие или инструмент, нога – в колесо, все тело – в дом, а продолженная нервная система – в электронные сети. Через мужское и женское, а затем уже и через всю совокупность социальных отношений вершится связь между природным и человеческим мирами, осуществляется социально-биологическое воспроизводство.

Центробежная активность мужского тела в противопоставленности к центростремительной активности женского тела производит внутреннее пространство дома и размечает все окружающее пространство. Дом и, шире, деревня, сад и территория в целом, населенная людьми, противостоит в определенном отношении пустынному и безлюдному пространству. С эпохи традиционного общества размещение в пространстве в разметке мест производило символизацию места, подразумевающую гомологию между плодородием людей и плодородием полей, поскольку и те, и другие являются продуктами союза мужского и женского начал (ян и инь), солнечного огня и земной влажности.

Необходимо понимать роль ритуала и политической практики в возникновении начала цивилизационного этапа в истории и новой социальной организации. Например, Л. Мамфорду удается показать переход от первобытной пространственности к цивилизованной [7, с. 225–240]. Он вводит понятие Мегамашины, которое используется для обозначения особого вида социально-технического устройства – социальной организации вертикального типа, использующей власть как социальную силу в качестве ресурса доминирования. Форму материального воплощения Мегамашина

получает в границах города – привилегированного сегмента социального пространства, резко отделенного от первобытной («деревенской») периферии. Город – место рождения института царской власти (привилегированного положения политической практики). Появление на вершине Мегамашины фигуры «царя-перводвигателя» – завершающий момент ее строительства, превращения в Царство.

Тополого-антропологический подход, как нам представляется, является продолжением всех рассмотренных до сих пор подходов. Он, прежде всего, должен включать то обстоятельство, что тела людей как социальные тела принципиально находятся, говоря словами Ж.-Л. Нанси, в положении противопоставленности и прикосновения: «я *есмь* протяженностью, будучи отделенным, отнятым, вычтенным и противопоставленным» [8, с. 55]. Тело всегда противопоставлено извне – «мне» или другому. Других я познаю всегда в качестве тел. Другой – это тело, поскольку у него такой-то нос, цвет кожи и т. д. Он столько-то весит, от него исходит такой-то запах. Противопоставление трогает, что намечает границу трогательных отношений. Это приходит в самом приходе другого, такого другого, в котором мы обретаем «свое». Стало быть, в мире господствующим действием является топологика, где предпочтительно бережное отношение к «другому», и все происходит «в-месте». Тела находятся в прикосновении, и это прикосновение есть предел, опространствливание существования. Тело в совместном способе существования сжато другими телами или сжато прямо на других телах. Это тела, поделенные по полам, тела определенного пола, где мужской пол имеет место, потому что осуществляется через женский пол и наоборот.

Телесное взаимодействие представляет собой социальную коммуникацию, которую необходимо рассматривать в качестве сложного многомерного явления, через посредство которого реализует себя исторический процесс в целом. Необходимо понимать социальную коммуникацию как такую изначальную социальную силу, которая предвывает и социальные институции, и различные практики, способствуя формированию всего социального бытия в целом [9, с. 329–332]. Сразу подчеркнем, что для нас коммуникация – это тип взаимодействия между людьми, опосредованный различными знаково-символическими системами (Ю. Хабермас) [10].

Социальная онтология нам говорит, что быть – значит быть в отношении или в сообщаемости. «Сообщаемость» – категория онтологическая, а не лингвистическая. Она вмещает в

себя людей в качестве телесностей, действующих в определенных местностях и совместностях. Сообщаемость невозможна без знаков и языка. Но если мы говорим о знаках или языке, то необходимо их рассматривать вписанными в онтологию человеческого бытия. В современности именно это и сделал М. Хайдеггер, создавая новую онтологию. В «Бытии и времени» он рассмотрел знак (§ 17) и язык (§ 34) как необходимые составляющие бытия-вместе [11]. В дальнейшем Ю. Хабермас, поясняя характер социальной коммуникации, использовал пример с двумя велосипедистами, которые на полном ходу выезжают из-за поворота друг на друга. Их телам, чтобы не разбиться, надлежит найти взаиморасположение относительно друг друга. Коммуникация сводится к тому, чтобы согласовать свои действия во взаиморасположенности.

В основе человеческой сообщаемости лежит событийный или совместный характер бытия людей. Раскрывая содержание бытия не как вообще бытия, а как бытия-в-мире, Хайдеггер видит его как бытие-друг-с-другом, как со-бытие или совместность. Именно в повседневности это совместное вот-бытие Других характерно для бытия-в как погруженность в мир озабоченности. «Инструмент, которым я пользуюсь, у кого-то куплен; книга кем-то подарена; зонт кто-то у меня забыл. Обеденный стол в моем доме – это не просто круглая поверхность на подставке, но предмет мебели, стоящий в определенном месте, и в нем самом есть определенные места, за которыми каждый день сидят такие-то Другие; пустующее место аппрезентирует для меня как раз-таки со-бытие в смысле отсутствия Другого» [12, с. 252]. Такой род бытия-друг-с-другом являет форму со-бытия как зависимости-друг-от-друга.

Продолжая линию Хайдеггера, Ж.-Л. Нанси «язык» понимает не как инструмент коммуникации и коммуникацию не как инструмент для бытия, но коммуникация у него и *есть* бытие [13, с. 145]. «Говорить-с» так же, как говорят «спать-с», «выходить-с» или «жить-с» вводится для того, чтобы сказать само бытие как коммуникацию. Назовем такое бытие *бытие-в-коммуникации*. Индивид или сообщество – это множественности, существование которых подчинено самовоспроизводящимся и самоорганизующимся механизмам коммуникации. Положения Ж. Деррида, Ж. Делёза, Ж.-Л. Нанси предполагают, что смыслы и всевозможные нормы не предшествуют, а возникают в самих отношениях. Соответственно, сами отношения и являются первичными. Мы бы дополнили их соображения, что определенная часть базовых смыслов, сохраняющихся в традиции,

входят в с-мыслы текущей коммуникации. В сети отношений акторами коммуникации выступают не полагающие себя субъекты, а ответственные участники взаимодействия. Социальность возникает в ходе регулярного телесного взаимодействия между людьми посредством определенной социальной практики, благодаря которой порождается определенное со-общение, способствующее при-общению людей к своему со-обществу с определенными представлениями и ценностями. Социальная коммуникация порождает знаково-символические комплексы, которые выступают не просто в качестве обозначаемых объектов, а в качестве социальной силы, которые связывают, нацеливают и ориентируют на результат человеческих взаимодействий.

Знаки размечают и разграничивают социальное взаимодействие; они выступают в качестве такой интерактивной силы, которая способствует взаимопониманию и согласованию действий людей; они, наконец, служат регулярной воспроизводимости социальных связей. Знаково-символические комплексы нельзя толковать в духе сосюрковского единства означающего с означаемым, они представляют из себя социальную величину, где знаки определяют скорее не сферу «значений», а сферу согласованных действий и связей. Знаки и символы, впитывая социальный опыт, стягивают и шивают социальную реальность в нечто единое. Причем это единое предстает в качестве единого многообразного, т. е. сингулярного, поскольку несет в себе разно-ликие формы социального бытия. Таким образом, бытие-в-коммуникации является определяющим процессом в развитии тех или иных социальных и культурных форм в истории мировых сообществ.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Начало геометрии. М., 1996. 268 с.
2. Деррида Ж. Подпись – событие – контекст // Дискурс. 1996. № 1. С. 5–8.
3. Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля (Экспозиция герменевтического опыта). СПб., 2012. 224 с.
4. Хайдеггер М. // Брокгауз. Философия. Концепции, мыслители, понятия. СПб., 2010. С. 369–371.
5. Хайдеггер М. Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. С. 391–407.
6. Фуко М. Герменевтика субъекта // Фуко М. Курс лекций в Коллеж де Франс. М., 1991. С. 284–315.
7. Мамфорд Л. Техника и природа человека // Мамфорд Л. Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 225–240.

8. Нанси Ж.-Л. *Corpus*. М., 1999. 256 с.
9. Азаренко С. А. Коммуникация // Современный философский словарь. М., 2004. С. 329–323.
10. Хайдеггер М. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. 225 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. 503 с.
12. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998. 384 с.
13. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск, 2004. 271 с.

Образец для цитирования:

Азаренко С. А. Топологическое философствование и социальная коммуникация // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 412–417. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-412-417.

Topological Philosophy and Social Communication

S. A. Azarenko

Ural Federal University named after the first Russian President Boris Yeltsin
51, Lenina str., Ekaterinburg, 620000, Russia
E-mail: sergey_azarenko@mail.ru

The article is devoted to the topological philosophy. Sociality arises through the configuration of its ontological constituents – bodiness, placement and conjointness. The process of reproduction of conjointness occurs during the regular bodily interaction between people through certain social practices, due to which there is generated a certain message, that attaches people to its community with certain ideas and values. As a result of social communication there is created anthropological singularity (bodiness-placement-conjointness), which determines the existence of people in the symbolic space of being.

Key words: conjointness, bodiness, social communication, social topology, communicability, signs, symbols.

References

1. Husserl E. *Origin of geometry*. Paris, 1962. 268 p. (Russ. ed.: Gusserl E. *Nachalo geometrii*. Moscow, 1996. 268 p.).
2. Derrida J. Signature – Event – Context. *Margins of Philosophy*. Montreal, 1971, pp. 307–330 (Russ. ed.: J. Derrida. Podpis – sobytie – kontekst. *Diskurs*, 1996, no. 1, pp. 5–98).
3. Heidegger M. *Phenomenological interpretation of Aristotle (Exposure hermeneutic experience)*. Indianapolis, 2001. 176 p. (Russ.ed.: Haidegger M. *Fenomenologicheskie interpretatsii Aristotelya {Ekspozitsiya germeneyticheskogo opyta}*. St.-Petersburg, 2012. 224 p.).
4. Khaydegger M. (Khaydegger M.). *Brokgauz. Filosofiya. Kontseptsii, mysliteli, ponyatiya* (Brokgaus. Philosophy. Theorists, thinkers, concepts). St.-Petersburg, 2010, pp. 369–371.
5. Khaydegger M. *Vremya i bytie (Time and Being)*. Khaydegger M. *Vremya i bytie. Stati i vystupleniya* (Time and Being. Articles and speeches). Moscow, 1993, pp. 391–407.
6. Foucault M. *Hermeneutics of the subject: A course of lectures at the Collège de France*. Seul, 2001. 557 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Germeneytika subekta*. Fuko M. *Kurs lektsiy v Kollezh de Frans*. Moscow, 1991, pp. 284–315).
7. Mamford L. *Tekhnika i priroda cheloveka (Technics and human nature)*. Mamford L. *Novaya tekhnokraticheskaya volna na Zapade* (New technocratic wave in the West). Moscow, 1986, pp. 225–240.
8. Nancy J.-L. *Corpus*. Paris, 1992. 168 p. (Russ. ed.: Nansi Zh.-L. *Corpus*. Moscow, 1999. 256 p.).
9. Azarenko S.A. *Kommunikatsiya (Communication)*. *Sovremennyy filosofskiy slovar* (Modern philosophical dictionary). Moscow, 2004, pp. 329–323.
10. Habermas J. *Moral consciousness and communicative action*. Frankfurt a/M., 1983. 244 p. (Russ. ed.: Habermas J. *Moralnoe coznanie i kommunikativnoe deystvie*. St.-Petersburg, 2000. 225 p.).
11. Heidegger M. *Being and Time*. New York, 1996. 419 p. (Russ. ed.: Haidegger M. *Bytie i vremya*. Moscow, 1997. 503 p.).
12. Heidegger M. *Prolegomena zur geschichte des zeitbegriffs*. Frankfurt a/M., 1979. 340 p. (Russ. ed.: Haidegger M. *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni*. Tomsk, 1998. 384 p.).
13. Nancy J.-L. *The Being singular plural*. Paris, 1996. 193 p. (Russ. ed.: Nansi Zh.-L. *Bytie edinichnoe mnozhestvennoe*. Minsk, 2004. 271 p.).

Please cite this article in press as:

Azarenko S. A. Topological Philosophy and Social Communication. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 412–417. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-412-417.

УДК 1(091)

ДВА ИСТОЧНИКА ФИЛОСОФИИ (О КОНЦЕПЦИИ АНРИ ГУЙЕ)

Кротов Артем Александрович — доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. E-mail: krotov@philos.msu.ru

В статье анализируются основные положения историко-философской концепции Анри Гуйе, одного из лидеров французской традиции исследования классического интеллектуального наследия. Рассматриваются предложенные французским мыслителем решения проблемы сущности философии, ее главных источников, закономерностей ее развития. Затрагивается учение Гуйе о способах рационализации реальности, о ближайших перспективах философии, ее связи с языком. Несомненно, в работах Гуйе нашли отражение темы и решения, сохраняющие свое значение для современной эпохи. К таковым правомерно отнести идею своеобразия, исторической неповторимости философского опыта; внимание к элементу случайности в истории философии; соображения о критериях отличия философии от других наук; о многомерности проблемы прогресса в истории. В то же время учение о двух важнейших источниках философии существенно сужает горизонт ее интерпретации. Очевидно, что влияние культурной среды только ими не ограничивается. Отвергая линейную схему развития философии, Гуйе фактически принимает идею самодостаточности интеллектуальной сферы, хотя и старается доказать, что только имманентная логика развития событий в истории философии неприменима. «Феноменология философского духа» Гуйе оказывается неполна: она требует дополнений и корректировки.

Ключевые слова: философия истории философии, природа философии, Анри Гуйе, проблема прогресса в философии, французская философия XX века.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-418-422

В середине XX в. во Франции работала целая плеяда чрезвычайно талантливых исследователей, посвятивших свои силы изучению классического философского наследия. В их трудах анализ отдельных проблем, эпох, направлений был неразрывно связан с разрабатывавшимися ими оригинальными концепциями историко-философского процесса. Хотя эти концепции не были единым целым, а их авторы не принадлежали к общему течению, контуры которого могли бы быть легко очерчены и сведены к итоговой формуле, их работы дали повод зарубежным специалистам говорить об особой «школе философии истории философии», сложившейся во Франции. Решения, предложенные представителями «французской школы», выступили определенным итогом, обобщением целой серии глубоких исследований, своеобразно отражая особенности философского сознания эпохи. Разумеется, с точки зрения сегодняшнего дня особое

значение имеет вопрос о степени применимости их концептуальных достижений к анализу историко-философского процесса.

Среди несомненных лидеров «французской школы» историков философии выделяется Анри Гуйе (1898–1994). Он закончил Эколь Нормаль, преподавал в лицее Труа, затем в университете Лилля (с 1936) и, наконец, в Сорбонне (с 1948). В 1961 г. Гуйе становится членом Академии моральных и политических наук, а с 1979 г. — французской Академии. Среди его важнейших произведений: «Религиозная мысль Декарта» (1924), «Призвание Мальбранша» (1926), «Философия Мальбранша и его религиозный опыт» (1926), «Юность Огюста Конта и формирование позитивизма» (т. 1–3, 1933–1941), «Философия и ее история» (1944), «Театр и экзистенция» (1952), «Метафизическая мысль Декарта» (1962), «Метафизические размышления Жан-Жака Руссо» (1970), «Антонен Арто и сущность театра» (1974), «Картезианство и августинианство в семнадцатом веке» (1978), «Руссо и Вольтер. Портреты в двух зеркалах» (1983).

Всякая философия, согласно Гуйе, выступает выражением целостного, «интегрального» видения мира. Великий мыслитель вносит нечто свое в понимание философии, зачастую выдвигает особое ее определение, уже заключающее в себе то или иное мировосприятие. Философия, по Гуйе, выражает не застывшую сущность, но определенный опыт, она служит своего рода описанием человеческого существования. В таком случае прошлое предстает в качестве области, охватывающей факты, установки, мотивы, побуждающие к построению «феноменологии философского духа». Такова история философии. «Философия есть видение мира, и имеются разные философии, поскольку философы не видят один и тот же мир» [1, 12–13]. Французский мыслитель полагал, что подлинные расхождения между философами, в действительности, всегда предшествуют их учениям, они проистекают из различия в их жизненном опыте, коренятся уже в начальных условиях, в тех исходных данных, которые ими подвергаются переработке и осмыслению. Он остроумно замечает, что история философии была бы давно завершена, если бы

люди от рождения обладали умением схватывать реальность «какова она есть». Когда философы мыслят вселенную, она неодинакова для них, их творчество умножает оригинальные точки зрения на нее. Само многообразие философских позиций отнюдь не случайно, не произвольно, оно поддается анализу и систематизации. Гуйе выделяет два источника философии, которые, сами не будучи статичными, выступают основой непрерывных изменений в духовной сфере, способствуют рождению новых идей, систем, направлений. Философия – не замкнутая, самодостаточная сфера, будто бы подчиненная только имманентным законам. Ее историю определяют развитие научного знания и «вдохновения религиозного гения». Оба источника философии и побуждают к обновлению, регулярному пересмотру взгляда на реальность, к постоянному выпуску его «исправленных изданий». Великие философы никогда не исходят из одних и тех же данных, их исторические ситуации различны, отсюда неизбежность расхождений между ними. Метафизические системы не порождают друг друга, они возникают вследствие своего рода «открытия мира», всякий раз неповторимого, особенного и захватывающего. Гениальная система – всегда результат непредсказуемого заранее в своих результатах столкновения мыслителя с реальностью. Например, Спинозизм можно рассматривать как учение, логически связанное с картезианством, но если бы Спиноза умер, будучи ребенком, система, называемая сегодня его именем, никем не была бы выдвинута. В этом случае картезианство осталось бы без своего продолжения, воспринимаемого многими историками философии как неизбежное. Таким образом, Гуйе отвергает картину прошлого, в котором господствует необходимость, замыкающая теоретические формы мысли только на взаимодействие друг с другом.

Новизна в философии связана с достоверностью, открывающей разуму возможность особого взгляда на мир, прежде не встречавшегося. «Вселенная, заново воссозданная наукой, человек, возрожденный верой, таковы два постоянно возобновляемых источника философской мысли» [1, р. 18]. В рассуждениях Гуйе легко увидеть бергсонские мотивы, он отмечает непредвиденность событий в истории философии, говорит о «жизненном порыве», движущем мышлением философа. Влияние философского учения он уподобляет разветвлению единого потока, отличая его от ограниченного, линейного воздействия. «Одним словом, философия не живет своей собственной субстанцией. Она имеет свои средства, свои методы, свою область;

она не является ни наукой, ни синтезом наук; она не является ни религией, ни преобразованием религии; но ее жизненный порыв – научного или религиозного происхождения» [1, р. 18]. Но все-таки Гуйе не стремился ученически перенести интуитивистскую модель историко-философского процесса на те системы, которые стали предметом его специального профессионального интереса, поэтому «чистым бергсонянцем» его считать нельзя.

В структуру философии входит изменчивый элемент, что и побуждает ее к постоянной трансформации: представление о мире в культуре той или иной эпохи. Конечно, решающую роль в формировании упомянутого представления Гуйе отводил развитию наук и «вдохновениям религиозной души». Картезианство неотделимо от математической физики, а материализм Дидро или бергсонизм – от уровня развития биологии в XVIII и XIX вв. С другой стороны, опыт человека, воспринимавшего себя обновленным через веру, существенно влиял на философское видение мира, что подтверждает пример Паскаля или Мальбранша. Философ может заимствовать у своего предшественника систему понятий, способ рассуждения, но не переживаемый опыт. Поэтому одна система не может полностью сводиться к другой, обнаруживать в ее теоретических особенностях единственную причину своего появления. Отсюда история философии – не движение по прямой, а скорее серия разрывов и расхождений.

Идеал философии, ее «жизнь» связаны с рационализацией реальности. Философия предполагает напряженную работу, ее деятельность направлена на осмысление имеющихся в ее распоряжении данных. Французский историк мысли выделяет два способа рационализации мира, соответственно, два методологически различных подхода внутри философии. Один направлен на объяснение, другой – приближение к реальности. В первом случае философы стремятся обнаружить принципы бытия за пределами непосредственно данного, их исходный пункт – реальность, которую, как предполагается, недостаточно видеть, необходимо проникнуть в ее истинную сущность, за внешний покров. Второй подход, напротив, признает возможность прямого контакта с сутью бытия, но настаивает на том, что главная трудность – выработать непредвзятый, объективный взгляд на вещи, способный охватить их в правильной перспективе. Два тактики, два пути рационализации мира: истину «доказывают», реальность «показывают». Историк философии подчеркивал, что обозначенное им различие не следует абсолю-

тизировать; два подхода могут переплетаться, соединяться, сочетаться разными способами. Для Гуйе они обозначают не типы законченных систем, но, главным образом, направленность, способы мышления, выявляемые в истории, во всем разнообразии известного метафизического опыта. При этом он настаивал, что исследование психологических аспектов личности философа, так же как и теоретических источников его учения, нисколько не может понизить или повысить рациональную ценность его системы.

Гуйе выделял два подхода к истории в целом, которые считал применимыми и в сфере развертывания философских идей. Оба подхода – в равной степени «законны и необходимы». Один нацелен на восприятие событий в свете ключевых фактов последующей истории, другой концентрируется на том, как оценивали их современники. В первом случае стремятся выработать целостный взгляд на непрерывную цепь событий, во втором – прочувствовать их изнутри, приблизить к себе, ощутить их непосредственное присутствие.

Гуйе считал возможным говорить о будущем философии, но лишь о ближайшем, о непосредственно открывающихся для нее перспективах. Его подход чужд претензиям на формулировку окончательных положений, призванных составить основу некоей итоговой философской системы. Сама по себе конечная точка в философском развитии им не предусматривалась. Ближайшее же будущее вполне определено, на его взгляд, вырисовывалось в результате рассмотрения тех событий и связанных с ними последствий, которые способствовали возникновению современной интеллектуальной культуры. Различные варианты «философии свободы» закономерно ведут к экзистенциализму, особому видению мира, подготовленному «ужасающим кризисом», начавшимся в 1914 г. Когда само существование оказывается под вопросом, неизбежно происходит пересмотр философских установок. В философии происходит очередное смещение центра тяжести: для современности главным становится вопрос о личности. Именно этот вопрос, по мысли Гуйе, и задает ближайшую перспективу философских исследований. Конечно, Гуйе признает, что личность – отнюдь не открытие XX столетия. Но он настаивает на том, что именно XX в. взглянул на нее по-особому, придав остроту и новизну проблеме, обнаружил ее неизвестные ранее грани. На смену трактовки человека как «мыслящего животного» приходит принципиально иное его понимание – как творческой личности, погруженной в историю, в конкретные события, не поддающиеся абстрактной, вневременной схематизации.

Большое значение Гуйе придавал проблеме прогресса в истории философии. На его взгляд, не подлежит сомнению, что в истории науки и философии ситуация складывается прямо противоположным образом. Научные теории устаревают и вытесняются новыми, в философии прежние учения сохраняют свое значение. В этом смысле система Бергсона не выше учений Платона или Декарта, не отменяет, не превосходит их. Было бы ошибкой считать, что последующие философы всегда «видят дальше» своих предшественников. «В философии хронология не является критерием истины» [2, р. 71]. Исторический горизонт расширяется по мере перехода от одной эпохи к другой, вбирая в себя все новые оригинальные философские сочинения, он наполняется дополнительными смыслами, обогащается неповторимыми приобретениями. Неповторимость каждой эпохи приводит к тому, что оказывается невозможным, к примеру, философствовать, следуя букве Декарта после Канта, хотя отсюда и не вытекает, будто кантианство «более истинно», чем картезианство. Если пытаться применять к философии критерии развития науки, в ее истории не остается места прогрессу. Но поскольку подобные критерии к ней неприменимы, вопрос о прогрессе сохраняет свой смысл, только его следует искать, отталкиваясь от понятия развития в культуре. «Но, в той мере, в какой философия есть созидание, которое сближает ее с искусством, философ есть человек, который мыслит в мире все более и более богатой культуры» [3, р. 114]. Увеличение числа уникальных произведений, подлинных шедевров в области философии – своего рода символ прогресса; мир культурного бытия философов непрерывно расширяется, выходит за прежние границы. «Как музыкант существует и творит в мире музыкантов <...> философ существует и мыслит в мире философов <...> Однако каждый из этих миров – история, и каждая из этих историй как бы капитал, постоянно умножающийся. Подобное приумножение есть именно прогресс, весьма отличный, тем не менее, от того, что рисует история науки» [2, р. 73]. Мир культуры – непрерывное творчество, изобретение, расширение и обогащение; именно в этой среде живет и созидает философ. История философии – не случайная коллекция, состоящая из отдельных, легко изолируемых монографий. Авторы книг взаимодействуют, в том смысле, в каком Декарт неотделимо присутствует в интеллектуальной вселенной Канта и т.п.

Используемый язык уже погружает философа в некую, исторически обусловленную, культурную среду. «Всякий язык как бы пронизан

философией: самые банальные наши фразы постулируют, что вне нас существует внешний мир и даже что наши зрительные образы являются его фотографией; имеется, таким образом, дорефлексивный реализм, быть может, также дорефлексивный анимизм. Но философ пользуется не только повседневным языком: в среде, куда вводит его слово, он находит один или несколько словарей, введенных в употребление предшествовавшими ему философами» [4, р. 334]. Внутренняя для философа культурная среда – как бы пространство жизни его системы, своего рода «историческое бессознательное». При этом какое-то, пусть и неявное, отношение к прежней философской традиции присутствует в уме любого великого мыслителя, он ставит своей целью не повторение уже давно известного, но сообщение чего-то нового и исключительно важного.

Гуйе неоднократно предостерегал против превращения истории философии в философию истории. Такого рода превращение происходит, когда принимают за не подлежащие сомнению некоторые схемы развертывания событий, предполагающие их заданную направленность. Принимается идея линейной направленности событий, приводящей к понятной философу цели. «И вместе с непрерывностью навязывается род необходимости, который очаровывает разум: в ретроспективном видении события или мысли развертываются согласно порядку, выражающему определенную логику, логику идей или логику чувств, логику, выражающую природу вещей, или логику, развивающую следствия факта, неважно: полное объяснение оставляет ощущение того, что все произошедшее не могло не произойти» [5, р. 134]. Такая установка игнорирует случайность, пытается ее не замечать, хотя она, несомненно, присутствует в истории. Конечно, признает Гуйе, выдвинутая великими мыслителями, любая философия истории достойна внимания, побуждает к размышлениям, ставит новые проблемы и теоретические задачи. Но при этом несет и опасности, поскольку стремится подменить собой историю. Именно использование ретроспективного видения для объяснения всего, что было и будет, представляет собой такого рода подмену. Гуйе не предлагает совсем отказаться от ретроспективного видения, но заявляет о необходимости осознавать его границы и недостатки.

Марсиаль Геру с полным основанием выделял в качестве отличительной черты концепции Гуйе «неприятие абстрактной истории систем», вытекающее из установки рассматривать философские учения в связи с исторически определенным видением мира [6, р. 1072]. Жан-Луи

Вьейар-Барон справедливо подчеркивал, что Гуйе применял в своих исследованиях «метод психологического проникновения, сильно документированный исторически» [7, р. 2454]. В стиле XVII в. Дениза Ледюк-Фейет характеризует творчество Гуйе как соединение «духа геометрии с духом изящества» [8, р. 641]. Ирина Блауберг, в свою очередь, приходит к убедительному заключению: «акцент на личности философа, его опыте, отраженном в мысли, безусловно, роднит Гуйе с экзистенциалистами и составляет отличительную особенность его историко-философской позиции, ярко проявившуюся в его конкретных исследованиях» [9, с. 80].

Несомненно, в работах Гуйе нашли отражение темы и решения, сохраняющие свое значение для современной эпохи. К таковым правомерно можно отнести идею своеобразия, исторической неповторимости философского опыта; внимание к элементу случайности в истории философии; анализ различных аспектов рационализирующей деятельности философа; концепцию своеобразного преломления в интегральном видении мира культурного наследия прошлого и индивидуального опыта; размышления о перспективах философии; соображения о критериях отличия философии от других наук; о многомерности проблемы прогресса в истории. С другой стороны, его теория с позиции современного опыта не выглядит завершенной, позволяющей уяснить, расставить акценты, истолковать доступное на сегодняшний день многообразие фактов в сфере интеллектуальной истории. Учение о двух важнейших источниках философии существенно сужает горизонт ее интерпретации. Очевидно, давление культурной среды только ими не ограничивается. Отвергая линейную схему развития философии, Гуйе фактически принимает идею самодостаточности интеллектуальной сферы, хотя и старается доказать, что только имманентная логика развития событий в истории философии неприменима. «Феноменология философского духа» оказывается неполна, она требует дополнений и корректировки.

Список литературы

1. *Gouhier H.* La philosophie et son histoire. Paris, 1944. 138 p.
2. *Gouhier H.* Les grandes avenues de la pensée philosophique en France depuis Descartes. Louvain ; Paris. 1966. 95 p.
3. *Gouhier H.* Note sur le progrès et la philosophie // Etudes sur l'histoire de la philosophie. Paris, 1964, pp. 111–114.
4. *Gouhier H.* La philosophie et ses publics // Revue de l'université de Bruxelles. 1973. № 3–4, pp. 329–342.

5. Gouhier H. Vision rétrospective et intention historique // *La philosophie de l'histoire de la philosophie*. Roma ; Paris, 1956. 207 p.
6. Gueroult M. *Dianoématique*. Livre I : 3 vol. Histoire de l'histoire de la philosophie. Paris, 1988. Vol. 3. 1088 p.
7. Chevalier J., Vieillard-Baron J.-L. Gouhier // *Encyclopédie philosophique universelle*: IV vol. Sous la dir. d'André Jacob. Vol. III/2. Les oeuvres philosophiques. Paris, 1992, pp. 2453–2454.
8. Leduc-Fayette D. Gouhier // *Dictionnaire des philosophes*. Paris, 2001, pp. 641–642.
9. Блауберг И. И. История философии и философия истории в концепции Анри Гуйе // *История философии*. 2012. № 17. С. 63–82.

Образец для цитирования:

Кротов А. А. Два источника философии (о концепции Анри Гуйе) // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 418–422. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-418-422.

The Two Sources of Philosophy (Henri Gouhier's Conception)

A. A. Krotov

Lomonosov Moscow State University
27/4, Lomonosovskiy ave., 119234, Moscow, Russia
E-mail: krotov@philos.msu.ru

In the article are analyzed the main positions of conception of the history of philosophy by Henri Gouhier, who was one of the leaders of French tradition in the research of the classical intellectual heritage. Examined the solutions to the problem of the essence of philosophy proposed by the French thinker, its main sources and regularities of its development. Touched on Gouhier's doctrine on the ways of rationalizing of reality, of the immediate prospects of philosophy, its relationship with language. Undoubtedly, in Gouhier's works were reflected the topics and solutions that preserve their value for the modern period. It is rightly to belong to them the idea of singularity, the historical uniqueness of philosophical experience; the attention to the element of chance in the history of philosophy; considerations about the criteria for distinguishing philosophy from other sciences; about the multidimensionality of the problem of progress in history. At the same time, the doctrine of the two most important sources of philosophy significantly narrows the horizon of its interpretation. Clearly, the influence of the cultural environment is not limited to just them. Rejecting the linear pattern of development of philosophy, Gouhier actually took the idea of self-sufficiency of intellectual sphere, although tried to prove that only the immanent logic of events in the history of philosophy is not applicable. Gouhier's «Phenomenology of the philosophic spirit» looks incomplete, it requires additions and corrections.

Key words: philosophy of the history of philosophy, nature of philosophy, Henri Gouhier, the problem of progress in philosophy, French philosophy of XX century.

Please cite this article in press as:

Krotov A. A. The Two Sources of Philosophy (Henri Gouhier's Conception). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 418–422. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-418-422.

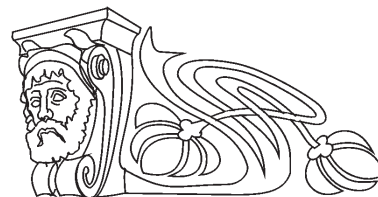
References

1. Gouhier H. *La philosophie et son histoire* (Philosophy and its history). Paris, 1944. 138 p.
2. Gouhier H. *Les grandes avenues de la pensée philosophique en France depuis Descartes* (The main lines of the development of philosophical thought in France since Descartes). Louvain; Paris, 1966. 95 p.
3. Gouhier H. Note sur le progrès et la philosophie (Note of the progress in philosophy). *Etudes sur l'histoire de la philosophie* (Studies in the history of philosophy). Paris, 1964, pp. 111–114.
4. Gouhier H. La philosophie et ses publics (Philosophy and its audience). *Revue de l'université de Bruxelles* (Journal of University of Brussels), 1973, no. 3–4, pp. 329–342.
5. Gouhier H. Vision rétrospective et intention historique (Retrospective vision and historical orientation). *La philosophie de l'histoire de la philosophie* (Philosophy of the history of philosophy). Roma; Paris, 1956. 207 p.
6. Gueroult M. *Dianoématique*. Livre I: 3 vol. (Dianoématique: in 3 vol. Book 1). *Histoire de l'histoire de la philosophie* (The history of the history of philosophy). Paris. 1988. Vol. 3. 1088 p.
7. Chevalier J., Vieillard-Baron J.-L. Gouhier (Gouhier). *Encyclopédie philosophique universelle*: IV vol. Sous la dir. d'André Jacob. Vol. III/2. Les oeuvres philosophiques (Universal philosophical encyclopedia. Ed. by A. Jacob. Vol. III/2. Philosophical works). Paris, 1992, pp. 2453–2454.
8. Leduc-Fayette D. Gouhier (Gouhier). *Dictionnaire des philosophes* (The dictionary of philosophers). Paris, 2001, pp. 641–642.
9. Блауберг И. И. *Istoriya filosofii i filosofiya istorii v kontseptsii Henri Gouhier* (History of philosophy and philosophy of history in Henri Gouhier's conception). *Istoriya filosofii* (History of philosophy), 2012, no. 17, pp. 63–82.

УДК 7.01

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В (ПОСТ)СОВРЕМЕННОМ СИТИСКЕЙПЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЛИ ДЕСТРУКЦИЯ?

Шапинская Екатерина Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, социокультурной антропологии и социальных коммуникаций, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, Москва. E-mail: reepash@mail.ru

В статье рассматриваются особенности современного городского социокультурного пространства. Ставится вопрос о трансформации ценностей культурного наследия в условиях преобладания массовой культуры и в культурных практиках игрофикации. На примерах из области городской скульптуры, трансляций оперных спектаклей на городских площадях, стратегий музеев в области сувенирной продукции показано, что в процессе получения коммерческой прибыли первоначальные смыслы и ценности произведений искусства часто не только трансформируются, но и утрачиваются. Делаются выводы о необходимости понимания контекстуальной и смысловой составляющей (пост)современных культурных практик для сохранения ценности классических произведений прошлого.

Ключевые слова: культурное наследие, ценность, трансформация, трансляция, ситискейп, постмодернизм, симуляция, массовая культура, консьюмеризм, репрезентация, туристическая индустрия, артефакт, городская скульптура, оперный театр, музей.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-423-430

Современная городская среда – пространство разнородное, в котором соседствуют памятники прошлого и новейшие творения, ностальгические уголки сохранившегося быта и переделанные по новым технологиям, ставшие незнакомыми улицы и площади. Мегалополисы в разных странах несут на себе явные знаки глобализации, становясь похожими в бесконечных сетевых магазинах, ресторанах, парках развлечений и в то же время агрессивно подчеркивая этнокультурную специфику в местах, популярных у туристов. Эти тенденции проявляются и в провинциальных городах, где сетевые заведения распространяются все более широко, а местный колорит вдохновляет туристическую индустрию на создание все новых артефактов. Неоднозначность современной городской среды отмечают исследователи, которыми она рассматривается «в двух эстетически значимых аспектах: как *текст* – средоточие культурной информации, элемент культуры повседневности современного человека, идущего-бегущего-едущего среди немалого количества скульптур,

соразмерных самому человеку; как *контекст* – собственно материальная среда, которая есть активный регулятор бытия человека» [1, с. 106]. Вполне закономерно, что в столь противоречивом социокультурном пространстве «происходит ослабление локальных и первичных социальных связей <...> и перестают действовать традиционные способы трансляции культурных ценностей» [2, с. 236]. Вопрос заключается в том, насколько новые формы репрезентации культуры прошлого трансформируют ее, создавая на ее основе новые культурные тексты, содержащие память о прошлом, или же первичные смыслы и ценности полностью утрачены в новых артефактах, предназначенных для массового потребления.

Читая современный город как текст, мы видим сплетение различных кодов, которые помогают понять смысл как бесконечных переделок городов, так и тех многочисленных культурных практик, которыми буквально заполнены публичные пространства города. Мы выделили несколько тенденций современной городской жизни, которые носят пространственно-временной характер, трансформируя привычный визуальный облик городских пространств и в то же время существуя во времени, имея характер протяженного во времени действия. Их объединяет общий игровой характер, столь симптоматичный для культуры наших дней, где грань между «реальной» и виртуальной реальностью стирается, где игра становится смыслом существования не только детей, но и выросших в компьютерную эру, так и не повзрослевших «новых взрослых». «Именно игровая деятельность, – пишет Ж. Бодрийяр, – все более управляет нашими отношениями к вещам, к людям, к культуре, к досугу, иногда к труду, а кроме того, к политике. Именно игровая деятельность придает господствующую тональность нашему повседневному поведению в той мере, в какой все предметы, блага, отношения, услуги, становятся гаджетом» [3, с. 149]. «Игрофикация» культуры, отмеченная французским философом почти 50 лет назад, стала еще более выраженной в наши дни, когда гаджеты все более совершенствуются, а новые технологии позволяют расширять пространство игры до бесконечности.

Ситискейп как царство симулякров. Игры с классикой

Современный город является наглядным подтверждением постмодернистской идеи всевластия симуляции, пастиша, иронии, воплощенной в многочисленных «украшениях» улиц и площадей, бульваров и торговых центров. «Фикциональность, фрагментация, коллаж и эклектицизм, проникнутые ощущением эфемерности и хаоса, – это то, что доминирует в сегодняшних практиках архитектуры и городского дизайна» [4, с. 98]. Мы сталкиваемся с разнообразными образами прошлого, включенными в контекст исторического города, представляющими пеструю картину самых разных фрагментов истории, приобретающих игровой характер оживших скульптур или костюмированных фигур, рекламирующих музеи. Внимание к прошлому, возникшее как реакция на модернистское отрицание ценности истории, характерно для постмодернистской архитектуры, отличительной чертой которой является «открытость прошлому. Там, где модернистская архитектура объявляла «полный разрыв с прошлым <...> постмодернизм показывает новое стремление вернуть и использовать исторические стили и технологии» [5, с. 82]. Эти черты стали характерными не только для архитектуры, но и для всей городской среды в целом, причем наиболее распространенной формой инкорпорации прошлого в ткань современной жизни стали «исторические симуляции», придавшие определенную эстетическую окраску площадям и поездам метро, паркам и террасам многочисленных кафе. В свое время Ж. Бодрийяр видел в пестрой картине современного художественного мира «нарушение тайного кода эстетики». Учитывая все большее присутствие «художественного» элемента в разных формах городской жизни, трудно не согласиться с оценкой состояния современной культуры французским философом: «Пройдя через освобождение форм, линий, цвета и эстетических концепций, через смешение всех культур и всех стилей, наше общество достигло всеобщей эстетизации, выдвижения всех форм культуры (не забыв при этом и формы антикультуры), вознесения всех способов воспроизведения и антивоспроизведения» [6, с. 25]. Примеры такого рода эстетизации мы видим в многочисленных городских скульптурах (как статичных, так и «живых»), в «оживших» исторических персонажах, привлекающих туристов к той или иной достопримечательности, в многочисленных фестивалях и городских праздниках. Постмодернистские понятия симуляции и двойного кодирования реифицированы

в артефактах городской жизни, ставших привычными «украшениями» ситискейпа.

Остановимся на двух примерах, очень наглядно иллюстрирующих далеко не устаревшие постмодернистские установки, взятых нами из жизни двух столиц – Москвы и Вены, находящихся в самом центре и «вписывающихся» в окружающее пространство исторического района. Мы выбрали их среди множества не менее выразительных примеров по причине их «заметности» в пестроте ситискейпа и по тому, что они являются полисемантическими текстами, достаточно органично вписанными в окружающий их контекст.

Первый пример – это «скульптура», украсившая Москву летом 2015 г., во время ставших уже привычными фестивалей «Московское лето» и «Московская осень» и представляющая собой объемную репрезентацию известных картин итальянского художника Джузеппе Арчимбольдо «Лето» и «Осень». Арчимбольдо «составлял» свои образы времен года из даров природы, свойственных тому или иному сезону, и создатели ярких и радостных городских скульптур точно передали все растительные составляющие образов: фрукты, колосья, цветы. Таким образом, Арчимбольдо «процитирован» на московском празднике, но процитирован более ярко и объемно, чем в случае с подлинником, и стоявший напротив Большого театра фруктово-овощной монстр стал образцом симулякра. Контекст этих фруктово-овощных героев составили апельсиновые улитки, яблочные лошади, жар-птицы из абрикосов и прочие реминисценции утерянной городом природы. Эти многочисленные инсталляции носили одновременно ностальгический и радостный характер: природа утрачена в ее естественности, но воскрешена как продукт потребления, доступный в виде многочисленных напитков, сладостей, варенья, пастилы и прочих гастрономических удовольствий. Миф об умирающем и воскресающем боге обретает новый облик, утерянная естественность возрождается в виде красиво упакованного деликатеса. Возвращаясь к «фруктовому человеку», вспомним постмодернистский принцип двойного кодирования: текст существует как бы на двух уровнях восприятия – «посвященного» и «наивного». Если в первом случае узнается цитата и ее автор (Арчимбольдо и его создание), во втором зритель видит лишь яркое изображение, соответствующее общему настроению летнего изобилия и радости, с удовольствием фотографирует его и идет дальше, к павлинам и банкам с лимонадами, нисколько не задумываясь о «первоисточнике» этих текстов. Ис-

пользование «классического» первоисточника для создания декоративного симулякра вполне соответствует постмодернистскому принципу «иронического заимствования различных стилей, исторических и современных» [5, с. 95]. Создатели «фруктового человека» не преследовали никаких целей, кроме производства еще одного яркого и привлекательного артефакта в пестром пространстве «Московского лета», устройтели которого «просто сделали жест в направлении исторической легитимации путем широкого и часто эклектичного цитирования прошлых стилей» [4, с. 85].

Второй пример найден нами в самом центре Вены, рядом с Венской оперой, он находился в непосредственной близости от галереи «Альбертина», колоссального, просторного, богатейшего музея графики, наиболее известным экспонатом которого является «Заяц» Альбрехта Дюрера. Напротив Венской оперы недавно установлена большая скульптура яркого розового зайца, указывающая на вход в «Альбертину», находящийся позади Венской оперы, как бы приглашая публику пройти в указанном направлении. Изначально этот розовый кролик был предназначен для выставки. «Гигантский розовый кролик, копирующий знаменитую работу Альбрехта Дюрера, встречает посетителей выставки «Дюрер, Микеланджело, Рубенс», представленной в стенах музея. Вторая копия скульптуры принимает участие в праздничных шествиях в центре столицы. Впервые эту идею воплотил немецкий художник Оттмар Херль, в 2003 году создавший инсталляцию из 7000 зеленых зайцев на главной площади в родном городе Дюрера Нюрнберге» [7]. По окончании выставки, для которой скульптура была предназначена, кролик «вписался» в контекст культурного центра Вены, ярким пятном «оживляя» фасад Венской оперы и символически указывая на разнообразие стилистики «высокого искусства». С этой точки зрения, розовый кролик также представляет собой образец «двойного кодирования», поскольку, как и в случае с «фруктовым человеком», он несет в себе разные смыслы для «посвященной» или «неподготовленной» публики, становясь для последней игровым моментом в академизме пространства, окружающего Венскую оперу, делая ее доступнее и ближе обычному туристу, не обремененного грузом классических культурных импликаций. В то же время розовый заяц как бы декларирует торжество масскультурной эстетики, врывающейся в сакральную торжественность Венской оперы и связанных с ней представлений о высоком искусстве, делая

весь контекст этого фрагмента венского ситискейпа доступнее и ярче.

Как описанные выше образцы соотнесения с историческим прошлым через игру, так и многочисленные ретрообразы заполняют современный город, создавая ощущение близости и ценности истории, но сводя эту ценность к ярким артефактам, кулинарным стилям или броским сооружениям. Вопрос в том, насколько такие «игры с историей» способны сохранить ценность истории как таковой [8].

Трансгрессия границ между высокой и массовой культурой: игры с оперой

Продолжая рассказ о венском ситискейпе, где розовый заяц заметно выделяется на фоне вычурного фасада Венской оперы, нельзя не отметить еще одну новую черту в жизни этого оживленного места города, известного своей музыкальностью, – большого экрана на фасаде здания Оперы. На нем идут трансляции спектаклей, которые может видеть и (в какой-то мере, по причине гула оживленной городской жизни) слышать публика. Такого рода трансляции стали частью работы многих оперных театров мира, создавая иллюзии доступности «высокого» искусства самой широкой публике. Идея популяризации оперы началась с глобального проекта Метрополитен-опера (а затем и театра Ковент-Гарден) по трансляции спектаклей в кинотеатрах и получила поддержку любителей оперы во всем мире, поскольку дала возможность меломанам увидеть и услышать звезд мировой оперы в своих городах. «В настоящее время, – отмечает молодой исследователь Дж. Аттард, – целое поколение потенциальных любителей оперы взрослеют в эпоху, когда постановки мирового уровня транслируются в тысячах кинотеатров на всех континентах <...> Потенциал кинотрансляций оперы и балета, которые переносят формы искусства из таких театров, как Королевский оперный театр и Метрополитен-опера в жизнь при помощи технологий XXI века, впечатляет. В течение всего нескольких лет “виртуальная аудитория” театра Ковент-Гарден превзошла его реальную аудиторию» [9].

Следующим шагом стала трансляция спектаклей на экранах, расположенных перед театрами или в других городских пространствах. Если кинопоказы оперных спектаклей можно отнести к просветительской стратегии, то выход оперы за пределы границ, очерченных зрительным залом, в открытое городское пространство является трансгрессией границ культурной формы, знаком сближения элитарной и массовой культуры, идеи доступности всего и вся в современном культурном коллаже.

Основываясь на своем личном опыте как непосредственного наблюдения за «действием», происходящим перед театром, так и просмотра различных онлайн-трансляций, можно сделать вывод, что, добавляя еще одно зрелище в перенасыщенную визуально городскую жизнь, опера как вид искусства никоим образом не становится более понятной или любимой обычной неподготовленной публикой. Если трансляция оперы в кино предполагает покупку билета, темный зал, начало и окончание сеанса, то в онлайн-трансляциях на больших экранах люди приходят и уходят по своему усмотрению, уличный шум подчас заглушает звуки оркестра и пение, а публика рассматривает это зрелище как одно из многочисленных развлечений, предложенных современным городом. На наш взгляд, в этом случае происходит намеренное нарушение еще существующих границ между «высоким искусством» и массовой культурой, поскольку именно ее черты – легкость и доступность, развлекательность и зрелищность – становятся доминантными в этих формах популяризации оперы. Представители театров полагают, что таким образом они привлекут новых зрителей, которые, заинтересовавшись происходящим, купят затем билеты в театр, но эти ожидания не оправданы, поскольку собравшаяся перед экраном публика заинтересована в опере как в очередном городском развлечении, не более того. Рекреативный характер такого рода не скрывают и сами организаторы. Можно в качестве показательного примера привести широкую трансляцию оперы «Травиата» театром Ковент-Гарден в июне 2014 г., когда экраны были установлены в публичных местах, в частности на площадях и скверах, а в перерыве представитель театра рассказывал публике, что в опере нет ничего сложного, предлагая в качестве подтверждения конкурс на опера-сэндвич в следующем интервале, что, несомненно, вызвало интерес публики в гораздо большей степени, чем любовная драма, происходящая на экране. Возникает вопрос: что происходит с самой оперой, включенной в пространство масскульты, становится ли она, действительно, доступным развлечением? Наши наблюдения показывают, что публика с ее интересами и происходящее на сцене действие не соприкасаются, будучи рядоположенными в пространстве, интересы случайно (как правило) собравшейся перед экраном аудитории совершенно не затронуты ни предлагаемым в качестве развлечений произведением, ни исполнителями. Причина тому не только общий контекст ситискейпа – оперный спектакль представляет собой определенную

целостность, при нарушении которой полноценное восприятие невозможно. Оперный нарратив, достаточно сложный, требует внимания зрителя/слушателя – присоединившиеся в середине вряд ли поймут, что происходит на экране. Что касается певцов, их положение, с одной стороны, вполне традиционно, поскольку они исполняют спектакль в обычном режиме, с другой – то, что происходит на экране, далеко не лучшим образом передает как вокальное мастерство, так и визуальный образ.

Можно ли сказать, что произошла трансформация культурной формы, что она изменилась со сменой контекста? В случае с оперой положение уже весьма сложно, поскольку современная «режопера» с ее экспериментами уже вызывает сомнение в ее существовании как жанра, о чем говорят как исследователи, так и музыканты, внесшие большой вклад в это искусство. «Может быть, я реакционер, – говорит Юрий Темирканов, – но я скажу своё мнение: опера как жанр сейчас гибнет – именно как жанр. Потому что режиссёры, приходящие ставить оперу, даже не знают толком, что это такое» [10]. Опера как жанр музыкального театра находится, таким образом, под двойным ударом – со стороны «новой режиссуры» и превращения ее в массовое зрелище. О первой проблеме мы не раз размышляли в наших работах [11], в последнем же случае, на наш взгляд, происходит определенная семантическая трансформация, поскольку спектакль, предназначенный для оперного театра, в крайнем случае для киносеанса, становится частью открытого пространства города, такой же, как памятники архитектуры, ставшие фоном туристической индустрии и ее консьюмеристских стратегий. Кроме того, содержание транслируемого спектакля может никоим образом не соотноситься по эмоциональному настрою с общим настроением гуляющей публики (так это было с оперой «Макбет» на экране перед Венской оперой). Ни архитектурные сооружения, ни скульптура, украшающая площади, ни оперный спектакль не меняются от того, что попадают в контекст гедонистической городской жизни, тем не менее эстетическое восприятие такого культурного текста отличается от восприятия его же в «аутентичном» контексте зрительного зала. Можно ли сказать, что опера на экране стала частью жизни большого города? Во всяком случае, движение в этом направлении происходит, как и со всеми произведениями «высокой культуры», находящими себе место в городской среде, в форме симулякров (о которых мы говорили выше) или же в форме трансляций оперных спектаклей на площадях.

Консьюмеризм без берегов: музейная сувенирная индустрия и игры с публикой

Музей наших дней значительно отличается от того сакрального пространства хранения ценностей прошлых эпох, которым он был еще в недавнем прошлом. Современный музей использует все возможные технологии для создания интерактивного пространства, где посетителю было бы интересно, т.е. все того же игрового пространства, создающего ощущение интриги, увлекательности, эмоциональной вовлеченности, в отличие от созерцательности и рефлексии, требуемых тишиной и торжественностью традиционного музея. Новые формы взаимодействия с посетителями активно используются в музеях, предлагающих самые разные формы игры – от возможности «заглянуть» в изображение, представить себя на месте изображенных персонажей до предложения форм самопрезентации, например, селфи с тем или иным экспонатом. Другой формой сближения музея с массовой культурой становится все более интенсивное развитие сувенирной продукции, музейных магазинов (реальных и виртуальных), новые формы репрезентации постоянных экспозиций или выставок. Музейный магазин стал важной частью любого музея, с ним посетитель сталкивается у входа в музей, многочисленные киоски расположены часто и внутри музея, а на выходе желание унести с собой частичку увиденного, сделать ее частью повседневности подогревается привлекательными витринами и яркими постерами. Возвращаясь вновь к собственным наблюдениям в различных по масштабу и местоположению музеях, можно сказать, что музейный магазин привлекает часто даже больше посетителей, чем те залы, где находятся подлинники изображенных на кружках, шарфах, сумках или кондитерских изделиях шедевров. Потребляя образы культурного наследия, реифицированные в сувенирной продукции, посетитель приобщается к образцам «высокой культуры», ставшими доступными артефактами, существующими на поверхности опыта современного человека. «История сведена к означаемым – стилям, отсылкам, образам, предметам, – которые могут циркулировать вне их первоначальных контекстов» [12, с. 197]. Увлеченный красочным миром сувениров, посетитель превращается в потребителя, для которого значимость репрезентации превышает значимость оригинала, который зачастую теряет в глянцево-яркости, по сравнению с его броской копией в любой форме – от репродукции на майке или сумке до кондитерских изделий. В таком потреблении музейных экспонатов можно выделить два аспекта: «С одной

стороны, потребитель, населяющий вечное настоящее, сталкивается со всеми проявлениями социальной жизни как с полем симультантных и лишенных глубины образов, из которых можно выбирать, но выбирать без всяких внешних причин <...> С другой стороны, постмодернистский потребитель считается ироничным и знающим, рефлексивным и понимающим, какая ведется игра <...> Такой потребитель <...> должен получать удовольствие не от самих вещей, а от опыта сборки и деконструкции образов» [12, с. 197]. И в том, и в другом случае происходит смещение сигнификации – то, что должно было бы быть напоминанием, отсылкой к увиденному подлиннику, становится «пустым знаком», за которым не стоит ни образа источника репрезентации, ни его культурных импликаций. Происходит то, что Ж. Бодрийяр выделял как принцип культурного потребления, – «прославлять знаки на базе отрицания вещей и реальности» [3, с. 132]. Но знаки сами становятся вещами, реифицируясь в различной сувенирной продукции: слово «сувенир» означает «воспоминание», и сувенир изначально был призван напоминать о каком-либо месте, произведении искусства, впечатлении. Современные сувениры разрывают связь со своим «первоисточником», становясь самостоятельными предметами, которые могут быть использованы без каких-либо коннотаций. Музеи охотно идут на самые разные стратегии популяризации, объясняя это необходимостью выживания в консьюмеристском обществе (именно это утверждают и представители оперных театров, расширяющих свою аудиторию при помощи онлайн-трансляций). Можно привести в качестве примера консьюмеризации деятельности музеев публикацию Третьяковской галереи в социальных сетях: «В июле Третьяковская галерея совместно с маркой *Radical Chic* представили специальную коллекцию шелковых платков, созданную по мотивам шедевров русской живописи и графики из собрания музея. В основу коллекции легли шесть полотен и графических работ» [13]. Рубрика «Партнерские проекты» претендует на просветительский характер, поскольку в серии публикации размещает рассказы о работах, представленных на платках. Первый рассказ посвящен «Саломее» Льва Бакста (что, возможно, не случайно связано с масштабной выставкой Бакста, проходившей в Москве летом 2016 г.). Кратко коснувшись истории постановки, авторы публикации предложили читателям «увлекательный» пересказ сюжета: «Две рабыни разведали над Саломеей прозрачные ткани, и, когда падало последнее

покрывало, актриса оставалась почти обнаженной в бакстовском костюме, состоящем только из бус. Восторженные критики отметили, что танцовщице свойственна та красота, «которая пленила древнего Ирода, в ней гибкость змеи и пластичность женщины, в ее танцах – сладострастно-окаменелая грация Востока, полная неги и целомудрия животной страсти» [13]. Сам тон этого рассказа полностью соответствует масскультовским стереотипам ориентализма, возбуждая желание обладания, этот вечный стимул потребления. Дорога к удовлетворению этого желания указана в конце публикации: «Платки коллекции в продаже в магазинах Галереи и Radical Chic» [13]. Репродукции на платках – один из самых распространенных сувениров в музейных магазинах по всему миру. Но в данном случае сувенир выходит за рамки своей первоначальной функции «напоминания» и начинает жить отдельной жизнью, в качестве предмета, полностью утратившего связь с означаемым, становясь вещью, частично утратившей первоначальный знаковый характер, но не потерявшей окончательно связи с ним, поскольку он придает вещи характер «эксклюзивности», принадлежности к «высокой культуре» и, соответственно, повышает статус ее владельца. «Все товары, – пишет известный исследователь популярной культуры Дж. Фиске, – потребляются в такой же мере из-за их значений, идентичностей, удовольствий, как из-за их материальной функции» [14, с. 4].

Рост коммерческой составляющей музеев, этих хранилищ культурного наследия, показателен для общества потребления, все больше диктующего стратегии культурного производства: «Наша культура, это культура потребления, и бессмысленно возражать против этого на том основании, что культура и прибыль являются взаимоисключающими понятиями» [14, с. 4]. В этой ситуации «причуды сегодняшнего дня берут верх над истиной, воплощенной в истории и традиции, потребности, ценности и товары производятся в соответствии с прибылью, а не возникают естественно, исходя от подлинной жизни индивида и общества. Прежде всего, консьюмеризм воплощает триумф экономической ценности над всеми другими видами и источниками социальной значимости» [12, с. 63]. Руководствуясь этим принципом, учреждения культуры делают все, чтобы придать культурному наследию экономически выгодный характер путем репликаций, онлайн-трансляций, игрофикации или создания привлекательных артефактов. Рассмотрев несколько городских

пространств, где ярко проявляются тренды наших дней в отношении культурного наследия, проанализировав некоторые примеры, на наш взгляд, весьма показательные, можно прийти к определенным заключениям о взаимоотношениях произведений классического искусства и современных культурных практик.

Постмодернизм, который считается многими давно отжившим свой век интеллектуальным течением, не утратил влияния в области конструкции ситискейпа. Как мы могли убедиться, такие его принципы, как двойное кодирование, создание симулякров, пастиш вполне актуальны и применяются в городских пространствах.

Все три выделенные нами области использования культурного наследия в современной городской жизни связаны с его визуальным аспектом – городские скульптуры, онлайн-трансляции на экранах, где оперу «смотрят», а не слушают, глянец музейных сувениров – все это производится с расчетом на визуальную привлекательность. О визуальной доминанте современной культуры говорят уже долго, поразному ее оценивая, но признавая тот факт, что культура все более приобретает визуальный характер. Профессор Лев Манович, эксперт в области новых медиа, отмечает: «Многие говорят, что культура – это письменность, что культура – это слово, а изображения вытесняют текст. Но одни люди продолжают писать статьи, а другие продолжают их читать. С точки зрения массовой культуры, по крайней мере, в социальных сетях, мы видим, что изображение становится более важным. В каких-то моментах оно убирает текст на второй план» [15]. Изображения заполняют пространства нашей жизни, реальной и виртуальной, но характер этих изображений разный, и их смысл зависит не только от типа изображения, но и от того контекста, в который он помещен. Репродукция музейного экспоната в поезде метро вряд ли способствует развитию эстетического вкуса пассажира, торопящегося на работу или, как правило, углубленного в свой айфон.

Город – это среда массовой культуры, город заполнен рекламой, местами рекреации, разнообразными удовольствиями, которые имеют собственную эстетику и конструируют более или менее комфортную среду обитания. Но город, в особенности насчитывающий многовековую историю, – это и хранитель культурной памяти, улицы, площади и архитектурные сооружения которого представляют собой палимпсест стилей прошлого. Тенденцией на-

ших дней можно считать включение памятников прошлого в контекст массовой культуры, «снижение» их эстетической ценности, снятие ауры путем различных технологий репликации, симулятивных приемов и использования в качестве массово произведенных товаров. Культурное наследие становится, таким образом, ресурсом туристической индустрии, приобретшей невероятный размах в последние десятилетия. Иллюзия доступности памятников прошлого поддерживается популистскими стратегиями учреждений культуры, которые в целях обеспечения своего существования в условиях жесткой конкуренции прибегают к разнообразным способам превращения произведений искусства в легкодоступный товар.

Эти выводы вновь приводят нас к поставленному в начале статьи вопросу: что же происходит сегодня с культурным наследием в бесконечных играх с историей, с искусством, с пространством и временем? Насколько эти игры заставляют забыть о ценностях прошлого в вечной погоне за новыми развлечениями, за яркими картинками, за возбуждающими желание предметами? На наш взгляд, однозначного ответа дать невозможно, поскольку описанные нами процессы по-разному происходят и означаются в разных слоях общества и в разных событийных контекстах. Не отрицая важности коммерческой адекватности учреждений культуры, необходимо соблюдать баланс между текстом и контекстом, между культурными смыслами произведения искусства и того социокультурного пространства, в которое оно помещается. Культурные практики нашего времени, во многом определяемого законами массовой культуры, подвижны и изменчивы, их значения «никогда нельзя идентифицировать в тексте, поскольку тексты активизируются или становятся значимыми только в социальных отношениях и в пространстве интертекстуальности» [14, с. 3]. Только относясь к окружающему нас пространству города как к подвижной среде, вбирающей в себя прошлое и настоящее, ироничной и играющей, сохраняющей ценности и пародирующей их, привлекающей человека броской визуальностью, понятной и не понятной одновременно, можно постепенно прийти к пониманию границ использования культурного наследия в ситискейпах, к пониманию того, где

оно сохраняется во всем своем богатстве, а где культурные производители относятся к нему лишь как к возможности создать прибыльный проект или артефакт.

Список литературы

1. Злотникова Т. С. Эстетические практики личности в материальной среде // Российский дискурс массовой культуры : эстетические практики и художественный образ. Ярославль, 2015. С. 78–103.
2. Орлова Э. А. Социология культуры. М., 2012. 574 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. 269 с.
4. Harvey D. The condition of postmodernity. Cambridge, 1992. 378 p.
5. Connor S. Postmodernist culture. Oxford, 1997. 327 p.
6. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2009. 257 с.
7. Розовый пасхальный кролик Альбрехта Дюрера появился на улицах Вены. URL: <http://euro-pulse.ru/news/rozovyyiy-pashalnyiy-krolik-albrehta-dyurera-poyavilsya-na-ulitsah-venyi> (дата обращения: 21.08.2016).
8. Шапинская Е. Н. Образы истории в культуре постмодернизма // Культура культуры. 2016. № 1. URL: <http://cult-cult.ru/historical-images-in-postmodern-culture/> (дата обращения: 25.08.2016).
9. Attard J. Is opera in cinemas a perfect introduction to the art form? URL: <http://www.roh.org.uk/news/is-opera-in-cinemas-the-perfect-introduction-to-the-art-form> (дата обращения: 14.04.2016).
10. Юрий Темирканов : «Опера как жанр гибнет». URL: <http://www.classicalmusicnews.ru/interview/jurii-temirkanov-opera-kak-zhanr-gibnet/> (дата обращения: 22.04.2016).
11. Шапинская Е. Н., Цодоков Е. С. Парадокс об опере – 3. Опера в эпоху «посткультуры» : трансформация культурной формы или смерть жанра? // Культура культуры. 2016. № 2. URL: <http://cult-cult.ru/opera-paradox-3-opera-in-the-post-culture-period-transformation-of-the-cultural/> (дата обращения: 18.08.2016).
12. Slater D. Consumer culture and modernity. Cambridge, 1997. 230 p.
13. Партнерские проекты. URL: <https://www.facebook.com/saved/?cref=28&qsefr=1> (дата обращения: 27.08.2016).
14. Fiske J. Reading the popular. London ; New York, 1997. 228 p.
15. Лев Манович: «Технологии у нас новые, а содержание 200–300-летней давности». URL: <http://www.interviewrussia.ru/life/lev-manovich-tehnologii-u-nas-novye-soderzhanie-200-300-letney-davnosti?page=2> (дата обращения: 31.08.2016).

Образец для цитирования:

Шапинская Е. Н. Культурное наследие в (пост)современном ситискейпе : трансформация или деструкция? // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 423–430. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-423-430.

Cultural heritage in (Post)modern Cityscape: Transformation or Destruction?

E. N. Shapinskaya

Russian State University for Physical Culture, Sport,
Youth and Tourism
4, Sirenevye ave., Moscow, 105122, Russia
E-mail: reenash@mail.ru

The article examines the features of contemporary urban social and cultural space. The problem of transformation of values of cultural heritage in the conditions of prevalence of mass culture and practices of gamification has been posed. Basing on examples of city sculpture, on-line streaming of opera performances on city squares, museum strategies in the field of souvenir production it has been shown that in the process of getting commercial profit primary meanings and values of art works are often not only transformed but destroyed. The conclusion is made about the necessity of understanding of contextual and meaningful aspects of (post)modern cultural practices for preserving the value of classical works of the past.

Key words: cultural heritage, value, transformation, translation, cityscape, postmodernism, simulation, mass culture, consumerism, representation, tourist industry, artifact, city sculpture, opera theatre, museum.

References

1. Zlotnikova T. S. Esteticheskie praktiki lichnosti v materialnoy srede (Aesthetic practices of personality in material environment). *Rossiskiy diskurs massovoy kultury* (Aesthetic experience of a person in material environment). Yaroslavl, 2015, pp. 78–103.
2. Orlova E. A. *Sotsiologiya kultury* (Sociology of culture). Moscow, 2012. 574 p.
3. Baudrillard J. *La societe de consummation*. Paris, 1970. 275 p. (Russ. ed.: Baudrillard J. *Obschestvo potrebleniya*. Moscow, 2006. 269 p.).
4. Harvey D. *The condition of postmodernity*. Cambridge, 1992. 378 p.
5. Connor S. *Postmodernist culture*. Oxford, 1997. 327 p.
6. Baudrillard J. *La Transperence du mal*. Paris, 1990. 260 p. (Russ. ed.: Baudrillard J. *Prozrachnost zla*. Moscow, 2009. 257 p.).
7. *Rozovyy paskhalnyy krolik Albrehta Dyurera poyavilsya na ulitsakh Veny* (Pink easter rabbit of Albrecht Durer on Vienna streets). Available at: <http://euro-pulse.ru/news/rozovyy-pashalnyiy-krolik-albrehta-dyurera-poyavilsya-na-ulitsah-venyi> (accessed 21 August 2016).
8. Shapinskaya E. N. Obrazy istorii v culture postmodernisma (Historical images in postmodern culture). *Kultura kultury* (Culture of culture), 2016, no. 1. Available at: <http://cult-cult.ru/historical-images-in-postmodern-culture/> (accessed 25 August 2016).
9. Attard J. *Is Opera in cinemas a perfect indroduction to the art form?* Available at: <http://www.roh.org.uk/news/is-opera-in-cinemas-the-perfect-introduction-to-the-art-form> (accessed 14 April 2016).
10. *Juriy Temirkanov: «Opera kak zhanr gibnet»* (Opera as a genre is dying). Available at: <http://www.classicalmusicnews.ru/interview/jurii-temirkanov-opera-kak-zhanr-gibnet/> (accessed 22 April 2016).
11. Shapinskaya E.N., Tsodokov E. S. Paradoks ob opera-3. Opera v epokhu postkultury (Paradox about Opera-3. Opera in the Epoch of Postculture). *Kultura kultury* (Culture of culture), 2016, no. 2. Available at: <http://cult-cult.ru/opera-paradox-3-opera-in-the-post-culture-period-transformation-of-the-cultural/> (accessed 18 August 2016).
12. Slater D. *Consumer culture and modernity*. Cambridge, 1997. 230 p.
13. Partnerskie proekty (Partnership projects). Available at: <https://www.facebook.com/saved/?cref=28&qsefr=1> (accessed 27 August 2016).
14. Fiske J. *Reading the popular*. London; New York, 1997. 228 p.
15. *Lew Manovich: «Tekhnologii u nas novye, sodержanie 200–300-letney davnosti»* (Lew Manovich: «Our technologies are new, but the contents is 200–300 years old»). Available at: <http://www.interviewrussia.ru/life/lev-manovich-tehnologii-u-nas-novye-soderzhanie-200-300-letney-davnosti?page=2> (accessed 31 August 2016).

Please cite this article in press as:

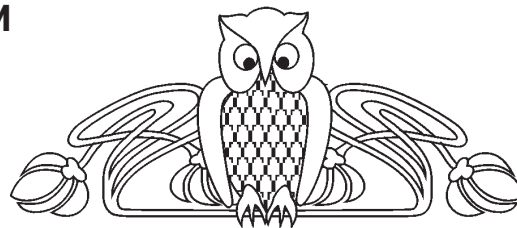
Shapinskaya E. N. Cultural heritage in (post)modern Cityscape: Transformation or Destruction? *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 423–430. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-423-430.

УДК 101.1:316

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВИЗУАЛЬНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

Губанова Анна Станиславовна – аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: gubanovanna@gmail.com

Целью статьи является социально-философский анализ визуальности как социального конструкта, который оказывает огромное влияние на формирование ценностей современного человека. В условиях смены аксиологических парадигм наше общество находится на стадии разрушения традиционных ценностей и формирования новых, что неизбежно ставит индивида в ситуацию риска. Актуальность выбранной проблематики объясняется тем, что сегодня визуальность является основополагающим средством коммуникации, оказывающей большое влияние на ценностные ориентиры общества и индивида. Она играет ключевую роль в изменении социальной действительности и создании новой медиареальности, в которой нарушаются ключевые для человека процессы социализации, репрезентации, самоидентификации. Господствующая идеология в целях стандартизации массового потребителя использует действенные механизмы визуальности для манипуляции сознанием, мифологизации социальной реальности и насаждения псевдоценностей. Эти механизмы находят реализацию в средствах массовой информации, к которым относятся помимо традиционных современные – Интернет и социальные сети, реклама, искусство. Среди негативных аксиологических аспектов выделены избыточный консюмеризм, эстетизация террора, гедонизм, установка на развлечения.

Ключевые слова: визуальность, идентификация, консюмеризм, визуальная коммуникация, медиа, миф, общество риска, псевдоценность, репрезентация.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-431-434

Направление духовного развития индивида напрямую зависит от выбора им социальных ценностей, которые находятся в непрерывном развитии и изменении. Это – поступательный процесс, в котором тем не менее имеют место кризисные периоды, когда смена ценностных парадигм происходит быстро и резко. К такому периоду относится и наше время постоянно меняющихся направлений развития, взглядов, норм, ценностей, способов коммуникации. Общество, подверженное кризису и переменам, является обществом риска, а ситуация открытого выбора, нестабильности будущего предстает как ситуация риска для индивида.

Залогом полноценного функционирования общества является плодотворная, успешная коммуникация. Сегодня этот процесс становится все менее диалогичным и чаще представляет собой расшифровку информации, в том числе визуальной, получаемой человеком извне: из

Интернета, с витрин магазинов и полок супермаркетов, с экранов телевизора. Значимость взаимопонимания нивелируется, возник риск достижения понимания как такового; на смену приходит ценность интерпретации и единоличного усвоения информации. Эти процессы характерны для общества риска, в котором происходит трансформация норм и аксиологических ориентиров, встают проблемы идентификации и репрезентации индивида.

Современное общество во многих сферах своей деятельности опирается на инструменты визуальности но вследствие непостоянства и недолговечности визуального образа оно нестабильно и подвержено изменениям. Если когда-то фотография была бесспорным и наиболее правдивым доказательством факта, то сегодня она чаще служит искажению действительности и является инструментом для формирования требуемой реальности со своей «истиной». Тем самым эксплуатируется изначально присущее фотографии свойство объективности, впоследствии утраченное при изобретении программ с функцией редактирования изображений, и теперь целая индустрия используется в процессе массового производства мифов: «магические» способы видеомонтажа и фоторедактирования совершенствуют объективную реальность настолько, что она становится крайне субъективной. «Понятие “воображаемого” потеряло свой сартровский и башляровский смысл и приобрело новый, лакановский, соотношенный с инстанцией языка (“символического”); само же понятие “образ” едва ли не заняло место прежнего мира – через зрительный образ в наше сознание проникает “докса”» [1, с. 51]. На механизме искажения реальности основывается машина создания политических мифов, визуализируемых и распространяемых в СМИ, а также вся сфера массмедиа, рождающая новую псевдоценность консюмеризма. «Его (капитализма. – А. Г.) главной целью является создание у нас все новых потребностей, а вовсе не их удовлетворение, потому что только так возможно постоянное и расширяющееся воспроизводство капитала» [2, с. 178].

Медиасреда, основанная на аудиовизуальных средствах коммуникации, поддерживает и популяризирует искусственно «выращенную» ценность потребления и капиталистическую этику в целом. Помимо этого она стимулирует формирование мифологического сознания общества, активно продуцирует социальные, культурные, политико-экономические, религиозные, исторические мифы и способствует их тотальному усвоению индивидом. Один из самых действенных механизмов усвоения мифа индивидом – это приобретение товаров (реальных и виртуальных). Консюмеризм подавляет общечеловеческие значимые ценности, разрушая традиционные аксиологические ориентиры, и ставя человека в ситуацию риска и неопределенности. В масштабах государства традиционные ценности остаются *внешне* относительно незыблемы (во многом благодаря эффективной работе мифа): главы государств пропагандируют демократические свободы, провозглашают борьбу с терроризмом и сохранение мира, призывают к заботе о личности, к воспитанию экологического сознания. Но в обыденной жизни за штампами, изображающими ценности семейной жизни, счастливого брака и материнства, успешной самореализации, социализации и многих других стоит ценность потребления, которая превращается в неотъемлемую часть существования человека и становится его *психологической* потребностью.

В визуальном пространстве социальной реальности актуализируются проблемы эпохи и аккумулируются современные ей ценности. Живопись наряду с литературой всегда выражала моральный дух времени, демонстрировала научные и культурные достижения его гениев, уровень интеллектуального развития, установки и нормы. Визуальность сегодня – это не только и не столько живопись, сколько необъятная область медиа с функцией формирования особого типа мышления и внедрения в сознание зависимости от потребления товаров. Один рекламный образ – это целая выдуманная история жизни – социальный миф о счастье, за которым скрывается бездна реальности, с ее нищетой, одиночеством, болезнями. Реклама призвана не только продать товар и нарастить капитал, но также стандартизировать сознание индивидов и сформировать массового потребителя, скрыть от него объективный мир за экраном компьютера, телевизора, телефона. Это ведет к упадку традиционных норм, ценностей и морали и, в итоге, к увяданию цивилизации. Ж. Лакан писал: «то, что видимо, не обнаруживает, но скрывает» [3,

с. 99], наделяя визуальное пространство свойствами социального мифа и придавая ему явный политический оттенок. По Лакану, экран – это метафора реальности человека, скрывающая изъяны реального и преображающая истину, это дистанцирование, отчуждение человека от окружающего мира. То, что мы видим на экране, отличается от того, что находится «за» ним, т. е. от явного смысла сообщения; таким образом, экран выступает посредником между зрителем и объектом, преградой, за которой прячется истина [4].

Миф обладает важной социализирующей функцией: помогает человеку усвоить достижения науки («умные» технологии в бытовой технике, гаджетах), понять смысл произведения искусства (копии известных полотен и цитаты известных людей в социальных сетях, условное творчество в Instagram и видеоблогах), постичь суть политической доктрины или социально-философской концепции (через популярные ток-шоу «о политике»). Как в Средние века сцены из Священного Писания изображали на стенах храмов, чтобы неграмотные могли приобщиться к Богу, так и сегодня миф делает знание легкодоступным, доставляет его в упрощенной (а порой и в искаженной) форме индивиду. «Значит, мифом может быть все? Да, я считаю так, ибо наш мир бесконечно суггестивен. Любой предмет мира может из замкнуто-немого существования перейти в речевое состояние, открыться для усвоения обществом» [5, с. 265]. В то время как миф социализирует знания, реклама социализирует, т. е. делает покупаемыми, такие простые человеческие ценности, как семья, здоровье, добро, часто не доступные человеку вследствие его агрессивной индивидуализации, отчужденности от другого и от окружающего мира, заикленности на самом себе и своем эго. «Индивидуальность, лишенная возможности проявлять себя в действительно важных, значимых не только для нее одной, а и для другого (для других, для всех) действия, поскольку формы таких действий заранее заданы ей, ритуализированы и охраняются всей мощью социальных механизмов, поневоле начинает искать выхода для себя в пустяках, в ничего не значащих (для другого, для всех) причудах, в странностях» [6, с. 20].

Процесс такой социализации амбивалентен: с одной стороны, он выполняет положительную функцию усвоения культурных ценностей современной эпохи в упрощенном и доступном виде, но, с другой стороны, информация, которую усваивает человек, проходит предварительную идеологическую обработку и попадает к нему

в «отредактированном виде», часто далеко от первоначального значения. Согласно концепции В. Беньямина, искусство крайне социализировано и имеет большой политический подтекст: в частности, оно использовалось в фашистской идеологии с целью эстетизации войны [4]. Тот же процесс эстетизации террора мы можем наблюдать и сегодня (войны в арабских странах, волнения в Восточной Европе, мощные террористические движения, создание Исламского государства) в нашей повседневности. Война и смерть прочно вошли в нашу жизнь: убийства стали центральными элементами кинематографа, ни один выпуск новостей не обходится без сцен насилия и упоминания о деятельности террористических группировок, сетевой контент наполнен символами жестокости, в СМИ широко распространены видеообращения террористов (например, представителей Исламского государства, запрещенного в России). Учитывая тот факт, что обращения ИГ и видеоряд федеральных телеканалов показывают визуально очень схожее изображение, в сознании зрителя они воспринимаются как единый канал коммуникации. Так происходит визуализация террора. Образ войны прочно укоренился в сознании зрителя и ассоциируется им с нормальным положением дел в обществе и в связи с активной милитаризацией государств и мирового сообщества в целом. Насилие интериоризируется в нашу действительность, и эстетика террора становится неотъемлемой чертой современного общества, в котором сильны страх, отчуждение, ненависть.

Отчуждение становится обратной стороной ценности потребления, раскрывая свое деструктивное влияние на сознание и объективность человека; оно нарушает его диалог с Другим, процесс усвоения знаний путем рефлексии, анализа и критики. Человек перестает получать удовлетворение от осязаемого результата своего труда: он не работает на земле, не берет в руки инструменты для обустройства быта. Однако он повсюду ищет удовольствия: легкодоступного и не требующего больших усилий. Еще одна ценностная установка, повсеместно внедряемая в сознание индивида с помощью медиасредств: человек *должен* получать удовольствие. Однако «публика требует образа страстей, а не самих страстей» [5, с. 77]. Гедонизм вкупе с идеологией консюмеризма лишен заложенной в нем полноты, это такая же псевдоценность: наслаждение, которое получает человек, лишь симуляция, так как он не может отдаться ему полностью из-за недостаточности объекта, дающего удовольствие. «Обезкофеиненное наслаждение, которое

мы, таким образом, получаем, есть видимость наслаждения, а не его Реальное <...> Образцом такого дискурса могут служить многочисленные публикации в популярных журналах, которые доказывают пользу секса для здоровья: сексуальный акт подобен утренней пробежке, он укрепляет сердце, снимает напряжение, даже поцелуи благотворно влияют на здоровье» [2, с. 100–101].

Визуальность сегодня все меньше связывается с живописью и давно вышла за рамки музеев: она на стенах зданий, в рекламных буклетах, на витринах и полках магазинов, и, конечно, в Сети. Визуальные искусства трансформируются, сливаются с повседневными практиками человека, с техническими средствами, становятся ближе и доступнее (видеоарт, граффити, цифровая живопись и скульптура, саунд-арт, акционизм, сетевое искусство, фото- и видеоблоггинг). По Лакану, слово дано нам не для понимания, а для представления: акт коммуникации считается свершившимся, если мы можем преобразовать слово в образ в нашем воображении. «В (психоаналитическом дискурсе. – А.Г.) слово не предстает единицей информации, и задачей языка, во фрейд-лакановском смысле, является отнюдь не информировать, а вызывать представления, то есть рождать некий отклик на высказывание...» [7, с. 102]. Реклама делает это за нас: она иллюстрирует ценности любви, добра, заботы, эксплуатируя их изначальные смыслы с целью не просто заставить потребителя приобрести товар, но почувствовать зависимость от приобретения и необходимость приобретать вновь и вновь.

Неразрывная связь понятий ценности, массового сознания, потребления, объединенных в категории визуальности, очевидна. Она берет начало из зримого восприятия человеком окружающего мира и вырастает в квинтэссенцию социальных процессов разного порядка, формируя особую сферу, сочетающую в себе личностное и общественное. Визуальность существует в синтезе с социальными, культурными, экономико-политическими механизмами и объединяет их на ином уровне. Социально-философский анализ визуального пространства в аксиологическом аспекте позволяет рассмотреть визуальность как социальный конструкт взаимодействия индивида и ценностей в медиасреде, а также выявить связанные с этим проблемы человека и социума.

Список литературы

1. *Зенкин С.* Ролан Барт – теоретик и практик мифологии // Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. 3-е изд. М., 2014. 351 с.

2. Жижек С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно. М., 2012. 272 с.
3. Лакан Ж. Семинары. Кн. 17. Изнанка психоанализа (1969–1970) / пер. с фр. А. Черноглазова. М., 2008. 351 с.
4. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избр. эссе. М., 1996. 240 с.
5. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. 3-е изд. М., 2014. 351 с.
6. Ильенков Э.В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. М., 1979. С. 183–237.
7. Юран А. «Ожог смыслом», или Касание мыслью сексуального // Нанси Ж.-Л. Сексуальные отношения? / пер. с фр. А. Черноглазова; под ред. В. Мазина, А. Юран. СПб., 2013. 156 с.

Образец для цитирования:

Губанова А. С. Ценностные основания визуальности в обществе риска // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 431–434. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-431-434.

The Value Grounds of Visuality in the Risk Society

A. S. Gubanova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: gubanovanna@gmail.com

The purpose of the paper is to consider Visuality as an important social phenomenon which influences the way contemporary values develop. Our society experiences the transformation of traditional values and shaping of the new axiological points, what puts an individual within the risk situation. The chosen issue seems to be extremely relevant because Visuality becomes the chief means of communication and the way of values development today. It plays a substantial role in current social reality modification and creates a new media reality in which such processes as social adjustment, representation and self-identification are being disturbed. The leading ideology uses visual means of influence to standardize a mass consumer, manipulate public consciousness, mythologize social actualness. This technique is implemented via mass media (not only television, periodicals and radio but social network, internet and advertisement). The author includes excessive consumerism, terror aestheticization, pleasurism with negative values.

Key words: visuality, identification, consumerism, visual communication, media, myth, risk society, pseudo-value, representation.

Please cite this article in press as:

Gubanova A. S. The Value Grounds of Visuality in the Risk Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 431–434. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-431-434.

References

1. Zenkin S. Rolan Bart – teorik i praktik mifologii (Rolan Bart – mythology theorist and practic). Bart R. *Mifologii* (Mythologies). Moscow, 2014. 351 p.
2. Zizek S. *The year of dreaming dangerously*. London, 2012. 142 p. (Russ. ed.: Zhizhek S. *God nevozmozhnogo: iskusstvo mechtat opasno*. Moscow, 2012. 142 p.).
3. Lacan J. *Le seminaire. L'envers de la psychanalyse. Livre 17* (1969–1970). Paris, 1990. 245 p. (Russ. ed.: Lakan Zh. *Seminary*. Kn. 17. *Iznanka psikhoanaliza* (1969–1970). Moscow, 2008. 272 p.).
4. Benjamin B. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. *Illuminationen. Ausgewählte Schriften I*. Frankfurt/Main, 1977. S.136–169. (Russ. ed.: Benyamin V. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. Izbrannie esse*. Moscow, 1996. 240 p.).
5. Barthes R. *Mythologies*. Paris, 1957. 239 p. (Russ. ed.: Bart R. *Mifologii*. Moscow, 2014. 351 p.).
6. Ilienkov E.V. Chto je takoye lichnost? (What is a personality?). Moscow, 1979. Pp. 183-237.
7. Uran A. «Ozhog smyslom», ili kasanie mislyu seksualnogo (A burn by sense, or a touch by sexual thought). Nancy Zh. L. *Seksualnye otnosheniya?* (Sexual relations?). St.-Petersburg, 2013. 156 p.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.5

СОДЕРЖАТЕЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ О ПРЕСТИЖЕ ПРОФЕССИИ

Бочарова Елена Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: bocharova-e@mail.ru

Изложены результаты теоретического и эмпирического исследования представлений о престиже профессии у выпускников общеобразовательных школ. Эмпирическое исследование выполнено на выборке старшеклассников (учащиеся 11-х классов общеобразовательных школ Саратова, $N = 105$, мужского (43%) и женского пола; 16,5 лет, $SD = 0,69$) с применением метода свободных ассоциаций К. Г. Юнга, М. Вертгеймера, Д. Кляйна (испытуемым предлагалось написать первые «пришедшие на ум» десять слов, ассоциируемых со словом-стимулом «престиж профессии») с последующим применением контент-анализа. Выявлена материально-прагматическая направленность старшеклассников в оценке престижа профессии. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в разработке образовательных программ, а также программ психолого-педагогического содействия профессиональному самоопределению выпускников общеобразовательных школ.

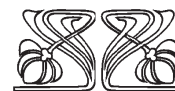
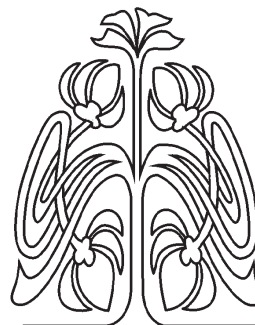
Ключевые слова: престиж, профессия, профессиональное самоопределение, представления.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-435-439

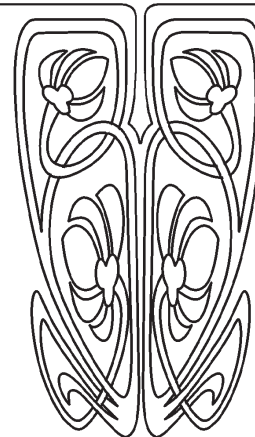
К постановке проблемы

Социально-экономические преобразования общества, характеризующиеся разной степенью интенсивности в различных областях общественной практики, приводят к изменению содержания реестра социальной значимости профессии. Этому способствуют и изменение критериев (социально-статусных, нравственных, экономических и др.) жизнедеятельности человека, и появление новых профессий на фоне существенного изменения содержания старых, и создание рынка труда, в условиях которого происходит трансформация статуса престижности профессии [1–3].

В исследованиях М. Г. Руднева [4], В. А. Цвык [5] обоснована необходимость обращения к рассмотрению феномена престижа профессии как одного из факторов профессионального самоопределения. Согласно данным исследователей, «понятие престижа синтезирует в себе оценку значимых факторов, которые характеризуют позицию данной профессиональной категории в обществе: экономическое положение, образование и квалификация, степень участия в управлении, особенности стиля жизни и т.д.» [4, с. 219]. При этом отмечается, что «престиж профессии определяется на основании сложившейся системы ценностей и является феноменом общественного сознания, в котором отражается существующая в обществе иерархия профессий» [5, с. 49]. В контексте сказанного важно

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

отметить, что молодежь, не имея собственной практики в избираемой сфере труда, зачастую заимствует шкалу престижа профессий, транслируемую социальными институтами (семьей, образовательными учреждениями, средствами массовой информации, референтной группой и т.д.). В этом случае не исключено, что личностная оценка престижа профессии основывается на общественно сформированном стереотипе отношения к профессии.

Важно отметить, что, согласно сложившимся канонам, профессиональное самоопределение личности, с одной стороны, выступает как самодетерминация, связанная с осознанным стремлением субъекта занять определенную позицию в системе социальных отношений, основанием которого выступают субъективные устремления и предпочтения, смыслы, ценности и т.д., характеризующие содержательную избирательность субъекта к миру профессий и к себе в нем. С другой стороны, общепризнанным является и факт социальной обусловленности профессионального самоопределения имеющимися требованиями и социальными установками общества. Подтверждением тому являются результаты многочисленных исследований, предпринятых в этом направлении И. В. Арндачук [6], А. Р. Вагаповой [7], М. Р. Гинзбургом [8], А. Л. Журавлевым, А. Б. Купрейченко [9], Ю. П. Поваренковым [1], В. А. Толочком [2, 10], Р. М. Шамионовым, А. Е. Сотниковым [11] и др. В этом случае вполне правомерно полагать, что иерархия престижа профессии в общественном и индивидуальном сознании задает определенный вектор социально-профессиональных ориентаций в различных областях труда субъекта профессионального самоопределения. В целом выражая общественный вес и привлекательность профессии, престиж профессии является одним из механизмов детерминации процесса выбора профессии.

В этой связи особый интерес представляет изучение содержательно-смысловых характеристик представлений школьников о престиже профессии, в которых актуализируются и субъективно желаемое, и социально «заданное». Целью эмпирического исследования являлось выявление содержательно-смысловых характеристик представлений старшеклассников о престиже профессии.

Выборка, методики и методы исследования

Эмпирическое исследование выполнено на выборке старшеклассников (учащиеся 11-х классов общеобразовательных школ Саратова, $N = 105$, мужского (43%) и женского пола; 16,5 лет, $SD = 0,69$) с применением метода сво-

бодных ассоциаций (К. Г. Юнга, М. Вертгеймера, Д. Кляйна). Испытуемым предлагалось написать первые «пришедшие на ум» десять слов, ассоциируемых со словом-стимулом «престиж профессии» с последующим применением контент-анализа, сравнительного (χ^2 -критерия Фишера) и корреляционного анализа (по Пирсону). Статистическая обработка данных выполнена с помощью приложения Microsoft Excel for Microsoft Office XP, с применением статистического пакета SPSS 13.0.

Результаты исследования, их обсуждение

Обратимся к изложению эмпирических фактов. На стимульное слово «престиж профессии» было получено более 1028 ассоциаций, анализ которых позволил выделить следующие смысловые группы: «материальное благополучие» (98%), «условия труда» (82%), «карьерный рост» (72,4%), «стабильность» (70%), «отношение окружающих» (52%), «атрибутивные признаки» (13%), «перспективы саморазвития» (3%). Сравнительный анализ выраженности смысловых групп свидетельствует о приоритетной представленности таких групп, как «материальное благополучие», «условия труда», «карьерный рост», «стабильность», по сравнению с «отношением окружающих», «атрибутивными признаками», «перспективами саморазвития» на достоверно значимом уровне ($\chi^2_{cp} = 2,88; p < 0,01$). Каждая из смысловых групп представлена рядом характеристик, раскрывающих их содержание.

В иерархии выраженности смысловых групп в представлениях о престиже профессии доминирующая позиция отведена смысловой группе «материальное благополучие» (98%), содержание которой раскрывается дескрипторами «деньги» (0,616), «обеспеченность» (0,440), «достойная жизнь» (0,316), «возможность содержать семью» (0,238), «машина» (0,233) и т.д.

Следующая смысловая группа по степени выраженности – «условия труда» (82%), включающая характеристики: «интересные коллеги» (0,411), «удобный график работы» (0,256), «официальное оформление трудоустройства» (0,208) и т.д. Содержание смысловой группы «карьерный рост» (72,4%) представлено дескрипторами: «возможность работы за границей» (0,459), «возможность продвижения по службе» (0,453), «авторитет» (0,376) и т.д. Не менее существенно представлена и смысловая группа «стабильность» (70%), формируемая признаками «без работы не останешься» (0,559), «гарантия занятости» (0,550), «отсрочка от армии» (0,305), «материальная стабильность» (0,254), «всегда востребован» (0,194) и т.д.

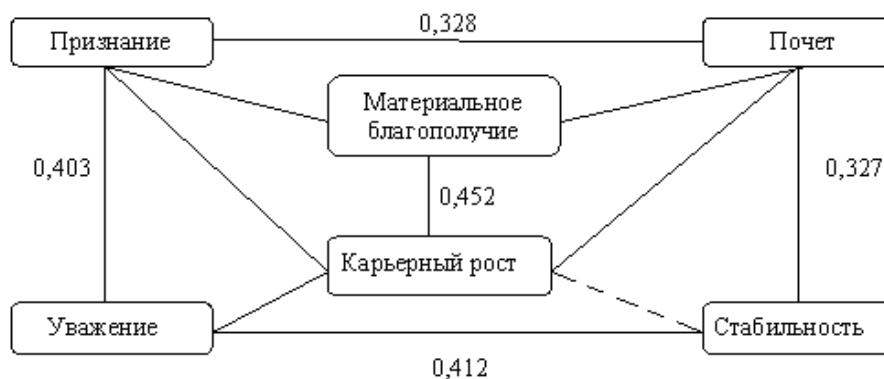

Дескрипторы «уважение» (0,376), «почет» (0,306), «власть» (0,266), «не зависишь от других» (0,166), «признание» (0,106) и т.д. раскрывают содержание смысловой группы «отношение окружающих» (52%).

В наименьшей степени в иерархии выраженности смысловых групп представлена группа «атрибутивные признаки» (13%), содержательная наполненность которой связана с характеристиками «машина от организации» (0,227), «комфортный офис» (0,318), «высшее общество» (0,125), «узнаваемый человек» (0,045) и т.д. Совсем незначительное количество респондентов упомянули о «перспективах саморазвития» (3%) как о существенной характеристике престижа профессии, сюда входят: «интересная работа» (0,029), «творчество» (0,009), «возможность самовыражения» (0,0007) и т.д.

Таким образом, можно заключить, что в представлениях старшеклассников престиж профессии преимущественно определяется стабильно высоким уровнем материального благополучия как в настоящем, так и в будущем, возможностью профессионального роста и перспектив, а также особым социально одобряемым статусом. Отметим, что «социальная полезность профессии», к сожалению, не является существенным параметром престижа профессии в представлениях выпускников общеобразовательных школ.

Анализ структуры корреляционных взаимосвязей между характеристиками представлений о престиже профессии, выполненный на основе принципа выделения «ведущих связей», и коррелят первого порядка ($r \geq 0,324$; $p = 0,001$), позволил выявить ядро представлений о престиже профессии (рисунок).

Структурограмма ядра представлений старшеклассников о престиже профессии ($r \geq 0,324$; $p = 0,001$)

Структурограмма ядра представлений (см. рисунок) отражает, прежде всего, материально-прагматическую направленность старшеклассников в оценке престижа профессии: высокий уровень материальной обеспеченности, возможность профессионального продвижения, высокий уровень социальной репутации, социально одобряемый статус, не исключается при этом фактор возможной нестабильности. Подтверждением тому являются выявленная констелляция взаимосвязей между материальным благополучием, карьерным ростом ($r = 0,452$ при $p < 0,001$) и уважением ($r = 0,367$ при $p < 0,001$), признанием ($r = 0,367$ при $p < 0,001$), почетом ($r = 0,326$ при $p < 0,001$) и стабильностью ($r = -0,408$ при $p < 0,001$). Отметим, уважение, почет и признание вне каких-либо сомнений, по мнению респондентов, остаются неизменными характеристиками престижа профессии (все связи положительные).

Заключение

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что смысловые доминанты представлений о престиже профессии у выпускников общеобразовательных школ связаны с возможностью стабильного достижения материального благополучия, карьерного роста, социального признания. Социальная полезность профессии не определена в качестве критерия ее престижа в представлениях старшеклассников. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в разработке образовательных программ, а также программ психолого-педагогического содействия профессионального самоопределения выпускников общеобразовательных школ.

Список литературы

1. Поваренков Ю. П. Психологическое содержание профессионального становления человека. М., 2002. 160 с.

2. Толочек В. А. Психология труда. СПб., 2016. 480 с.
3. Куприянчук Е. В. Особенности взаимосвязи социальных представлений о профессии с самоактуализацией личности студентов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 2. С. 156–160.
4. Руднев М. Г. Методология и основные результаты исследований престижа профессий в зарубежной социологии // Вопросы образования. 2008. № 2. С. 217–239.
5. Цвык В. А. Социально-профессиональный статус личности и престиж профессии // Вестник ТюмГУ. Сер. Социология. 2009. № 4. С. 44–52.
6. Арндачук И. В. Риски профессионального самоопределения старшеклассников : психолого-педагогический аспект // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5, вып. 1. С. 70–76.
7. Ваганова А. Р. Представления о профессиональном будущем как фактор адаптационной готовности к профессиональной деятельности студентов-психологов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2012. Т. 1, вып. 4. С. 38–42.
8. Гинзбург М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопр. психологии. 1994. № 3. С. 43–52.
9. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение молодежи : структура и детерминация // Вестн. практ. психологии образования. 2007. № 1. С. 51.
10. Толочек В. А., Журавлева Н. И., Шнитонков С. В. Факторы актуализации ресурсов субъекта в продолжение профессиональной карьеры // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 4. С. 297–301.
11. Шамионов Р. М., Сотников А. Е. Жизненные ценности и социально-психологические установки на различных этапах профессиональной социализации юристов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2013. Т. 2, вып. 4. С. 353–358.

Образец для цитирования:

Бочарова Е. Е. Содержательно-смысловые характеристики представлений старшеклассников о престиже профессии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 435–439. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-435-439.

Substantial-Meaning Characteristics Secondary-School Graduates' Representation to the Prestige of a Profession

E. E. Bocharova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: bocharova-e@mail.ru

The paper presents the results of a theoretical and empirical study of how secondary-school graduates' representation to the prestige of a profession. The study included samples people (eleven-graders of secondary schools of Saratov, $N = 105$, male (43%) and female, 16–17 years old; $SD = 0,69$). Applying the method of free association (C. G. Jung, M. Wertheimer, D. Klein) (subjects were asked to write the first «come to mind», ten words associated with the word-stimulus «prestige of the profession»), followed by the use of content analysis. The study established that material and pragmatic orientation of senior pupils in the evaluation of the prestige of the profession. One applied aspect of this study is that its results can be used to develop educational programs, as well as pedagogic-psychological programs aimed at promoting professional self-determination of secondary-school graduates.
Key words: prestige, profession, professional self-determination, representation.

References

1. Povarenkov Yu. P. *Psikhologicheskoe sodержanie professional'nogo stanovleniya cheloveka* (Psychological content of professional formation of the person). Moscow, 2002. 160 p.
2. Tolochek V. A. *Psikhologiya truda* (Psychology of work). St.-Petersburg, 2016. 480 p.
3. Kupriyanchuk E. V. Osobennosti vzaimosvyazi sotsial'nykh predstavleniy o professii s samoaktualizatsiey lichnosti studentov (Peculiarities of interrelation between social views on profession and self-actualization of students' personality). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2014, vol. 3, iss. 2, pp. 156–160.
4. Rudnev M. G. Metodologiya i osnovnye rezultaty issledovaniy prestizha professiy v zarubezhnoy sotsiologii (The methodology and the main results of research professions prestige in foreign sociology). *Voprosy obrazovaniya* (Educational Studies), 2008, no. 2, pp. 217–239.
5. Tsvyk V. A. *Sotsial'no-professional'nyy status lichnosti i prestizh professii* (Social and professional status of personality and occupational prestige). *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsiologiya* (UT Research Journal. Ser. Sociology), 2009, no. 4, pp. 44–52.
6. Arendachuk I. V. Riski professional'nogo samoopredeleniya starsheklassnikov: psikhologo-pedagogicheskiy aspekt (Risks of professional self-determination of senior pupils: psychological and pedagogical aspects). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2016, vol. 5, iss. 1, pp. 70–76.
7. Vaganova A. R. Predstavleniya o professional'nom budushchem kak faktor adaptatsionnoy gotovnosti k professional'noy deyatel'nosti studentov-psikhologov (Representations of the a professional future as a factor in adaptation readiness for professional activity of students-psychologists). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2012, vol. 1, iss. 4, pp. 32–42.

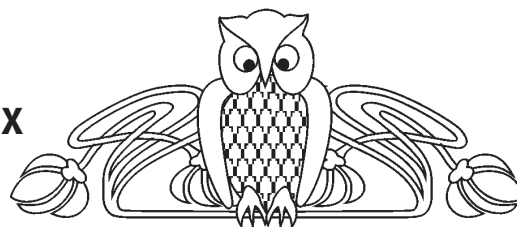
8. Ginzburg M. R. Psikhologicheskoe sodержanie lichnostnogo samoopredeleniya (Psychological content of personal self-determination). *Voprosy Psichologii (Voprosy Psichologii)*, 1994, no. 3, pp. 43–52.
9. Zhuravlev A. L., Kupreychenko A. B. Ekonomicheskoe samoopredelenie molodezhi: struktura i determinatsiya (Economic self-determination of youth: structure and determination). *Vestnik prakticheskoy psichologii obrazovaniya (Bulletin of Practical Educational Psychology)*, 2007, no. 1, pp. 51–62.
10. Tolochek V. A., Zhuravleva N. I., Shpitionkov S. V. Faktory aktualizatsii resursov sub"ekta v prodolzhenie professional'noy kar'ery (Factors of actualization of the resources subject with reference to professional career). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2014, vol. 3, iss. 4, pp. 297–301.
11. Shamionov R. M., Sotnikov A. E. Zhiznennyye tsennosti i sotsial'no-psikhologicheskie ustanovki na razlichnykh etapakh professional'noy sotsializatsii yuristov (Life Values and Social-Psychological Orientations at Various Stages of Lawyers' Professional Socialization). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2013, vol. 2, iss. 4, pp. 353–358.

Please cite this article in press as:

Bocharova E. E. Substantial-Meaning Characteristics Secondary-School Graduates' Representation to the Prestige of a Profession. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 435–439. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-435-439.

УДК 316.6+159.9:61

СЕМЕЙНАЯ ПОДДЕРЖКА В КОНТЕКСТЕ ВНУТРЕННЕЙ КАРТИНЫ БОЛЕЗНИ БОЛЬНЫХ ОНКОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ РЕПРОДУКТИВНОЙ СИСТЕМЫ

Орлова Мария Михайловна – кандидат психологических наук, доцент кафедры консультативной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: orlova-maria2010@mail.ru

Болезнь как трудная жизненная ситуация в контексте жизненного пути личности предъявляет к ее внутренней целостности и активности повышенные требования. Происходящие трансформации социальных взаимодействий могут усугублять ограничения физических возможностей или стимулировать адаптационную активность. Семейные отношения можно рассматривать как возможный ресурс адаптации к ситуации тяжелых соматических заболеваний, к которым в том числе относятся онкологические заболевания репродуктивных органов. В статье исследуются благополучие семейных отношений больных женщин и их связь с адаптационными стратегиями личности. Делается вывод о проблемности этих отношений и снижении их значимости как ресурса.

Ключевые слова: ситуация болезни, идентичность, адаптация, семейные отношения.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-439-443

Семья как открытая самоорганизующаяся система в трудных жизненных ситуациях, связанных со здоровьем ее членов, может рассматриваться как предмет исследования медицинской психологии, на чем настаивает И. М. Никольская [1]. Актуальность этого направления обусловлена как теоретическими, так и практическими задачами. Т. Л. Крюкова относит семьи с боль-

ным тяжелым соматическим заболеванием к нуждающимся в психологической помощи [2]. Болезнь рассматривается как экстремальный семейный стресс, стратегии преодоления которого оказывают влияние как на личность больного, так и на личность членов его семьи. Однако адаптационные стратегии будут различны как в разных семьях, так и при разных заболеваниях с учетом их особенностей, витальной угрозы, социальной стигматизированности.

В ситуации болезни особенно востребованы психотерапевтическая, регулятивная функция семьи, связанная как с взаимоотношениями внутри нее, так и с другими людьми, обществом в целом, и фелицитологическая, а именно – создание счастья каждого члена семьи. В трудной жизненной ситуации, которой является болезнь, субъектность больного опосредована семейными отношениями как сферой ее реализации и в то же время ее ресурса, который заключается в принятии личности больного и непосредственных усилий, направленных членами семьи на преодоление болезни, а также финансовых и социальных ресурсов семьи. Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис [3] считают, что семья определяет реакцию индивида на трудную ситуацию за счет формирования представлений об этой ситуации. Болезнь воспринимается особенно трагично в связи с драматическим восприятием ее семьей,

а также использованием болезни как оправдания имеющихся семейных проблем, что может сказываться на хронизации болезни и, наконец, за счет определения способов преодоления ситуации.

Интерес к механизмам семейного преодоления трудных жизненных ситуаций, к сожалению, практически не распространяется на ситуацию хронического соматического заболевания взрослого члена семьи. Можно предположить, что трудности, возникающие в такой семье, это эмоциональные сложности, проблемы взаимодействия с социальным окружением, которые могут приводить к ролевым смещениям, социальной изоляции, как объективной, так и субъективной. Таким образом, семейная поддержка так же, как и семейная проблемность, является значимой частью адаптационного процесса в контексте взаимодействия человека с ситуациями болезни.

Исследования личностных проблем женщин, больных онкологическими заболеваниями малого таза, показывают, что травматичность этих заболеваний обусловлена страхом утраты женской роли и витальной угрозой [4]. Они имеют практическую значимость при решении вопросов психологического сопровождения больного и реабилитации [5].

А. Н. Алехин рассматривает изменения идентичности больного с точки зрения интериоризации дискурса со значимым Другим, в качестве которого в данном случае выступает семья, особенно в ситуациях трансформации поведенческих моделей [6]. При анализе полученных данных мы пришли к выводу, что для женщин, больных онкологическими заболеваниями репродуктивной системы, характерна склонность к негативным самоописаниям, что снижает сопротивление болезни. Одной из значимых опор в процессе адаптации к ситуации болезни является семья [7]. Анализ внутренней картины болезни в контексте субъектно-социального подхода, учитывающего идентичность больного, расширяет возможности анализа личности в ситуации болезни [8, 9].

Проблемы социальной идентичности непосредственно связаны с трансформацией ролей, которые характерны для женщин, больных онкологическими заболеваниями репродуктивных органов. Изменение положения в семье в связи с заболеванием должно существенно влиять на ее самоотношение. Болезнь может препятствовать восприятию женщины себя как супруги, так и матери, переводя ее на роль ребенка, требующего поддержки и опеки. Ситуация болезни предьявляет к субъектности личности повышенные требования, являясь критической ситуацией. Утрата социальных позиций больного в связи с тяжелым,

инвалидизирующим заболеванием, предполагающим витальную угрозу, утяжеляет жизненную ситуацию, что требует для ее преодоления опоры на ресурсы ближайшего социального окружения (семьи). Вместе с тем семейные отношения сами по себе трансформируются, делая необходимым выработку новых коммуникативных и ролевых стратегий, становясь основой для нового испытания адаптационных возможностей личности.

Появление в семье больного, как считает К. Теркельсон, имеет три уровня вовлечения родственников в семейную ситуацию болезни [10]. Это сам больной и член семьи, берущий на себя заботу, это также все остальные члены семьи и люди, окружающие семью. Таким образом, в семье больного тяжелым соматическим заболеванием все члены семьи включены в преодоление болезни, что образует ресурсы больного человека в совладании с болезнью.

Нами были исследованы женщины, больные онкологическими заболеваниями репродуктивных органов (28 человек). Контрольную группу составили 132 здоровые женщины сходного возраста.

Были проведены исследования по методикам «Шкала семейных отношений» С. Ю. Куприянова, «Незаконченные предложения» (авторская модификация), «Кто Я» М. Куна, Т. Макпартленда, МИС С. Р. Панталева, «Исследование копинг-стратегий» Р. Лазаруса, МЛЮ «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина, опроснику оценки психологических защит Келлермана–Плутчика–Конте, анкете «Представления о здоровом и больном человеке» и авторской методике ретроспективной оценки переживания здоровья и болезни.

Статистический анализ был представлен среднеарифметическими значениями, достоверностью различий между группами согласно *T*-критерию Стьюдента ($p < 0,05$) и методом корреляционного анализа Пирсона с применением компьютерной программы SPSS-19 ($p < 0,05$).

Мы предполагаем, что субъективным смыслом ситуации онкологического заболевания является формирование новых взаимоотношений с Другими в связи с телесным опытом страдания, неблагоприятным прогнозом и новым социальным статусом инвалида и больного заболеванием, предполагающим витальную угрозу. Объективная ситуация онкологических заболеваний репродуктивных органов связана с болевым синдромом, витальной угрозой, необходимостью оперативного вмешательства, химио- и лучевой терапии. Исследованная нами группа представлена женщинами, состоящими в браке (89%) и имеющими детей (93%), в возрасте от 30 до 64 лет,

со среднеспециальным (43%) и высшим образованием (57%), стажем болезни до двух лет.

Субъективная оценка ситуации подчеркивает ее неблагоприятность при субъективной ресурсности социальных факторов. Семейные отношения являются значимым, но ненадежным ресурсом, что проявляется в стремлении к выраженному контролю, утрате непосредственности в отношениях и чувстве изоляции.

Сравнительный анализ выраженности показателей шкалы семейного окружения выявил, что менее выражен показатель экспрессивности (6/7, 25; $T = 4,9$; $p < 0,01$), ориентации на активный отдых в семье (3,7/6,17; $T = 6$; $p < 0,01$), значимости морально-нравственных ориентаций в семье (5,6/6,5; $T = 2,7$; $p < 0,01$). Также отметим более высокие показатели по фактору организации (5,9/4,7; $T = 2,3$; $p < 0,05$) и контроля в семье (4,5/3,6; $T = 2,2$; $p < 0,05$).

Корреляционный анализ показал, что экспрессивность коррелирует с самообвинением (0,516; $p < 0,01$), внутренней неустойчивостью (0,437; $p < 0,01$), морально-нравственной адаптивностью (0,382; $p < 0,05$), шириной идентификаций (0,496; $p < 0,01$), снижением оценки качества жизни в физической сфере (-0,470; $p < 0,01$), уровнем независимости (-0,493; $p < 0,01$), значимостью идентификации себя с личными качествами (-0,466; $p < 0,01$), социально-психологическими ограничениями, характерными для больного человека (-0,475; $p < 0,01$). Снижение проявления чувств в семье защищает больную от роста негативного самоотношения за счет дистанцирования от близких отношений, что, в свою очередь, создает ощущение изоляции и снижения своей значимости в межличностных отношениях.

Ориентация на активный семейный отдых характерна для людей с высоким уровнем образования (0,502; $p < 0,01$), она сочетается с повышением поиска социальной поддержки (0,436; $p < 0,05$), принятием ответственности (0,578; $p < 0,01$), бегством-избеганием (0,436; $p < 0,05$), планированием решений (0,410; $p < 0,05$), регрессией (0,445; $p < 0,05$), компенсацией (0,623; $p < 0,01$), снижением качества жизни в физической (-0,390; $p < 0,05$) и психической (-0,530; $p < 0,01$) сферах, идентификацией себя с личностными качествами (0,481; $p < 0,01$), расширением круга идентификаций (0,436; $p < 0,05$). Снижение ориентации на семейный активный отдых снижает как осознанные, так и неосознанные стратегии преодоления, сужая круг идентификаций. По-видимому, это повышает апатичность больных.

Выраженность морально-нравственных ориентаций коррелирует с зеркальным Я (0,596; $p < 0,01$), самооценностью (0,449; $p < 0,05$), снижением

самопривязанности (-0,533; $p < 0,01$), повышением принятия ответственности (0,447; $p < 0,05$), позитивным переопределением (0,410; $p < 0,05$), регрессией (0,401; $p < 0,05$), отрицанием (0,411; $p < 0,05$), проекцией (0,415; $p < 0,05$), рационализацией (0,415; $p < 0,05$), негативным описанием личностных качеств (0,487; $p < 0,01$). Снижение значимости морально-нравственных ориентаций в семье уменьшает выраженность стратегий преодоления и самооценности. По-видимому, представление о семейной поддержке требует гарантий, которые дают нормы и правила в семье.

Организация в семье коррелирует с самоуверенностью (0,475; $p < 0,01$), зеркальным Я (0,617; $p < 0,01$), самооценностью (0,377; $p < 0,05$), самопринятием (0,487; $p < 0,01$), снижением самообвинения (-0,505; $p < 0,01$), внутренней неустойчивостью (-0,461; $p < 0,05$), субъективным неблагоприятием (-0,405; $p < 0,01$), регрессией (-0,416; $p < 0,05$), замещением (-0,657; $p < 0,01$), компенсацией (-0,439; $p < 0,05$), значимостью представлений о негативных перспективах (-0,448; $p < 0,05$), опорой на себя в вопросах сохранения здоровья (-0,479; $p < 0,01$) и повышением самоуважения (0,567; $p < 0,01$), аутоимпатией (0,563; $p < 0,01$), позитивным переопределением (0,491; $p < 0,01$), семейной сплоченностью (0,674; $p < 0,01$), конфликтностью (0,448; $p < 0,05$), ориентацией на достижение (0,475; $p < 0,01$), контролем (0,500; $p < 0,01$), нервно-психической устойчивостью (0,446; $p < 0,05$). Таким образом, наличие четких правил в семье дает возможность получить необходимую опору на семейную поддержку и сохранение позитивного самоотношения.

Контроль в семейных отношениях коррелирует со снижением открытости (-0,478; $p < 0,01$), принятием ответственности (-0,435; $p < 0,05$), регрессией (-0,587; $p < 0,01$), замещением (-0,445; $p < 0,05$), компенсацией (-0,395; $p < 0,05$), семейной сплоченностью (0,594; $p < 0,01$), ориентацией семьи на достижение (0,551; $p < 0,01$), организацией в семье (0,500; $p < 0,01$), повышением самопринятия (0,460; $p < 0,05$), аутоимпатией (0,613; $p < 0,01$), значимостью здоровья как активности и социальной востребованности (0,386; $p < 0,01$). Повышение контроля в семье усиливает аутоимпатию и снижает стратегии преодоления на фоне ценности здоровья как активности. Видимо, контроль в семейных отношениях повышает их субъективную гарантированность и позволяет решать проблемы эмоционального принятия себя.

Можно сделать вывод, что у женщин, больных онкологическими заболеваниями репродуктивной системы, семейные отношения теряют свою непосредственность, что повышает чувство

изоляции, при этом невозможность активного взаимодействия снижает значимость семейных ролей, правила в семье становятся более неопределенными, возникает необходимость в большей их четкости и ясности, что предполагает жесткую семейную структуру. Это позволит опереться на семейные отношения в защите позитивного самоотношения в ситуации болезни.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что семейная поддержка в ситуации онкологического заболевания становится значимым ресурсом при попытке сохранить целостность своей личности, вместе с тем надежность семейных связей сама по себе ставится под сомнение. Женщины, больные онкологическими заболеваниями репродуктивной системы, теряют опору, заключающуюся в принятии себя в семейных отношениях, что сказывается на возможности непосредственно выражать свои чувства, в том числе связанные с ситуацией болезни. Ощущение своей изоляции среди близких людей вызывает необходимость контроля и опоры на правила семьи, что ведет к опосредованности отношений. Родственники больной также могут испытывать трудности, связанные с изменением ролей в семье, что приводит к неготовности оказывать ей поддержку. Это подчеркивает необходимость обеспечения психологического сопровождения как больной, так и членов ее семьи. К задачам психологической помощи при данном заболевании относится формирование новых правил семьи, новых ролевых позиций, в которых больная женщина могла бы получать поддержку, не утрачивая при этом позитивного самоотношения.

Список литературы

1. Никольская И. М. Клиническая психология семьи : основные положения // Медицинская психология в

Образец для цитирования:

Орлова М. М. Семейная поддержка в контексте внутренней картины болезни больных онкологическими заболеваниями репродуктивной системы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 439–443. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-439-443.

Family Support in the Context of the Subjective Illness Appearance in Patients with the Reproductive System Cancer

M. M. Orlova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., 410012, Saratov, Russia
E-mail: orlova-maria2010@mail.ru

Illness as a difficult life situation in the context of the way of life of the individual makes to its internal integrity and activity of the higher requirements. The ongoing transformation of social interactions can exacerbate disabilities or encourage adaptation activity. Family relation-

ships can be considered as a possible adaptation to the life situation of heavy, physical illness, which include cancer of the reproductive organs. The article investigates the welfare of the family relationship of female patients and their relation to adaptation strategies of the individual. The conclusion is that these relationships are problematical and their value as a resource is reduced.

2. Крюкова Т. Л., Сапоровская М. В., Куфтяк Е. В. Психология семьи : жизненные трудности и совладение с ними. СПб., 2005. 240 с.
3. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. Семья как фактор, определяющий реакцию индивида на психическую травму // Психология семьи и большой ребенок : учеб. пособие : хрестоматия. СПб., 2007. С. 37–40.
4. Кузнецова А. А. Эмоционально-аффективные расстройства в структуре внутренней картины болезни у женщин с онкологической патологией репродуктивных органов : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 25 с.
5. Зинченко Ю. П., Первичко Е. И., Тхостов А. Ш. Методологические основы и задачи психологической реабилитации онкологических больных // Вестн. восстановительной медицины. 2014. № 4. С. 31–42.
6. Алёхин А. Н., Литвиненко О. А. Психологические аспекты клинического патоморфоза психотических переживаний // Вестн. психотерапии. 2013. № 48 (53). С. 57–68.
7. Орлова М. М. Идентичность больного в контексте внутренней картины болезни больных онкологическими заболеваниями репродуктивной системы // Личность в меняющемся мире : здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 3. URL: http://humjournal.rzgm.ru/upload-files/03_Orlova_2014_03.pdf (дата обращения: 31.12.2015).
8. Орлова М. М. Социально-психологический контекст изучения соматического здоровья и болезни // Культурно-историческая психология. 2012. № 3. С. 12–18.
9. Орлова М. М. Понятие «Ситуация болезни» – объективные и субъективные составляющие // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 82–87.
10. Жедунова Л. Г., Посысов Н. Н. Семья с больным ребенком : содержание психологической помощи // Ярослав. пед. вестн. 2015. № 5. С. 184–188.

ships can be considered as a possible adaptation to the life situation of heavy, physical illness, which include cancer of the reproductive organs. The article investigates the welfare of the family relationship of female patients and their relation to adaptation strategies of the individual. The conclusion is that these relationships are problematical and their value as a resource is reduced.

Key words: disease situation, identity, adaptation, family relationships.

References

1. Nikolskaya I. M. Klinicheskaya psikhologiya semi: osnovnye polozheniya (Clinical family psychology

- basics). *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* (Medical psychology in Russia), 2010, no. 4. Available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2010_4_5/numer/numer13.php (accessed 12 March 2013).
2. Kryukova T. L., Saporovskaya M. V., Kuftyak E. V. *Psikhologiya semi: zhiznennye trudnosti i sovladenie s nimi* (Family life: life's difficulties and a condominium with them). St.-Petersburg, 2005. 240 p.
 3. Eydemiller E. G., Yustitskis V. Semya kak faktor, opredelyayushchiy reaktsiyu individa na psikhicheskuyu travmu (The family as a factor in determining an individual's response to trauma). *Psikhologiya semi i bolnoy rebenok: ucheb. posobie: khrestomatiya* (Family psychology and sick child. Tutorial: A Reader). St.-Petersburg, 2007, pp. 37–40.
 4. Kuznetsova A. A. *Emotsionalno-affektivnye rasstroystva v strukture vnutrenney kartiny bolezni u zhenshchin s onkologicheskoy patologiyey reproduktivnykh organov: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* (Emotional-affective disorder in the structure of the internal picture of the disease in women with cancer pathology of reproductive organs: synopsis of dissertation of the PhD of Psychology). St.-Petersburg, 2009. 25 p.
 5. Zinchenko Yu. P., Pervichko E. I., Tkhostov A. Sh. Metodologicheskie osnovy i zadachi psikhologicheskoy reabilitatsii onkologicheskikh bolnykh (Methodological bases and objectives of the psychological rehabilitation of oncology rehabilitation of cancer patients). *Vestn. vosstanovitel'noy meditsiny* (Herald of regenerative medicine), 2014, no. 4, pp. 31–42.
 6. Alekhin A.N., Litvinenko O. A. Psikhologicheskie aspekty klinicheskogo patomorfoza psikhoticheskikh perezhivaniy (Psychological aspects of clinical psychotic experiences pathomorphism). *Vestn. psikhoterapii* (Herald of psychotherapy), 2013, no. 48 (53), pp. 57–68.
 7. Orlova M. M. Identichnost bolnogo v kontekste vnutrenney kartiny bolezni bolnykh onkologicheskimi zabelevaniyami reproduktivnoy sistemy (The identity of the patient in the context of the subjective illness appearance with cancer of the reproductive system). *Lichnost v menyayushchemsya mire: zdorove, adaptatsiya, razvitie* (Personality in a changing world: health, adaptation, development), 2014, no 3. Available at: http://humjournal.rzgmu.ru/upload-files/03_Orlova_2014_03.pdf (accessed 31 December 2015).
 8. Orlova M. M. Socialno-psikhologicheskiy kontekst izucheniya somaticheskogo zdorovya i bolezni (Sociopsychological context of studying physical health and disease). *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya* (Cultural-historical psychology), 2012, no. 3, pp. 12–18.
 9. Orlova M. M. Ponyatie «situatsiya bolezni» – ob"ektivnye i subektivnye sostavlyayushchie (The concept of «Disease situation» – the objective and subjective components). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2009, vol. 9, iss. 1, pp. 82–87.
 10. Zhedunova L. G., Posysoev N. N. Semya s bolnym rebenkom: sodержanie psikhologicheskoy pomoshchi (Family with a sick child: the content of the psychological help). *Yaroslav. ped. vestn.* (Yaroslavl Pedagogical Bulletin), 2015, no. 5, pp. 184–188.

Please cite this article in press as:

Orlova M. M. Family Support in the Context of the Subjective Illness Appearance in Patients with the Reproductive System Cancer. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 439–443. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-439-443.

УДК 159.923:316.6

ГРУППОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ ПОДРОСТКОВ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Романова Наталья Михайловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Саратовский национальный исследовательский университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Romanovanm@info.sgu.ru

Статья посвящена анализу социально-психологических факторов, влияющих на формирование группового криминального поведения подростков по материалам современных зарубежных социально-психологических исследований; показана актуальность исследования проблемы; раскрыты причины вовлечения подростков в групповую преступность. Рассмотрены отличия групповых преступников от индивидуальных; проанализированы и описаны индивидуальные влияния среды на личность. Представлены результаты исследований зарубежными учеными особенностей социального

контроля, специфики психологических установок и представлений о себе членов асоциальных подростковых групп; раскрыт характер отношений с асоциальной группой ее членов. Изучено влияние макроуровневых факторов и описан вклад семейных, личностных и средовых детерминант в содержание феномена вовлечения подростков в групповую криминальную активность.

Ключевые слова: социально-психологические факторы криминального поведения подростков, вовлечение в групповую преступность, семейный фактор, особенности социального контроля, влияние сверстников, индивидуальные влияния среды на личность, социальная идентификация личности с асоциальной группой, психологические установки, представление о себе, влияние сверстников, влияние семьи.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-443-449

Актуальность исследования проблемы групповой преступности подростков в современных зарубежных социально-психологических исследованиях обусловлена необходимостью поиска детерминант криминального поведения несовершеннолетних в современном мире, поиском сходных и отличающихся характеристик групповой делинквентности в разных социокультурных условиях и системах. Важность исследования групповой преступности подростков обусловлена ростом, интенсивной динамикой, изменением структуры криминальной активности несовершеннолетних в современном обществе. Кроме того, делинквентное поведение в детском и подростковом возрасте является предиктором вовлечения личности в профессиональную преступность в будущем [1, 2].

Несмотря на то, что проблема исследования преступного поведения широко представлена в зарубежной психологии, отмечается недостаточная изученность психологии групповых преступлений. В частности, так считает Р. С. Дуупе [3], психология относительно мало продвинулась в изучении организованной и групповой преступности.

Исследования преступных групп в зарубежной науке ведутся по преимуществу в криминологическом либо социологическом аспектах [4], в связи с этим важно изучить результаты исследований ученых, представленных в современных зарубежных источниках.

Криминальные группы в разных странах отличаются наличием общих черт: так, выявлено значительное сходство социально-психологических и криминологических характеристик европейских и американских преступных сообществ [5]. Важным для исследования групповых преступлений является понимание сущности преступной группы [6]. Под преступной группой (бандой) европейские исследователи понимают любую устойчивую уличную молодежную группу, для членов которой участие в незаконной деятельности является частью их групповой идентичности [6, 7].

Для подростков наиболее значимыми факторами вовлечения в групповую преступность являются школа, семья и сверстники, благодаря их влиянию в детском или подростковом возрасте у личности могут сформироваться криминальные наклонности, но ни один фактор, взятый сам по себе, не может дать надежный прогноз вероятности вовлечения несовершеннолетнего в групповую преступность [8].

Возрастные характеристики несовершеннолетних – один из факторов, связанных с возможностью приобщиться к преступной активности.

По данным американских исследователей, наиболее подвержены риску вовлечения в преступление молодые люди мужского пола в возрасте 12–18 лет [9–11]. Чаще всего субъект вовлекается в компанию схожих по возрасту приятелей, хотя в группе могут быть и более молодые участники, при этом большая часть преступных групп организуется по региональному принципу [12].

По некоторым параметрам члены преступных групп демонстрируют отличия от индивидуальных преступников: участники преступных групп имеют более выраженные тенденции к обвинению в случившемся жертвы преступления, чем преступники-одиночки [4]; они в большей степени испытывают потребность в приобретении социального статуса, чем преступники-одиночки. Это объясняется тем, что социальные установки субъектов, вовлекаемых в группу, содержат мотив, связанный с желанием быть ее членом [13, 14].

Исследователи выделяют различные социально-психологические факторы, связанные с формированием криминального поведения подростков. Рассмотрим некоторые из них.

А. Психологические установки подростков и их представление о себе. Согласно W. Reckless, преступные группы несовершеннолетних состоят из подростков, сделавших свой выбор в пользу криминальной деятельности и имеющих склонность к ней [15]. При этом важнейшим сдерживающим фактором, препятствующим вовлечению подростка в криминальную группу сверстников, является представление о себе как о законопослушной личности. Подобный образ себя помогает подростку противостоять давлению со стороны других субъектов. Представление о себе как о законопослушной личности, по данным W. Reckless, состоит из двух компонентов: внутренней и внешней оболочек. Внутренняя оболочка включает в себя такие составляющие, как позитивное самоощущение, рационализм и правопослушность. Внутренняя оболочка формируется у человека в первые двенадцать лет жизни под влиянием общения с учителями, родителями и другими значимыми агентами социализации. Внутренними факторами, определяющими совершение преступления, являются: а) недовольство условиями жизни и семейные конфликты; б) агрессивность и враждебность самого индивида; в) разочарование и скука, вытекающие из членства в группе меньшинств или из-за отсутствия возможностей для социального продвижения в школе или других социальных институтах.

Внешняя оболочка включает внешний контроль (надзор) и дисциплину. По W. Reckless,

основными внешними факторами, ответственными за втягивание подростка в преступную активность, являются делинквентные сверстники и криминальная субкультура.

J. McCord, K. P. Conway объясняют преступное поведение подростков наличием сформировавшихся у них определенных мотивационных установок. Эти психологические образования выступают в качестве условий, оправдывающих противоправные действия: в дальнейшем несовершеннолетний организует свое окружение и свои действия в соответствии с ними. Совершение подростком криминального деликта в группе закрепляет их. В последующем правонарушитель с подобными диспозициями будет подыскивать себе сообщников для совершения новых преступлений [16].

Исследователями выявлена разновидность психологической установки, характерной для членов преступных групп, обозначенная как «неприятель к властным структурам» (полиции, правительству и т.п.) [17]. Антисоциальные установки такого рода являются не только консолидирующей силой для подростков, но и способом когнитивной рационализации своих поступков. S. Какаг в своих исследованиях получил сходные данные: члены молодежных преступных групп демонстрируют негативное отношение к властям [18].

Асоциальная и антисоциальная ориентации, особенно против представителей власти и полицейских, объясняется групповым стремлением укрепить общую идентичность, сплоченность и целостность. Это позволяет группе лучше противостоять влиянию извне [19].

Б. *Социальная идентификация личности с асоциальной группой.* Ряд авторов указывают на важность исследования феномена социальной идентификации с группой при рассмотрении криминального поведения подростков. E. Alleyne, J. L. Wood [4] рассматривают идентификацию с группой как часть самооценки субъекта, в связи с чем угрозы в отношении группы он воспринимает как угрозу по отношению к себе.

D. Boduszek, P. Nyland [20] связывают вовлечение личности в преступное поведение с механизмом социально-психологической идентификации. В процессе идентификации с членами группы образуется подгрупповой уровень социальной идентичности, противоположный социальной идентичности личности с правоуполномоченным поведением. Подобным образом девиантная личность добивается повышения уровня своей самооценки. Функция криминальной идентификации – создание взаимного согласия между членами банды. Для личности начинающего

преступника характерно наличие социального, эмоционального и поведенческого дистанцирования от правоуполномоченных сверстников и идентификация с подростками-правонарушителями. Несовершеннолетний становится преступником в процессе асоциального развития личности и формирования девиантной идентичности: такая личность не соотносит себя с просоциальными ролями и демонстрирует делинквентное поведение; аналогичные выводы получены в исследовании С. М. Clark [21] и D. Carmichael [22]. Они рассматривают в качестве одной из важнейших причин преступности невозможность идентификации личности с законопослушными молодыми людьми и ее переход в более доступные для общения делинквентные сообщества.

В. *Индивидуальные влияния среды на личность.* P. J. Brantingham, P. L. Brantingham [23] выявили макроуровневые детерминанты современной преступности, связанные со средой обитания делинквента: проживание подростка в бедных и неблагополучных районах города повышает риски вовлечения его в преступную активность [24, 25]. Криминальные группы подростков создаются в городских районах с высоким уровнем преступности среди несовершеннолетних [26].

Как правило, в таких кварталах имеется не одна, а несколько преступных группировок [11]. Члены преступных групп несовершеннолетних по преимуществу являются выходцами из семей с низким социально-экономическим статусом, живущими в районах функционирования криминальных групп и высокого уровня преступности среди подростков [27].

Г. *Влияние сверстников.* Традиционно большое внимание при выявлении детерминант вовлечения подростка в криминальную активность уделяется влиянию сверстников. Для описания этого явления в зарубежной психологии используется термин «peer effect». Наиболее интенсивно влияние сверстников проявляется для таких видов преступлений, как мелкое воровство, уголовные преступления небольшой и средней тяжести, преступления, связанные с наркотиками, нападения при отягчающих обстоятельствах и половые преступления [28]. Особенно большое влияние оказывает «peer effect» на тех, кто уже был замечен в каких-либо правонарушениях.

Согласно Т. Р. Thornberry, M. D. Krohn [29], в подростковом возрасте делинквентное и криминальное поведение определяются не только влиянием сверстников, но и асоциальной подростковой культурой. Сверстники-правонарушители осуществляют выраженное групповое давление на личность несовершеннолетнего [30, 31]. Присоединение к криминальной группе сверстников

в подростковом возрасте объясняется социально-психологическим механизмом подражания [13]. Привлекательность криминальных групп для молодых людей связана с возможностью удовлетворения универсальных потребностей – в социальном статусе, личностном самоутверждении и общении [5]. Членство в бандах повышает не только социальный статус молодых людей, но и их привлекательность в глазах сверстников [32]. При возникновении внутреннего конфликта между моральными стандартами, которых придерживается член группы, и решением об участии в групповом преступлении выбор в большинстве случаев делается в пользу сообщества сверстников [33].

R. Loeber, D. P. Farrington [34] подтвердили, что участие подростков в криминальных акциях связано с наличием у них тенденции к повышению социального статуса в среде сверстников. В районах с высоким уровнем преступности членство в преступных группах обеспечивает подростку защиту, которую он не может получить от своей семьи или иных социальных групп. Чем выше ощущение угрозы со стороны криминальной среды, переживаемое подростком, тем выше его стремление быть вовлеченным в банду [35].

Д. Особенности социального контроля. Приобщение несовершеннолетних к подростковым криминальным группам и уличным бандам связано с недостаточностью средств социального контроля [1, 2]. Речь идет о неблагоприятных условиях воспитания (пренебрежение, эксплуатация, бедность, девиантность родителей): эти факторы предопределяют риск стойкого антиобщественного поведения на протяжении всего жизненного цикла личности. В подростковом возрасте наиболее интенсивное и последовательное влияние на формирование делинквентности оказывают факторы контроля, связанные с семьей (недостаток внимания со стороны родителей, неустойчивая либо слишком строгая дисциплина, слабая привязанность подростка к родителям), школой и сверстниками.

В число переменных, способствующих вовлечению подростка в совершение преступления, R. Loeber, D. P. Farrington включают следующие факторы детства: экономические лишения, плохое воспитание, антисоциальную или криминальную семью; личностные особенности, увеличивающие риск антисоциального поведения в детском возрасте (импульсивность, гиперактивность и дефицит внимания) [34]. Присоединение подростка к ненормативным асоциальным группам сверстников вместе с отрицанием традиционных ценностей D. S. Elliott, S. S. Ageton, R. J. Canter объясняют ослабленными

социальными связями и высоким уровнем напряжения [36]. Повышенная напряженность, в свою очередь, приводит к ослаблению связей личности с нормативными социальными группами.

Е. Семейный фактор. Важна роль семьи в понимании феномена подростковой криминальности. J. D. Hawkins [37] установил, что интенсивные социальные связи и просоциальные потребности, сформированные родителями, предохраняют детей от приобщения к криминальному поведению в группах сверстников. Согласно T. P. Thornberry, M. D. Krohn [29], в детском возрасте причина делинквентности связана преимущественно с семьей. В детстве привязанность к семье является единственным и наиболее важным фактором, определяющим, будет ли формирующаяся личность адаптирована к нормам социума и защищена от вовлечения в преступность, в частности, подростки, имеющие судимых отцов, в два раза чаще вступают в конфликт с законом, чем дети законопослушных отцов [38].

A. Caspi [39] среди факторов формирования криминального поведения подростков и молодежи выделяет следующие: дисфункциональное детство, лишение эмоциональной привязанности, родительское насилие, плохое обращение с ребенком, в том числе и сексуальные домогательства, употребление матерью наркотиков.

Таким образом, современное состояние проблемы групповой преступности подростков в современных зарубежных социально-психологических исследованиях представлено различными направлениями и подходами. Научный поиск социально-психологических детерминант криминального поведения несовершеннолетних в современном мире осуществляется в различных направлениях: от анализа макроуровневых факторов до исследования влияния микросоциальных и личностных переменных на формирование групповых подростковых деликтов. Перспективы использования социально-психологического подхода связаны с возможностью выявления специфики взаимодействия личности и различных социальных групп как понимания генезиса, функций и механизмов криминальной самореализации субъекта в современном мире.

Список литературы

1. Sampson R. J. The community context of violent crime // *Sociology and the Public Agenda* / ed. by W. J. Wilson. Newbury Park, 1993. P. 267–274.
2. Wikström P.-O.H., Sampson R. J. Social Mechanisms of Community Influences on Crime and Pathways in

- Criminality // Causes of Conduct Disorder and Juvenile Delinquency / eds. B. B. Lahey, T. E. Moffitt, A. Caspi. N.Y., 2003. 370 p.
3. *Duyn P. C. van.* Mobsters are human too : Behavioral science and organized crime investigation // *Crime Law and Social Change.* 2000. Vol. 34, iss. 4. P. 369–390.
 4. *Alleyne E., Wood J. L.* Gang involvement : Psychological and behavioral characteristics of gang members, peripheral youth and non-gang youth // *Aggressive Behavior.* 2010. Vol. 36. P. 423–436. URL: http://kar.kent.ac.uk/27523/2/Gang_involvement_Revised2_ACCEPTED_by_Aggressive_behavior.pdf (дата обращения: 20.03.2016).
 5. *Klein M. W., Weerman F. M., Thornberry T. P.* Street gang violence in Europe // *European Journal of Criminology.* 2006. Vol. 3. P. 413–437.
 6. *Harris D., Turner R., Garrett I., Atkinson S.* Understanding the psychology of gang violence : Implications for designing effective violence interventions. *Probation Journal.* 2011. Vol. 58, № 3. P. 272–273.
 7. *Weerman F. M., Maxson C. L., Esbensen F., Aldridge J., Medina J., Van Gemert F.* Eurogang program manual background, development, and use of the Eurogang instruments in multi-site, multi-method comparative research. 2009 // Eurogang Network website. URL: http://www.umsl.edu/~ccj/eurogang/Eurogang_20Manual.pdf (дата обращения: 13.04.2016).
 8. *Chung H. L., Steinberg L.* Relations between neighborhood factors, parenting behaviors, peer deviance, and delinquency among serious juvenile offenders // *Developmental Psychology.* 2006. Vol. 42, iss. 2. P. 319–331.
 9. *Rizzo M.* Why do children join gangs? // *Journal of Gang Research.* 2003. Vol. 11, iss. 1. P. 65–74.
 10. *Bennett T., Holloway K.* Gang membership, drugs and crime in the UK // *British Journal of Criminology.* 2004. Vol. 44, iss. 3. P. 305–323.
 11. *Spergel I. A.* The youth gang problem : a community approach. N.Y., 1995. 368 p.
 12. *Bullock K., Tilley N.* Shootings, gangs and violent incidents in Manchester: Developing a crime reduction strategy // *Crime Reduction Research. Series Paper 13.* 2002. May. 54 p. URL: <http://webdoc.sub.gwdg.de/ebook/serien/n/CRRS/13-bn.pdf> (дата обращения: 28.04.2016).
 13. *Hughes L. A., Short J. F.* Disputes involving youth street gang members : Micro-social contexts // *Criminology.* 2005. Vol. 43, iss. 1. P. 43–76.
 14. *Thornberry T. P., Lizotte A. J., Krohn M. D., Jang S. J.* Delinquent peers, beliefs, and delinquent behavior : A longitudinal test of interactional theory // *Criminology.* 1994. Vol. 32, iss. 1. P. 47–83.
 15. *Reckless W., Dinitz S., Kay B.* The self component in potential delinquency and potential non-delinquency // *American Sociological Review.* 1997. Vol. 22. P. 566–570.
 16. *McCord J., Conway K.P.* Patterns of Juvenile Delinquency and Co-Offending // *Crime & Social Organization.* Eds. E. J. Waring, D. Weisburd. New Brunswick ; New-Jersey, 2002. P. 15–30.
 17. *Ralphs R., Medina J., Aldridge J.* Who needs enemies with friends like these? The importance of place for young people living in known gang areas // *Journal of Youth Studies.* 2009. Vol. 12. P. 483–500.
 18. *Kakar S.* Gang membership, delinquent friends and criminal family members: Determining the connections // *Journal of Gang Research.* 2005. Vol. 13, iss. 1. P. 41–52.
 19. *Khoo A.C.E., Oakes P.J.* The variability of the delinquent self: Anti-authority attitudes and endorsement of neutralization techniques among incarcerated delinquents in Singapore // *Asian Journal of Social Psychology.* 2000. Vol. 3, iss. 2. P. 125–132.
 20. *Boduszek D., Hyland P.* The Theoretical Model of Criminal Social Identity : Psycho-social perspective // *International Journal of Criminology and Sociological Theory.* 2011. Vol. 4, № 1. P. 604–615.
 21. *Clark C. M.* Deviant adolescent subculture : Assessment strategies and clinical interventions // *Adolescence.* 1992. Vol. 27, № 106. P. 282–293.
 22. *Carmichael D.* Youth Sport vs. Youth Crime Evidence that youth engaged in organized sport are not likely to participate in criminal activities. 2008. URL: <http://lin.ca/sites/default/files/attachments/YouthSportvsYouthCrime2008%5B2%5D.pdf> (дата обращения: 05.04.2016).
 23. *Brantingham P. J., Brantingham P. L.* Environmental criminology. Prospect Heights. IL, 1991. 282 p.
 24. *Oreopoulos P.* The long-run consequences of living in a poor neighborhood. Berkeley, 2007. 44 p. URL: <http://escholarship.org/uc/item/9np9p7m5> (дата обращения: 01.04.2016).
 25. *Wikström P.-O.H., Loeber R.* Do disadvantaged neighborhoods cause well-adjusted children to become adolescent delinquents? A study of male juvenile serious offending, individual risk and protective factors, and neighborhood context // *Criminology.* 2000. Vol. 38, iss. 4. P. 1109–1142.
 26. *Hill G. H., Lui C., Hawkins J. D.* Early precursors of gang membership : A study of Seattle youth // *Juvenile Justice Bulletin.* Washington, 2001. URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/ojdp/190106.pdf> (дата обращения: 03.03.2016).
 27. *Rizzo M.* Why do children join gangs? // *Journal of Gang Research.* 2003. Vol. 11, iss. 1. P. 65–74.
 28. *Bayer P., Hjalmarsson R., Pozen D.* Building Criminal Capital behind Bars: Peer Effects in Juvenile Corrections // *Quarterly Journal of Economics.* 2009. Vol. 124, iss. 1. P. 105–147.
 29. *Thornberry T. P., Krohn M. D.* Applying interactional theory in the explanation of continuity and change in antisocial behavior // *Advances in Criminological Theory.* 2005. Vol. 14, iss. 6. P. 183–210.
 30. *Esbensen F.-A., Weerman F. M.* Youth gangs and troublesome youth groups in the United States and the Netherlands : A cross-national comparison. // *European Journal of Criminology.* 2005. Vol. 2. P. 5–37.
 31. *Monahan K., Steinberg L., Cauffman E.* Affiliation with antisocial peers, susceptibility to peer influence, and desistance from antisocial behavior during the transition to adulthood // *Developmental Psychology.* 2009. Vol. 45, iss. 6. P. 1520–1530.

32. Klein M. W., Maxson C. L. Street gang patterns and policies. N.Y., 2006. 320 p.
33. Bandura A. Selective moral disengagement in the exercise of moral agency // *Journal of Moral Education*. 2002. Vol. 31, № 2. P. 101–119.
34. Loeber R., Farrington D. P. Never too early, never too late: Risk factors and successful interventions for serious and violent juvenile offenders // *Studies on Crime and Crime Prevention*. 1998. Vol. 7, № 1. P. 7–30. URL: http://www.wpic.pitt.edu/research/famhist/PDF_Articles/Universitetsforlaget%20AS/V%2012.pdf (дата обращения: 12.03.2016).
35. Gatti E., Tremblay R.E., Vitaro F., McDuff P. Youth gangs, delinquency and drug use : a test of the selection, facilitation, and enhancement hypotheses // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2005. Vol. 46, № 11. P. 1178–1190.
36. Elliott D. S., Ageton S. S., Canter R. J. An integrated theoretical perspective on delinquent behavior // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 1979. Vol. 16, iss. 1. P. 3–27.
37. Hawkins J. D. Preventing Crime and Violence through Communities that Care // *European Journal of Criminal Policy and Research*. 1999. Vol. 7, iss. 4. P. 443–458.
38. Johnson R. C. Intergenerational Risks of Criminal Involvement and Incarceration. 2007, April. 81 p. URL: <http://socrates.berkeley.edu/~ruckerj/RJ-PSIDCDS-Crime-Incarceration-paper4-19-07.pdf> (дата обращения: 13.03.2016).
39. Caspi A., Moffitt T. E., Silva P. A., Stouthamer-Loeber M., Krueger R. F., Schmutte P. S. Are Some People Crime-Prone? Replication of the personality-crime relationship across countries, genders, races, and methods // *The criminology theory reader*. Eds. S. Henry, W. Estandtler. N.Y., 1998. P. 26–39.

Образец для цитирования:

Романова Н. М. Групповая преступность подростков в современных социально-психологических зарубежных исследованиях // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 443–449. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-443-449.

Group Teen Crime in Modern Foreign Social and Psychological Research

N. M. Romanova
Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: Romanovanm@info.sgu.ru

This article analyzes the social and psychological factors that influence the formation of criminal behavior in adolescents based on modern foreign socio-psychological research; the urgency of the problem of the study; disclosed the reasons for the involvement of a group of teenagers in crime; The differences of group of criminals on the individual; analyzed and described the individual influence of the environment on the person; shows the results of research by foreign scientists features of social control, the specifics of attitudes and perceptions about themselves members of the antisocial teenage groups; disclose the nature of relations with antisocial group of its members; It shows the role of macro-level factors and described the contribution of family, personal and environmental factors in the content of the phenomenon of adolescent involvement in the criminal activity of the group.

Keywords: socio-psychological factors of criminal behavior in adolescents, involvement in a group crime, family factor, particularly of social control, influence of peers, individual influence of the environment on the individual, social identification of individuals with antisocial group, attitudes, self-image, peer pressure, influence families.

References

1. Sampson R. J. The Community Context of Violent Crime. *Sociology and the Public Agenda*. Ed. W. J. Wilson. Newbury Park, 1993. P. 267–274.
2. Wikström P.-O. H., Sampson R. J. Social Mechanisms of Community Influences on Crime and Pathways in Criminality. *Causes of Conduct Disorder and Juvenile Delinquency*. Eds. B. B. Lahey, T. E. Moffitt, A. Caspi. New York, 2003. 370 p.
3. Duyne P. C. van. Mobsters are human too: Behavioral science and organized crime investigation. *Crime Law and Social Change*, 2000, vol. 34, iss. 4, pp. 369–390.
4. Alleyne E., Wood J. L. Gang involvement: Psychological and behavioral characteristics of gang members, peripheral youth and non-gang youth. *Aggressive Behavior*, 2010, vol. 36, pp. 423–436. Available at: http://kar.kent.ac.uk/27523/2/Gang_involvement_Revised2_ACCEPTED_by_Aggressive_behvavior.pdf (accessed 03 March 2014).
5. Klein M. W., Weerman F. M., Thornberry T. P. Street gang violence in Europe. *European Journal of Criminology*, 2006, vol. 3, pp. 413–437.
6. Harris D., Turner R., Garrett I., Atkinson S. Understanding the psychology of gang violence: Implications for designing effective violence interventions. *Probation Journal*, 2011, vol. 58, no. 3. pp. 272–273.
7. Weerman F. M., Maxson C. L., Esbensen F., Aldridge J., Medina J., Van Gemert F. Eurogang program manual background, development, and use of the Eurogang instruments in multi-site, multi-method comparative research. 2009. Eurogang Network website. Available at: http://www.umsl.edu/~ccj/eurogang/Eurogang_20Manual.pdf (accessed 13 April 2016).
8. Chung H. L., Steinberg L. Relations between neighborhood factors, parenting behaviors, peer deviance, and delinquency among serious juvenile offenders. *Developmental Psychology*, 2006, vol. 42, iss. 2, pp. 319–331.
9. Rizzo M. Why do children join gangs? *Journal of Gang Research*, 2003, vol. 11, iss. 1, pp. 65–74.
10. Bennett T., Holloway K. Gang membership, drugs and crime in the UK. *British Journal of Criminology*, 2004, vol. 44, iss. 3, pp. 305–323.
11. Spergel I. A. *The youth gang problem: a community approach*. New York, 1995. 368 p.
12. Bullock K., Tilley N. Shootings, gangs and violent incidents in Manchester: Developing a crime reduction strategy.

- Crime Reduction Research Series Paper 13*. May. 2002. 54 p. Available at: <http://webdoc.sub.gwdg.de/ebook/serien/n/CRRS/13-bn.pdf> (accessed 28 April 2016).
13. Hughes L. A., Short J. F. Disputes involving youth street gang members: Micro-social contexts. *Criminology*, 2005, vol. 43, iss. 1, pp. 43–76.
 14. Thornberry T. P., Lizotte A. J., Krohn M. D., Jang S. J. Delinquent peers, beliefs, and delinquent behavior: A longitudinal test of interactional theory. *Criminology*, 1994, vol. 32, iss. 1, pp. 47–83.
 15. Reckless W., Dinitz S., Kay B. The self component in potential delinquency and potential non-delinquency. *American Sociological Review*, 1997, vol. 22, pp. 566–570.
 16. McCord J., Conway K. P. Patterns of Juvenile Delinquency and Co-Offending. *Crime & Social Organization*. Eds. E. J. Waring, D. Weisburd. New Brunswick, New Jersey, 2002, pp. 15–30.
 17. Ralphs R., Medina J., Aldridge J. Who needs enemies with friends like these? The importance of place for young people living in known gang areas. *Journal of Youth Studies*, 2009, vol. 12, pp. 483–500.
 18. Kakar S. Gang membership, delinquent friends and criminal family members: Determining the connections. *Journal of Gang Research*, 2005, vol. 13, iss. 1, pp. 41–52.
 19. Khoo A. C. E., Oakes P. J. The variability of the delinquent self: Anti-authority attitudes and endorsement of neutralization techniques among incarcerated delinquents in Singapore. *Asian Journal of Social Psychology*, 2000, vol. 3, iss. 2, pp. 125–132.
 20. Boduszek D., Hyland P. The Theoretical Model of Criminal Social Identity: Psycho-social perspective. *International Journal of Criminology and Sociological Theory*, 2011, vol. 4, no. 1, pp. 604–615.
 21. Clark C. M. Deviant adolescent subculture: Assessment strategies and clinical interventions. *Adolescence*, 1992, vol. 27, no. 106, pp. 282–293.
 22. Carmichael D. Youth Sport vs. Youth Crime Evidence that youth engaged in organized sport are not likely to participate in criminal activities, 2008. Available at: <http://lin.ca/sites/default/files/attachments/YouthSportvsYouthCrime2008%5B2%5D.pdf> (accessed 5 April 2016).
 23. Brantingham P. J., Brantingham P. L. *Environmental Criminology*. Prospect Heights, IL, 1991. 282 p.
 24. Oreopoulos P. The Long-Run Consequences of Living in a Poor Neighborhood. Berkeley, 2007. 44 p. Available at: <http://escholarship.org/uc/item/9np9p7m5> (accessed 01 April 2016).
 25. Wikström P.-O. H., Loeber R. Do disadvantaged neighborhoods cause well-adjusted children to become adolescent delinquents? A study of male juvenile serious offending, individual risk and protective factors, and neighborhood context. *Criminology*, 2000, vol. 38, iss. 4, pp. 1109–1142.
 26. Hill G. H., Lui C., Hawkins J. D. Early precursors of gang membership: A study of Seattle youth // *Juvenile Justice Bulletin*. Washington, 2001. Available at: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/ojjdp/190106.pdf> (accessed 3 March 2016).
 27. Rizzo M. Why do children join gangs? *Journal of Gang Research*, 2003, vol. 11. Issue 1. P. 65–74.
 28. Bayer P., Hjalmarsson R., Pozen D. Building criminal capital behind bars: peer effects in juvenile corrections. *Quarterly Journal of Economics*, 2009, vol. 124, iss. 1, pp. 105–147.
 29. Thornberry T. P., Krohn M. D. Applying Interactional Theory In The Explanation of Continuity and Change In Antisocial Behavior. *Advances in Criminological Theory*, 2005, vol. 14, iss. 6, pp. 183–210.
 30. Esbensen F. -A., Weerman F. M. Youth gangs and troublesome youth groups in the United States and the Netherlands: A cross-national comparison. *European Journal of Criminology*, 2005, vol. 2, pp. 5–37.
 31. Monahan K., Steinberg L., Cauffman E. Affiliation with antisocial peers, susceptibility to peer influence, and desistance from antisocial behavior during the transition to adulthood. *Developmental Psychology*, 2009, vol. 45, iss. 6, pp. 1520–1530.
 32. Klein M. W., Maxson C. L. *Street gang patterns and policies*. New York, 2006. 320 p.
 33. Bandura A. Selective moral disengagement in the exercise of moral agency. *Journal of Moral Education*, 2002, vol. 31, no. 2, pp. 101–119.
 34. Loeber R., Farrington D. P. Never too early, never too late: Risk factors and successful interventions for serious and violent juvenile offenders. *Studies on Crime and Crime Prevention*, 1998, vol. 7, no. 1, pp. 7–30. Available at: http://www.wpic.pitt.edu/research/famhist/PDF_Articles/Universitetsforlaget%20AS/V%2012.pdf (accessed 12 March 2016).
 35. Gatti E., Tremblay R.E., Vitaro F., McDuff P. Youth gangs, delinquency and drug use: a test of the selection, facilitation, and enhancement hypotheses. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2005, vol. 46, no. 11, pp. 1178–1190.
 36. Elliott D. S., Ageton S. S., Canter R. J. An integrated theoretical perspective on delinquent behavior. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 1979, vol. 16, iss. 1, pp. 3–27.
 37. Hawkins J. D. Preventing Crime and Violence through Communities that Care. *European Journal of Criminal Policy and Research*, 1999, vol. 7, iss. 4, pp. 443–458.
 38. Johnson R. C. Intergenerational Risks of Criminal Involvement and Incarceration, April. 2007. 81p. Available at: <http://socrates.berkeley.edu/~rucker/rj/RJ-PSIDCDS-Crime-Incarceration-paper4-19-07.pdf> (accessed 13 March 2016).
 39. Caspi A., Moffit T. E., Silva P. A., Stouthamer-Loeber M., Krueger R. F., Schmutte P. S. Are Some People Crime-Prone? Replication of the Personality-Crime Relationship across Countries, Genders, Races, and Methods. *The Criminology Theory Reader*. Eds. S. Henry, W. Einstandter. New York, 1998, pp. 26–39.

Please cite this article in press as:

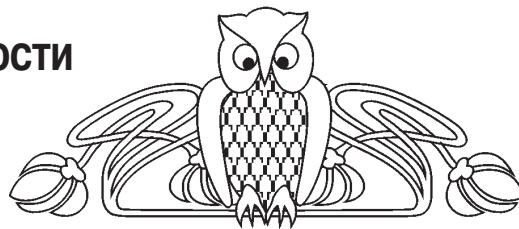
Romanova N. M. Group Teen Crime in Modern Foreign Socio-Psychological Research. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 443–449. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-443-449.

УДК 316.6+159.923

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МИРЕ И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ

Усова Наталия Владимировна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры технологического образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: usova_natalia@mail.ru

Статья посвящена вопросу взаимосвязи субъективного благополучия и представлений о мире. Показано, что в контексте субъективного благополучия личности важными элементами представления о мире являются индивидуальный жизненный хронотоп человека и индивидуальная временная трансспектива, сопровождающиеся наличием личностных ресурсов и ценностно-смысловых интенций. Интеграция многообразных жизненных отношений – «Я», «Другие» и «Мы» – как социально общего и социально индивидуального увеличивает переживание субъективного благополучия, способствует обретению своего личностного «Я», увеличивая душевный комфорт. Опираясь на идеографическое понятие «жизненного мира», введенное Э. Гуссерлем и Л. Бинсвангером, а также с учетом культурно-исторической концепции, проводится анализ взаимосвязи субъективного благополучия и традиционалистского, гедонистического, прогрессистского жизненных миров.

Ключевые слова: субъективное благополучие личности, представление о мире, жизненный хронотоп, временная трансспектива, ценностно-смысловые интенции.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-450-453

Проблемы сложившегося у человека представления о мире, точнее, субъективный образ объективного мира не теряют своей актуальности достаточно давно. Связано это с тем, что лишь с учетом многообразия связей конкретного человека с миром и его представлений о нем мы можем познать глубину и богатство его личности. Представления о мире, выступая детерминантами социально-психологических отношений, способны влиять на систему социальных связей личности и, будучи представлены в структуре самосознания, выполняют регулятивную и когнитивную функции [1]. Очевидно, индивидуальная специфика обуславливает отношение к тому, что происходит в мире, а также к своей роли в общем устройстве мира и формирует предпосылки для субъективных переживаний. В силу объективных и субъективных факторов в сознании личности закрепляется позитивное или негативное видение мира, что бесспорно способно влиять на перспективную/неперспективную модель будущего. Зная особенности этого конструирования мира в обыденном сознании личности, психологи могут актуализировать такие представления, которые будут способствовать субъективному

благополучию, «собственному отношению человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное для нее значение с точки зрения усвоенных нормативных представлений о “благополучной” внешней и внутренней среде и характеризующееся переживанием удовлетворенности» [2, с. 11].

В своем исследовании мы не будем останавливаться на анализе таких понятий, как «образ мира», «картина мира» и «представление о мире». Несмотря на то, что они специфичны [3], в нашем проблемном поле эта специфика и ее уточнение не играют существенной роли. Рабочим определением понятия «представление о мире» будем считать результат мысленного воссоздания образа мира и человека в нем, акцентируя внимание не на заданных характеристиках образа и картины мира, а на наиболее часто встречающихся индивидуальных ассоциациях с понятием образа (картины) мира и месте человека в нем.

Целью данного исследования явилось изучение взаимосвязи между характеристиками представлений о мире и субъективным благополучием личности. В исследовании приняли участие 70 опрошенных в возрасте от 18 до 45 лет. Группа гомогенна по национальному признаку (русские). В процессе сбора эмпирических данных мы использовали шкалу субъективного благополучия М. В. Соколовой, опросник В. Ю. Котлякова «Исследование системы жизненных смыслов» и свободное сочинение на тему «Как я представляю мир». Обработка собранных данных проводилась с помощью корреляционного и контент-анализа.

Анализируя результаты свободного сочинения, мы выделили ключевые, на наш взгляд, характеристики, отражающие представления о мире в обыденном сознании русского народа. Представленные в сочинениях характеристики были объединены в следующие группы:

- согласование прошлого, настоящего и будущего;
- наличие на каждом жизненном этапе «точки опоры»;
- наличие ценностно-смысловой интенции;
- осмысленность жизни;

представленность значимых Других;
 фиксация на внешних преградах;
 предзаданность и предопределенность жизненных событий;
 значимость накопления знаний и жизненного опыта;
 главное в жизни – процесс и результат самореализации;
 необходимость личного вклада каждого человека в развитие общества;
 значение индивидуальных и личностных интересов;
 убежденность в цикличности жизни.

Изучение представлений о мире невозможно без опоры на прошлое, настоящее и будущее. Т. М. Титаренко, в своих работах опирающаяся на идею жизненной компетентности личности, в качестве главных характеристик жизненного мира предлагает рассматривать именно пространственно-временные координаты [4]. Очевидно, ценность каждого временного этапа зависит от эмоционального отношения к происходящим событиям, тем не менее интересным является вопрос о соотношении прошлого, настоящего и будущего, а также зависимость от таких параметров, как опора на каждом жизненном этапе и наличие ценностно-смысловых характеристик. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что переживание субъективного благополучия взаимосвязано с согласованием прошлого, настоящего и будущего ($r = 0,28$ при $p < 0,05$), с наличием на каждом жизненном этапе «точки опоры» ($r = 0,26$ при $p < 0,05$) и мотивационно-смысловой интенции ($r = 0,30$ при $p < 0,05$). Таким образом, в контексте субъективного благополучия личности важными элементами представления о мире являются индивидуальный жизненный хронотоп человека и индивидуальная временная транспектива, сопровождающиеся наличием личностных ресурсов и ценностно-смысловых интенций.

В ходе исследования смыслового слоя образа мира нам удалось раскрыть его взаимосвязь с субъективным благополучием. Смысловой слой образа мира имеет следующие взаимосвязи: чем выше осмысленность жизни, тем выше переживание субъективного благополучия ($r = 0,27$ при $p < 0,05$). В структуре смысложизненных ориентаций субъективно благополучных опрошенных преобладает осмысленность процесса ($r = 0,33$ при $p < 0,05$) и осмысленность результата жизни ($r = 0,29$ при $p < 0,05$). Данные исследования позволяют говорить о том, что опрошенные воспринимают процесс своей жизни как достаточно интересный и эмоционально насыщенный. Любопытен результат, свидетель-

ствующий о взаимосвязи субъективного благополучия и осмысленности результата ($r = 0,25$, при $p < 0,05$): это позволяет говорить о том, что чем более человек оценивает прожитый отрезок жизни, тем выше субъективное благополучие.

Обратная корреляционная зависимость обнаружена между субъективным благополучием и осмысленностью цели ($r = -0,31$ при $p < 0,05$), т.е. чем меньше личность осознает цель жизни (жизненная цель размыта), тем ниже переживание благополучия и выше эмоциональный дискомфорт. Таким образом, степень осознанности систем жизненных смыслов взаимосвязана с переживанием личностью субъективного благополучия.

Человек не может быть в вакууме, он всегда задан в системе «я-со-значимыми другими»: картина мира индивида значительно обогащается, когда в ней присутствуют значимые Другие [5]. В рамках нашего исследования мы считаем необходимым рассмотреть, как встроен образ Других в общую картину мира. Результаты исследования демонстрируют, что чем больше в картине мира представлены значимые Другие ($r = 0,27$ при $p < 0,05$), тем сильнее переживание субъективного благополучия. В ответах испытуемых значимые Другие представлены не только реальными людьми, но и не знакомыми личностями (писателями, учеными, политиками и т.д.), и вымышленными персонажами, при этом они взаимосвязаны с субъективным благополучием личности ($r = 0,25$ при $p < 0,05$). Это говорит о том, что эмпатийное отношение с Другими и ролевая децентрация (в воображаемый мир другого человека) позволяют, с одной стороны, идентифицировать себя с Другими, осознавать себя как часть единого конкретного социального окружения, с другой стороны, способствуют стремлению к обособлению от Других. Такой подход позволяет осознать общее для личности и социума и в то же время дает представление о личностной уникальности и непохожести. Интеграция многообразных жизненных отношений способствует обретению личностного «Я», душевному комфорту и более высокому оцениванию собственной жизни. Таким образом, включение в образ мира представлений о «Я», «Других» и «Мы» как социально общего и социально индивидуального увеличивает переживание субъективного благополучия.

В ходе исследования было обнаружено несколько отрицательных взаимосвязей. Уровень субъективного благополучия взаимосвязан с фиксацией на внешних преградах ($r = -0,28$ при $p < 0,05$), предзаданностью и предопределенностью жизненных событий ($r = -0,28$ при $p < 0,05$). Данный результат связан с тем, что перечислен-

ные характеристики способствуют отказу от себя и сужают границы личностного пространства для развития, общения, личностного роста и самореализации, что, очевидно, отражается на переживании субъективного благополучия.

Проводя анализ взаимосвязи представлений о мере и субъективного благополучия, хочется опереться на идеографическое, затрагивающее феноменологию уникальной для каждого индивида реальности, понятие «жизненного мира», введенное Э. Гуссерлем и Л. Бинсвангером. Авторы указывают, что одновременно с уникальным жизненным миром индивида существуют и жизненные миры, образующиеся в сообществах людей, координирующих свои действия и стратегии. Обобщенные жизненные миры задаются благодаря совместно вырабатываемым различным отношениям с миром при условии их пересечений и столкновений в одном историческом временном пространстве. В этом контексте, с учетом культурно-исторической концепции, можно полученные результаты соотнести с типологией «жизненных миров», предложенной Д. А. Леонтьевым. Автор выделил три базовых «жизненных мира» с определенными и несовместимыми принципами организации жизни: традиционалистский, гедонистический, прогрессистский [6].

Исходя из собранного нами эмпирического материала, можно констатировать, что субъективное благополучие сильнее переживается лицами, которые производят накопление знаний и жизненного опыта ($r = 0,32$ при $p < 0,05$), главным жизненным принципом считают процесс и результат самореализации ($r = 0,29$ при $p < 0,05$), стараются вносить личный вклад в развитие общества, т. е. пытаются создавать то, чего нет в обществе, и в целом направлены на будущее ($r = 0,28$ при $p < 0,05$). Данные характеристики свойственны личностям с прогрессистским жизненным миром. Негативными для переживания субъективного благополучия являются такие представления, в которых превалируют индивидуальные и личностные интересы ($r = -0,31$ при $p < 0,05$), стремление к самовыражению ($r = -0,32$ при $p < 0,05$) и ориентация на настоящее ($r = -0,29$ при $p < 0,05$). У лиц с невысоким переживанием субъективного благополучия устойчивое убеждение в цикличности жизни ($r = -0,41$ при $p < 0,05$), они уверены, что события прошлого являются главными причинами настоящего и что именно прошлое закладывает фундамент будущего. Перечисленные негативные для субъективного благополучия личности характеристики являются отражением традиционалистского и гедонистического жизненных миров.

Подводя итоги проведенного исследования, посвященного вопросу взаимосвязи субъективного благополучия и представлений о мире, можно сделать следующие выводы: индивидуальный жизненный хронотоп человека и индивидуальная временная транспектива, сопровождающиеся наличием личностных ресурсов и ценностно-смысловых интенций в представлении о мире, увеличивают переживание субъективного благополучия. Интеграция многообразных жизненных отношений «Я», «Других» и «Мь» как социально общего и социально индивидуального увеличивает переживание субъективного благополучия, способствует обретению личностного «Я», увеличивает душевный комфорт.

Фиксация на внешних преградах, предзаданность и предопределенность жизненных событий способствуют отказу от себя, сужают границы личностного пространства для развития, общения, личностного роста и самореализации, негативным образом сказываясь на переживании субъективного благополучия личности в целом.

Прогрессистское представление о мире, характеризующееся ценностью накопления знаний, навыков, необходимостью вносить вклад в общее устройство мира и стремлением к самореализации, а также нацеленностью на будущее, и уверенность, что человек сам является творцом событий, происходящих в мире, усиливает переживание субъективного благополучия.

В представлении о мире, в котором доминируют индивидуально-личностные интересы, а главной задачей индивида является самовыражение, прошлое и будущее значение не имеют, важно только настоящее, а также точка зрения, что окружающие являются источником удовлетворения собственных потребностей, характерная для гедонистического представления о мире, снижает уровень переживания субъективного благополучия. Представление о мире, где доминирует прошлое, отчетливо прослеживается цикличность, репродукция и гомеостаз жизненных событий, свойственное для традиционалистского образа мира, снижает субъективное благополучие личности.

Таким образом, научные сведения, касающиеся представления о мире, могут служить прогнозом эмоционального комфорта личности и субъективного благополучия в целом. Полученные результаты о взаимосвязи представлений о мире и субъективного благополучия можно использовать в практике психологического консультирования.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-06-00250).

Список литературы

1. Шамионов Р. М. Представления о личности педагога в системе профессионального самоопределения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2010. Т. 3, вып. 2. С. 3–9.
2. Шамионов Р. М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов, 2008. 240 с.
3. Мазлумян В. С. Картина мира и образ мира?! // Мир психологии. 2009. № 4. С. 100–109.
4. Титаренко Т. М. Жизненный мир личности : структурно-генетический подход : дис. ... д-ра психол. наук. Киев, 1994. 305 с.
5. Вержибок Г. В. Системный характер представлений о мире в гуманитарной науке и практике // Вестн. по педагогике и психологии Южной Сибири. 2013. № 1–2. С. 47–63.
6. Леонтьев Д. А. Психология смысла : природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2007. 511 с.

Образец для цитирования:

Усова Н. В. Взаимосвязь представлений о мире и субъективного благополучия личности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 450–453. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-450-453.

The Relationship of Beliefs about the World and Subjective Well-Being of the Individual

N. V. Usova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: usova_natalia@mail.ru

The article is devoted to the issue of the relationship of subjective well-being and views about the world. It is shown that in the context of subjective well-being of the individual are important elements of the representations of the world are individual life chronotope and the individual temporary transactive accompanied by the availability of personal resources and axiological intentions. Integration of diverse life relationships: «I», «Other» and «We» as a socially shared and socially individual, enhance the experience of subjective well-being, contributes to the attainment of his personal «I», increasing peace of mind. Based on idiopaticescoe the concept of «life-world» introduced by E. Husserl and L. Binswanger, and taking into account the cultural-historical concept, the analysis of the relationship between subjective well-being and traditsionalistichesky, gedonisticheskikh, progressive life-worlds.

Key words: subjective well-being of the individual, view of the world, life chronotope, temporal transactive, axiological intentions.

References

1. Shamionov R. M. Predstavleniya o lichnosti pedagoga v sisteme professionalnogo samoopredeleniya (Perceptions of the teacher's personality in the system of professional self-determination). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2010, vol. 3, iss. 2, pp. 3–9.

Please cite this article in press as:

Usova N. V. The Relationship of Beliefs about the World and Subjective Well-Being of the Individual. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 450–453. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-450-453.

of the teacher's personality in the system of professional self-determination). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2010, vol. 3, iss. 2, pp. 3–9.

2. Shamionov R. M. *Subektivnoe blagopoluchie lichnosti: psikhologicheskaja kartina i factory* (Subjective well-being personality: psychological picture and factors). Saratov, 2008. 240 p.
3. Mazlumyan V. S. *Kartina mira i obraz mira?! (Picture of the world and the image world?!). Mir Psikhologii (The World of Psychology)*, 2009, no. 4, pp. 100–109.
4. Titarenko T. M. *Zhiznenny mir lichnosti: strukturno-geneticheskiy podkhod: dis. ... d-ra psihol. nauk (The life-world of the individual: the structural-genetic approach: Dissertation of the PhD of Psychology)*. Kiev, 1994. 305 p.
5. Verzhibok G. V. *Sistemnyy kharakter predstavleniy o mire v gumanitarnoy nauke i praktike (The systemic character of beliefs about the world in humanitarian science and practice). Vestn. po pedagogike i psihologii Juzhnoy Sibiri (Herald in education and psychology, Southern Siberia)*, 2013, no. 1–2, pp. 47–63.
6. Leont'ev D. A. *Psihoklogiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj realnosti (The psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality)*. Moscow, 2007. 511 p.

УДК 316.6

СТРУКТУРА АДАПТАЦИОННОЙ ГОТОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

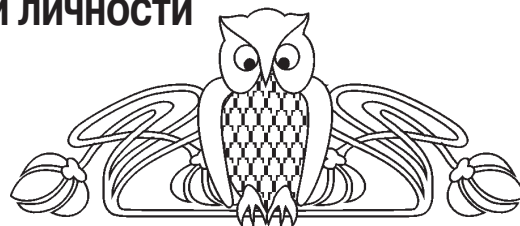
Шамионов Раиль Мунирович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: shamionov@mail.ru

В статье обсуждаются теоретические аспекты проблемы адаптационной готовности личности. Предложено оригинальное определение адаптационной готовности как состояния, сопровождающегося психическим напряжением, позволяющим личности сохранить настрой на приспособление к значимой, с точки зрения реализации потребностей, ситуации, основанной на представлении о желаемом (успешном) её исходе, а также допустимых средствах и действиях, и раскрыта ее структура. Отмечено, что наиболее важными являются два слоя адаптационной готовности: диспозиционные явления разных уровней на включение в адаптационный процесс и поддержание его интенсивности до необходимой степени адаптированности и явления, характеризующие субъективные критерии адаптации.

Ключевые слова: личность, субъект, адаптационная готовность, структура, диспозиция.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-454-458

Адаптационная готовность изучается наряду с такими явлениями, как адаптационные способности, адаптационный потенциал и др., в той или иной степени определяющими качество адаптационного процесса. При этом все названные явления не имеют достаточного психологического описания и мало изучены. В некоторой степени данные понятия перекрывают друг друга, но у них есть и различия в своем содержании. Изучение структуры адаптационной готовности необходимо для решения не только теоретических задач, но и вопросов практического применения и, в частности, определения направлений помощи в ее формировании. В психологии накоплен достаточный опыт по изучению и тренингу отдельных ее компонентов, но целостных программ гораздо меньше, и они сосредоточены в большей мере в сфере экстремальных условий приспособления [1]. Во многом это связано с неясной психологической картиной адаптационной готовности личности. В психологии наиболее часто оперируют понятием психологической готовности (как правило, к деятельности), понимая под ней «активно-деятельное состояние, мобилизованность всех сил и возможностей на предстоящие действия» [2], ее рассматривают как «меру настроенности человека как на активное включение, так и на наиболее полную отдачу в соответствии со смыслом и характером деятельности» [3, с. 227]. Б. Д. Парыгин распространяет

понятие психологической готовности на весь спектр бытийных пространств личности, тем самым подчеркивая значимость этого явления с точки зрения не только начала, но и успешного продолжения и завершения деятельности или поведения (например, социального). При этом подчеркивается, что психологическая готовность не сводится к установке на начало действия, поскольку предполагает еще и ее успешное осуществление. Вполне очевидно, что таким же образом обстоит дело и с адаптационной готовностью.

Понятие адаптационной готовности еще не утвердилось в научном обиходе. Весьма часто (например, в педагогике) под ним понимается подготовленность (обученность) личности к адаптации. Психологи стремятся дать соответствующее предметной области определение. Так, М. В. Григорьева понимает под адаптационной готовностью предрасположенность личности к восприятию и принятию динамики окружающей среды, осуществлению в динамичной, субъективно новой ситуации определенных действий, направленных на установление равновесия между требованиями среды и возможностями личности [4, с. 276].

Адаптационная готовность личности может быть представлена как частный случай готовности, характеризующейся не просто гибкостью и приспособляемостью, но и достаточно сильной субъектной позицией. В частности, в наших исследованиях [5] и исследованиях наших коллег [6] было показано, что такие характеристики личности, как самостоятельность и ответственность, самоконтроль являются сильными коррелятами адаптационной готовности. Однако наличие этой взаимосвязи не является достаточным условием успешности адаптационного процесса. Данные характеристики могут быть представлены как необходимое условие, которое «срабатывает» только в связке с другими важными для адаптации. Так, в эмпирических исследованиях М. В. Григорьевой и О. Н. Локатковой установлена довольно сильная предикция субъектно-личностных качеств в структуре психологической готовности к взаимодействию со средой адап-

тации старшеклассников при ограниченности когнитивных элементов и противоречивости эмоциональных [7]. Авторами сделан вывод о более высокой значимости таких характеристик по сравнению с другими, но тем не менее они включились в уравнение регрессии совместно с когнитивными, эмоциональными и социально-психологическими явлениями, охватив 64% общей дисперсии. Для нас это важно как свидетельство о соотнесенности всех этих характеристик в их единой детерминации процесса и результатов адаптации.

Очевидно, решающую роль в формировании адаптационной готовности играют позитивный опыт адаптации (что отмечается рядом авторов, изучающих данную проблему [4, 8, 9]) и формирующаяся на его основе стойкая уверенность в своей способности приспособиться к различным ситуациям и уверенность в себе. Такого рода готовность создает позитивную атмосферу для активности и во многом предопределяет позитивность адаптации к меняющейся ситуации. Одним из значимых компонентов адаптационной готовности выступает, на наш взгляд, надежда как маломотивированное или малообусловленное чем-либо желание-вера в успешное разрешение ситуации, приспособление к ней, не имеющее рационального начала. Это предположение подкреплено и результатами исследований, в которых показывается, что низкая выраженность надежды снижает способность к совладающему поведению [10]. Очевидно, надежда на успешный исход процесса адаптации, свою способность к приспособлению и способность и настроенность других на принятие особенностей личности адаптанта включается в адаптационную готовность как весьма динамичная, слабая с точки зрения устойчивости переменная.

Необходимо также отметить и то, что адаптационная готовность может быть основой надситуативной (неадаптивной) активности (по В. А. Петровскому [11, 12]). Это связано с тем, что наличие адаптационной готовности, с одной стороны, позволяет сохранять известное напряжение для активности и, с другой – уверенность в способности совладания с ситуацией, приспособления к ней или изменения ее под свои исходные личностные инстанции, что высвобождает возможности выхода за пределы ситуации, в том числе, постановку надситуативных целей. Наиболее важным признаком адаптационной готовности выступает ее собственная *относительная надситуативность*. Оговорка об относительности связана с тем, что в ряде случаев адаптационная готовность может проявляться и в отношении ряда родственных (однотипных)

ситуаций или ситуаций ряда областей. Благодаря этому признаку адаптационная готовность способна оказывать влияние не только на процессы адаптации личности, но и на успешность активности в целом. Иначе говоря, адаптационная готовность личности является действенным регулятором ее социального поведения и в целом активности и может быть представлена как интегральное многофункциональное явление. Невзирая на то, что адаптационная готовность является результатом активности, она выступает и направляющим звеном в ее регуляции; между адаптационной готовностью и активностью устанавливаются связи, не имеющие взаимной однозначности, как по направлению, так и по содержанию. Ввиду того, что это – интегральное образование, его целостность не может быть сведена ни к одной известной характеристике. Исходя из этого важнейшей задачей становится разработка структуры адаптационной готовности, благодаря которой было бы возможно провести эмпирические исследования и оценить вклад и ее инстанционную детерминацию.

Надситуативность адаптационной готовности придают отношения личности к адаптации как процессу неизбежному и уверенность в своих способностях на основе обобщений собственного опыта успешной адаптации. Причем этот опыт может быть эпизодическим, не имеющим широкой или постоянной представленности. Порой одной жизненно важной ситуации может быть достаточно для подобной уверенности. В этом смысле осознание своего включения в новые условия в качестве полноценного субъекта и того, какие средства и действия способствовали этому, является важнейшим для формирования адаптационной готовности. Фиксация и возрождение этих средств в новых условиях, очевидно, и есть предпосылка закрепления позитивного опыта адаптации и впоследствии сжатия его до установки или отношения. Те подробности, детали событий, которые сопровождают адаптационный процесс, могут быть опущены, но канва, основные действия должны сохраниться и использоваться личностью в других условиях, безотносительно к ситуативной привязке.

Структура адаптационной готовности рассматривается исследователями сообразно исходной идее тесной увязки различных видов готовности. Исходя из определения адаптационной готовности как психологического явления, в центре внимания исследователей оказывается установка во всех ее психологических смыслах. Вместе с тем ею не ограничивается весь спектр структурных компонентов. Так, М. В. Григорьева [13] выделяет готовность психофизиологиче-

ских, психологических и социально-психологических уровней. Каждый из них связан с определенными психологическими функциями, однако требуются их детальная конкретизация и изучение принципов «строения» всей ее структуры с учетом выделенных и недостающих компонентов. Представляется весьма значимым выявление «вклада» каждого из них в определенные сферы адаптации в зависимости от степени их задействованности.

Наиболее близкими понятиями, связанными или описывающими разные области той же реальности, что и адаптационная готовность личности, являются психологическая готовность и адаптационный потенциал. Исходя из представлений о структуре психологической готовности к действию, представленной Б. Д. Парыгиным, важным ее компонентом является способность к включению в деятельность, к принятию решения выдержать испытание стрессом [3, с. 230]. Аналогично обстоит дело и с адаптационной готовностью: очевидно, способность к адаптации, формируясь с раннего возраста, выступает как предрасположенность в любом адаптационном процессе и может быть представлена в адаптационной готовности в качестве компонента.

Е. Е. Бочарова, опираясь на разработки в области адаптационного потенциала, делает вывод, что человек взаимодействует со средой, «произвольно изменяя степень свободы и диапазон реализации собственного адаптационного потенциала» [14, с. 47]. Иначе говоря, наличие некоего потенциала еще не значит его реализацию субъектом. Однако то же верно и в отношении компонентов адаптационной готовности: в частности, представления о системе адаптации или наилучшем её исходе недостаточно для реализации этого потенциала. Степень «возможного» определяется уже в самом процессе адаптации, хотя и наличие возможностей содержится в представлениях и, соответственно, в адаптационной готовности.

Наконец, еще одним важнейшим образованием в структуре адаптационной готовности является мотивационный компонент, заключающийся в желании что-либо предпринять для достижения согласованности со средой (особенно социальной). По сути, этот компонент является ключевым для задействования и сохранения актуальности всех иных составляющих адаптационной готовности [4, 8, 15].

Таким образом, компоненты адаптационной готовности характеризуются определенной динамикой: часть из них может видоизменяться уже в процессе адаптации и даже после приспособления, реализуя отсроченный эффект.

Анализ теоретических и эмпирических работ [1–4, 15] позволяет нам сформулировать следующее определение адаптационной готовности личности: это состояние индивида, сопровождающееся психическим напряжением, позволяющим личности сохранить настрой на приспособление к значимой с точки зрения реализации потребностей ситуации, основанного на представлении о желаемом (успешном) её исходе, а также допустимых средствах и действиях (для приспособления).

Структура адаптационной готовности может быть представлена с точки зрения функций ее компонентов и уровней. Они могут быть увязаны с этапами адаптации, соответственно: включение в адаптацию с диапазоном возможных «личностных жертв», собственно адаптационные действия (представления об эффективных адаптационных действиях и готовность к изменению диспозиций), ожидания от других, наконец, представления о желаемом уровне включенности в новые условия. Системообразующим компонентом является готовность к совладанию с трудностями. Иначе говоря, структурными компонентами адаптационной готовности выступают не только установки или социальные установки, но и представления, и целостные отношения, наконец, способности, характеризующиеся рядом специфических функций – знаний о своих способностях и возможностях, эмоционального возбуждения, настрой, известного напряжения, необходимого для проявлений активности, регулятивной функции, функции согласования различных уровней готовности и др. Очевидно, наиболее важными являются два слоя адаптационной готовности: 1) диспозиционные явления разных уровней на включение в адаптационный процесс и поддержание его интенсивности до необходимой степени адаптированности; 2) явления, характеризующие субъективные критерии адаптированности. Принципиальным является то, что результатом реализации адаптации личности выступает приспособленность к новой или изменившейся ситуации, а реализация адаптационной готовности может рассматриваться с точки зрения удовлетворенности личностью уровнем своей адаптированности. Иначе говоря, результат адаптации в большей степени объективен, а реализация готовности – субъективна. Не менее важно и то обстоятельство, что адаптационная готовность является регулятором поведения личности, поскольку аккумулирует в себе различные диспозиции, относящиеся к разным ситуациям и уровням потребностей. Поскольку речь идет о целостной структуре компонентов, организованной иерархически, отдельные компоненты

сопряжены друг с другом и характеризуются свойством взаимной компенсации либо совместного действия в соответствующей ситуации регуляции поведения.

Структура адаптационной готовности включает разноуровневые характеристики, имеющие неравное значение для ее целостности. Наиболее важной ее составляющей являются установочные комплексы, формируемые за счет накапливаемого опыта адаптации. При этом даже незначительного, но значимого успешного опыта может быть достаточно для формирования образа-критерия, с которым будут соотноситься новые ситуации еще до начала приспособления как *преадаптации*. Иначе говоря, настройка на приспособление, принятие решения адаптироваться связано именно с задействованием адаптационной готовности.

Адаптационная готовность не может использоваться для прогноза успешной адаптации в каких-либо сферах, но является ее необходимым условием, поскольку она выступает как предрасположенность, но не достаточное условие успешности адаптации. Соответственно для познания всей картины детерминации необходимо поместить адаптационную готовность в ряд характеристик личности и субъекта, благодаря которым осуществляется адаптация.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-06-10624).

Список литературы

1. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал : его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журн. 2001. Т. 22, № 1. С. 16–24.
2. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А., Пономоренко В. А. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях. Минск, 1985. 206 с.
3. Парыгин Б. Д. Социальная психология. СПб., 2003. 616 с.
4. Григорьева М. В. Адаптационная готовность лич-

Образец для цитирования:

Шамионов Р. М. Структура адаптационной готовности личности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 454–458. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-454-458.

Structure of Personal Adaptation Readiness

R. M. Shamionov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: shamionov@mail.ru

The theoretical aspects of adaptation readiness of the person are discussed. An original definition of adaptation as a state of readiness, accompanied by mental stress, allowing to preserve the mood of the

ности в условиях неопределенности // Социальный мир человека. Вып. 6. Ижевск, 2016. С. 275–277.

5. Шамионов Р. М. Адаптационная готовность выпускников школы и первокурсников вуза во взаимосвязи с социально-психологическими факторами // Психология обучения. 2012. № 11. С. 116–123.
6. Григорьев А. В. Личностные качества и характеристики отношений к активности как предикторы социально-психологической адаптации личности в зависимости от направленности реализуемой активности // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 630. URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=14546> (дата обращения: 16.05.2016).
7. Григорьева М. В., Локаткова О. Н. Структура психологической готовности выпускников школ к взаимодействию с образовательной средой вуза // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 2. С. 103–108.
8. Шамионов Р. М. Соотношение адаптационной готовности и социальной активности личности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. Т. 5, № 2. С. 72–80.
9. Тарасова Л. Е. Адаптационная готовность : дефиниция термина // Перспективы науки. 2015. № 7 (70). С. 26–29.
10. Мансурова И. С., Ежак Е. В., Кошко К. Н. Надежда как фактор совладающего поведения в значимых жизненных ситуациях // Научная мысль Кавказа. 2012. № 2 (70). С. 65–70.
11. Петровский В. А. Личность в психологии : парадигма субъективности. Ростов-н/Д, 1996. С. 320–335.
12. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М., 1992. 224 с.
13. Григорьева М. В. Понятийный аппарат психологии адаптации личности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 3. С. 259–263.
14. Бочарова Е. Е. Адаптационная готовность личности к ситуациям социальных изменений // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, вып. 1. С. 45–51.
15. Шамионов Р. М. Адаптационная готовность личности – субъекта социального взаимодействия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 106–112.

person to adjust to significant from the point of view of realization of the situation and needs including understanding of the desired (successfully) its outcome, as well as the permissible means and actions, and its structure revealed. It was noted that the most important two layers adaptation readiness: dispositional effects of different levels to be included in the adaptation process and maintaining its intensity to the desired degree of adaptability and phenomena that the subjective criteria of adaptation are characterize.

Key words: personality, subject, adaptation readiness, structure, disposition.

References

1. Maklakov A. G. Lichnostnyy adaptatsionnyy potentsial: ego mobilizatsiya i prognozirovaniye v ekstremalnykh usloviyakh (Personal adaptation potential: mobilization and forecasting in extreme conditions). *Psikhologicheskii zhurnal* (Psychological Journal), 2001, vol. 22, no. 1, pp. 16–24.
2. Dyachenko M. I., Kandybovich L. A., Ponomorenko V. A. *Gotovnost k deyatelnosti v napryazhennykh situatsiyakh* (Readiness to work in stressful situations). Minsk, 1985. 206 p.
3. Parygin B.D. *Sotsialnaya psikhologiya* (Social Psychology). St.-Petersburg, 2003. 616 p.
4. Grigoryeva M. V. Adaptatsionnaya gotovnost lichnosti v usloviyakh neopredelennosti (Adaptation readiness of the individual in the conditions of uncertainty). *Sotsialnyy mir cheloveka* (The social world of man). Vyp.6. Izhevsk, 2016, pp. 275–277.
5. Shamionov R. M. Adaptatsionnaya gotovnost vypusknikov shkoly i pervokursnikov vuza vo vzaimosvyazi s sotsialno-psikhologicheskimi faktorami (Adaptation readiness school graduates and university freshmen in relation to social and psychological factors). *Psikhologiya obucheniya* (Psychology education), 2012, no. 11, pp. 116–123.
6. Grigoryev A. V. Lichnostnye kachestva i kharakteristiki otnosheniy k aktivnosti kak prediktory sotsialno-psikhologicheskoy adaptatsii lichnosti v zavisimosti ot napravlenosti realizuemykh aktivnosti (Personality qualities and characteristics of attitudes to the activity as predictors of social and psychological adaptation of the person, depending on the orientation of implemented activities). *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* (Modern problems of science and education), 2014, no. 5. P. 630. Available at: <http://www.science-education.ru/article/view?id=14546> (accessed 16 May 2016).
7. Grigoryeva M. V., Lokatkova O. N. Struktura psikhologicheskoy gotovnosti vypusknikov shkol k vzaimodeystviyu s obrazovatel'noy sredoy vuza (Structure of Psychological Readiness of Comprehensive School Graduates for Interaction with University Educational Environment). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2014, vol. 3, iss. 2, pp. 103–108.
8. Shamionov R.M. Sootnoshenie adaptatsionnoy gotovnosti i sotsialnoy aktivnosti lichnosti (The ratio adaptation readiness and social activity of the individual). *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya* (Theoretical and Experimental Psychology), 2012, vol. 5, no. 2, pp. 72–80.
9. Tarasova L. E. Adaptatsionnaya gotovnost: definitsiya termina (Adaptation readiness: the definition of the term). *Perspektivy nauki* (Perspectives of Science), 2015, no. 7 (70), pp. 26–29.
10. Mansurova I. S., Ezhak E. V., Koshko K. N. Nadezhda kak faktor sovladayushchego povedeniya v znachimykh zhiznennykh situatsiyakh (Hope as a factor of coping behavior in important situations of life). *Nauchnaya mysl Kavkaza* (Scientific Thought of the Caucasus), 2012, no. 2 (70), pp. 65–70.
11. Petrovskiy V. A. *Lichnost v psikhologii: paradigma subektivnosti* (Personality psychology: the paradigm of subjectivity). Rostov-on-Don, 1996, pp. 320–335.
12. Petrovskiy V. A. *Psikhologiya neadaptivnoy aktivnosti*. Moscow, 1992. 224 p.
13. Grigoreva M. V. Ponyatiynnyy apparat psikhologii adaptatsii lichnosti (Concept Apparatus in Psychology of Personality's Adaptation). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2014, vol. 3, iss. 3, pp. 259–263.
14. Bocharova E.E. Adaptatsionnaya gotovnost lichnosti k situatsiyam sotsialnykh izmeneniy (Adaptation readiness of personality to situations of social changes). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2015, vol. 4, iss. 1, pp. 45–51.
15. Shamionov R. M. Adaptatsionnaya gotovnost lichnosti – subekta sotsial'nogo vzaimodeystviya (Adaptation readiness of the personality as a subject of social interaction). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2015, vol. 15, iss. 4, pp. 106–112.

Please cite this article in press as:

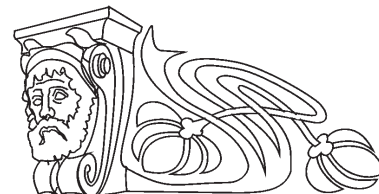
Shamionov R. M. Structure of personal adaptation readiness. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 454–458. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-454-458.

УДК 159.923.316.6

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ НАРКОПОТРЕБЛЕНИЯ НИГЕРИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Экедегва Ринго Окпачу – аспирант кафедры общей и социальной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ringostarillac13@gmail.com

Статья посвящена теоретическому анализу основных социально-психологических факторов вовлечения в наркопотребление молодежи Нигерии. Обосновываются актуальность и значимость исследования социально-психологических оснований приобщения к употреблению наркотиков молодежи. Анализируются основные теории вовлечения личности в употребление запрещенных психоактивных веществ, рассматривается современное состояние данной проблемы. Отмечаются свойственные только подросткам и молодым людям качественные отличия на всех уровнях личности, такие как повышенная внушаемость, интенсивная потребность в идентификации со сверстниками, сниженный самоконтроль, отсутствие жизненного опыта, процесс индивидуации. Причины наркопотребления нигерийской молодежи связаны с симптомокомплексом факторов: биологических предпосылок, социокультурных структур, психологических коррелятов, обстоятельств среды пребывания. Приводятся гипотезы будущего научного эмпирического исследования.

Ключевые слова: наркомания, наркотизация, приобщение к наркотикам, социально-психологические причины употребления наркотиков.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-459-465

Наркомания является серьезной социально-психологической проблемой, привлекающей внимание исследователей разных дисциплин: психологов, медиков, социологов, а также специалистов-практиков, занимающихся вопросами религии, права, консультирования и семейной политики. Кроме того, само общество заинтересовано в снижении количества наркопотребителей в каждой стране. Наркомания – это национальная и международная проблема, которая требует безотлагательного решения в связи с угрожающей скоростью вовлечения молодежи в употребление запрещенных веществ.

Согласно Всемирному докладу о наркотиках Управления ООН по наркотикам и преступности [1], нелегальное употребление наркотических веществ напрямую связано с криминализацией общества, причем данные связи могут быть разнообразными: совершение корыстных преступлений с целью последующего приобретения наркотиков, рост агрессивного и насильственного поведения, вследствие чего количество наркозависимых лиц больше среди преступников, чем среди законопослушных граждан.

По данным ВОЗ (2013–2015 гг.), около 33 млн человек (0,7% взрослого населения в мире) употребляет опиоиды, 181,8 млн чел. – каннабиноиды, 17 млн чел. – кокаин, 33,9 млн чел. – амфетаминоподобные вещества и др. психостимуляторы. Всего около 246 млн человек, или каждый 20-й в мире имеют опыт употребления запрещенных наркотических веществ [2]. Стоит отметить, что в этом случае речь идет именно о запрещенных веществах и эти статистические данные не включают различные медикаментозные наркотические вещества, а также алкоголь, табак и кофеин.

В настоящее время полные достоверные данные об употреблении наркотиков в Нигерии отсутствуют. По данным NDLEA (Нигерийское национальное агентство по соблюдению законов об наркотиках), известно, что в 2014 г. 8843 человека были арестованы за незаконный оборот наркотических средств [3]. По данным О. Famuyiwa, О. F. Aina, О. М. Bankole-Oki [4], от 4,0 до 4,8% школьников употребляют запрещенные наркотические вещества – каннабис, героин и кокаин. По другим данным, около 1% нигерийских молодых людей принимают наркотики [1, 5].

Наркотические вещества представляют собой субстанции химического либо растительного происхождения, содержащие компоненты, которые могут привести к изменению биологических функций человека посредством химического воздействия [6]. Наркотические вещества изменяют психические процессы – восприятие, память, мышление – и эмоциональные характеристики – настроение, поведение – и функционирование организма [7]. Употребление подростками наркотиков является одним из самых тревожных социальных явлений, связанных с психологическим и физиологическим здоровьем нации как в Нигерии, так и в других странах.

Современные социально-психологические проблемы молодежи в Нигерии – кризисы семейных отношений, низкая самооценка, эмоциональный стресс, отсутствие навыков совладания, социальная неопределенность, побеги из дома, наличие делинквентных групп сверстников –

становятся теми социально-психологическими детерминантами, которые снижают жизнестойкость подростка и приводят его к употреблению наркотических веществ.

При оценке социально-психологических факторов наркотизации молодежи стоит учитывать характерный именно для данной группы лиц уникальный период психического развития. Подросткам свойственны качественные отличия на всех уровнях личности, такие как повышенная внушаемость, потребность в идентификации с себе подобными индивидами, сниженный самоконтроль, отсутствие жизненного опыта, процесс индивидуации и желание поскорее войти во взрослую жизнь в том субъективном плане, каким его видят молодые люди.

Разрушительная и деморализующая природа наркомании привлекает внимание организаций как на национальном, так и на международном уровнях, которые также обеспокоены распространением этого бедствия среди молодежи в Нигерии. Наркотогровля встроена в экономические и социальные отношения государств, что усложняет борьбу с ней. Многие правительства вводят суровые наказания за оборот наркотиков и возлагают контроль на такие организации по борьбе с наркотиками, как ФСКН в России или NDLEA в Нигерии. Подобные организации не только борются непосредственно с наркотогровлей, но также занимаются проблемами реабилитации наркоманов, контролем территорий, где могут быть нелегальные плантации, и пр.

В научной литературе используется ряд базовых социально-психологических теорий для объяснения причин употребления наркотиков среди молодежи в Нигерии, к ним относятся теории – научения, личностных черт, биологические, социокультурные и некоторые другие [8].

Согласно биологической теории употребления наркотиков, склонность личности к приему наркотически средств определяется биологическими или генетическими факторами, которые делают ее уязвимой к наркомании [9].

Теория потребностей, предложенная А. Маслоу [10], предполагает, что у каждого человека имеется определенная иерархия потребностей, которые он стремится удовлетворить. Сторонники [11, 12] данного подхода считают, что приобщение к употреблению наркотиков связано с фрустрацией в связи с неудовлетворенностью основных потребностей индивида – в физиологической и социальной защищенности, любви, общности, самореализации, уважении и др. Наркотики помогают либо заменить нереализованные потребности, либо через общение с наркозависимыми личностями избавиться от

излишней фрустрации. Индивид, который успешно реализовал основные потребности, может достичь поставленных целей. Он мотивирован, характеризуется высоким уровнем развития социальных отношений. Моральные ценности такого субъекта будут защищать его от вовлечения в наркопотребление. В то же время лица, которые не смогли успешно реализовать себя, более склонны к употреблению наркотиков в связи с доминированием ложных чувств: уверенности в себе, ответственности и безопасности.

В теории личностных черт [13, 14] употребление наркотиков связано с выраженностью определенных качеств у индивидов, злоупотребляющих ими: эти качества – импульсивность, стремление к немедленному удовлетворению потребностей, низкая толерантность к фрустрации, высокая эмоциональная зависимость от других людей, низкая самооценка. Индивидам с подобными особенностями личности трудно воздержаться от употребления наркотических средств. Среди собственно психологических факторов традиционно выделяют сниженный эмоциональный контроль, в существенной степени повышающий риск приобщения к тяжелым опиоидным наркотикам и в незначительной степени увеличивающий вероятность употребления каннабиноидов [15, 16].

Значимым прогностическим критерием употребления тяжелых наркотиков являются поведенческие характеристики самой личности, такие как ранний срок начала и частота употребления каннабиноидов [17] и «социально приемлемых» наркотиков (алкоголь, табак) [18], наличие других форм девиантного и противоправного поведения в подростковом возрасте (побеги из дома, воровство и пр.) [19].

Рассмотрим теории научения, к ним относятся те, которые основаны на оперантном обусловливании и теории социального научения: в классической индивид употребляет наркотики исключительно из гедонистических мотивов. С позиций более поздних подходов подросток, видя высокую популярность и успешность употребляющих наркотики индивидов, сам может прийти к решению попробовать наркотические вещества [20, 21].

Значимыми факторами для вовлечения подростков в наркоманию являются безнадзорность и общение с уличными девиантными компаниями [22]. Само общение со значимыми сверстниками, употребляющими наркотики, способствует приобщению подростка к употреблению запрещенных веществ [23, 24]. Подобная стратегия способствует избавлению от тревоги и напряженности, родительского контроля, изо-

ляции и чувства одиночества. J. J. Nevadomsky и O. Kiiru [25, 26] отмечают, что для употребляющего наркотики подростка очень важно одобрение группы. Давление со стороны сверстников может быть положительным или отрицательным в зависимости от их отношения к приему психоактивных веществ. Психологическое воздействие со стороны сверстников может быть связано с противоправным поведением, что толкает индивидуума к девиации. O. Kiiru [26] выявил, что употребление наркотиков часто основано на ложном впечатлении от наблюдения за другими подростками, которые заявляли, что наркотики позволили им стать сильнее, умнее, мужественнее и устойчивее к жизненным неприятностям.

Поисковые модели (sensation-seeking patterns) исходят из рационального подхода, согласно которому личность осознанно ищет новых ощущений, а свое поведение воспринимает как норму [27]. Исходя из этой теории, полагаем, что проблема наркомании связана с недостаточной информированностью молодежи обо всех подлинных последствиях употребления психоактивных веществ [28].

M. Stenbacka, P. Allebeck, A. Romelsjo [16] исследовали социальные факторы приобщения молодежи к употреблению наркотиков. Было выявлено, что низкий социальный статус и бедность в незначительной степени способствуют вовлечению в наркопотребление по сравнению с другими факторами, такими как характеристика семейных взаимоотношений. В умеренной степени, с точки зрения авторов, на данный феномен влияют употребление алкоголя отцом и ситуация развода родителей. В значительной степени прогностическим критерием является факт потребления наркотиков, особенно инъекционных, родителями.

Одним из социально-психологических подходов к рассмотрению причин вовлечения в наркопотребление является анализ семейного влияния, в соответствии с которым нарушение нормального функционирования семьи является одним из факторов наркотизации подростков [29, 30].

M. Stanton [31] разрабатывал гомеостатическую модель наркомании, основанную на цикле развития семьи: потребление наркотиков обычно начинается в подростковом возрасте. Это связано с интенсивным страхом родных перед естественной эмансипацией в ответ на попытки подростка в индивидуации: в таком случае семья застревает на определенной стадии развития. Наркотические вещества становятся одним из путей решения проблемы для подростка, однако такой способ приводит лишь к псевдоиндивидуации. Таким

образом, по словам J. Haley [32], одной из причин употребления наркотиков является застревание на определенном этапе развития семьи.

V. K. Alexander, G. S. Dibb [33] отмечали влияние факта эмиграции семьи на вовлечение молодых людей в наркопотребление. Риск приобщения детей мигрантов к наркотическим веществам значимо выше по сравнению как с коренными жителями, так и с изначальной страной проживания. Этот факт, по мнению авторов, объясняется нестабильностью семьи, разрушением привычных связей, нелояльностью населения и отсутствием эмоциональной поддержки подростков со стороны окружающих.

T. L. Anderson [34], исходя из своей теории культурной идентичности, связывал наркопотребление с разрушением идентификации индивида с традиционной культурой поведения. С точки зрения автора, различные психологически травматичные события (например, жестокое обращение с детьми, исключение из школы, смена места жительства, смерть значимых других) или низкий социально-экономический статус в результате могут привести к формированию негативной идентичности, к уменьшению влияния родной культуры на индивида и приобщению к наркогенной субкультуре.

В гендерном подходе изучается наркотизация молодежи через понимание гендерных различий. Так, согласно T. L. Anderson [35], семейные проблемы больше влияют на вовлечение в потребление наркотических веществ девушек, чем молодых мужчин. Дополнительным фактором у женщин является психотравматический опыт сексуального и физического насилия, полученный ими, в том числе и в детстве [36]. Для юношей более характерно совмещение употребления наркотиков и криминальных деликтов, в то время как для девушек наркотики связаны с возможностью преодоления травматического стресса. Кроме того, для девушек-наркоманок более характерен интернальный локус контроля, а для юношей-наркоманов – экстернальный [37].

Экзистенциальная теория наркотической зависимости противопоставляется бихевиористической модели научения и исходит из идей экзистенциальной психологии и философии, которые связывают наркопотребление с негативным феноменальным и эмоциональным состоянием человека, с его чувством потери смысла жизни, ощущением собственной недееспособности [38].

В настоящее время в Нигерии такие наркотики, как каннабиноиды являются широко доступными и распространенными. Эта легкая доступность наркотиков, с позиции исследователей, придерживающихся теории доступности

[22], является одним из важнейших факторов, способствующих приобщению молодежи к употреблению запрещенных психоактивных веществ. В Нигерии рост наркопотребления можно связывать с легкой доступностью и большим распространением в разных слоях общества каннабиноидов и других наркотических веществ.

S. N. Ekpenyong [39] отмечает глубокое проникновение наркогенной субкультуры в школы, университеты и другие социальные учреждения Нигерии, результатом является укоренение девиантного поведения. Постоянное употребление наркотических веществ приводит к отчислению подростков из школ, их приобщению к криминальным группировкам, росту зараженности ВИЧ-инфекцией.

Специфика Нигерии в том, что эта страна один из важных пунктов производства и переработки наркотических средств в мире благодаря своему климату и географическому положению [40]. Из-за этого большое количество молодежи не только вовлекается в наркопотребление, но и вербуются в криминальные сообщества, занимающиеся выращиванием и сбытом запрещенных веществ. Кроме того, растёт число преступлений, прямо или косвенно связанных с употреблением наркотиков.

На основе проведенного теоретического анализа можно сделать вывод: социально-психологические детерминанты употребления наркотиков в среде нигерийской молодежи можно объяснить сложным симптомокомплексом факторов, куда входят социокультурные структуры, психологических корреляты, факторы окружающей среды.

Проблема приобщения подростков и молодых людей к употреблению наркотиков является крайне значимой и серьезной как в Нигерии, так и во всём мире. В то же время, несмотря на многочисленные теории наркотизации личности, не существует единой системы, способствующей пониманию всех факторов формирования наркозависимого поведения. Тем не менее от разрешения данной психологической проблемы зависит и избавление общества от многих социальных проблем – ВИЧ, коррупции, рабства, проституции, преступности, вовлечения молодежи в наркотрафик, воровства, грабежей, убийств и изнасилований. Кроме того, всестороннее исследование процесса наркотизации молодежи позволит создать эффективные институты ресоциализации и реадaptации бывших наркоманов, вернуть их в нормальный социум и, главное, развивать качественные методы психопрофилактики наркопотребления исходя из реальной общественной потребности. Однако для этого

необходимо задействовать все общественные и государственные структуры, само общество и каждого его члена для формирования единой базы противодействия наркотикам. Только решив комплексно все социальные, экономические и культурно-психологические проблемы, возможно если не искоренить, то свести к минимуму употребление наркотиков в каждой стране и во всем мире, а значит нравственно оздоровить общество.

В дальнейшем мы предполагаем продолжить исследование и проверить гипотезу влияния отдельных стадий личностного развития подростка на особенности приобщения к употреблению наркотических средств.

Список литературы

1. Всемирный доклад ООН о наркотиках – 2012 // Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Вена. 2012. URL: http://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR2012/WDR_2012_Russian_web.pdf (дата обращения: 20.04.2016).
2. Всемирный доклад о наркотиках – 2015. Резюме // Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. URL: http://www.unodc.org/documents/wdr2015/WDR15_ExSum_R.pdf (Дата обращения: 23.04.2016).
3. National Drug Law Enforcement Agency, Federal Ministry of Justice (Federal Republic of Nigeria). 2014: annual report. Pagination is indicated // NDLEA official website. URL: <http://www.ndlea.gov.ng/v1/?q=content/annual-report> (дата обращения: 10.12.2015).
4. Famuyiwa O., Aina O. F., Bankole-Oki O. M. Epidemiology of psychoactive drug use amongst adolescents in metropolitan Lagos, Nigeria // *European Child & Adolescent Psychiatry*. 2011. Vol. 20, iss. 7. P. 351–359.
5. Oye-Adeniran B. A., Aina O. F., Gbadegesin A., Ekanem E. E. Substance use and sexual behaviour among female students in Nigerian universities // *International Quarterly of Community Health Education*. 2014. Vol. 35, iss. 1. P. 73–83.
6. Okoye N. N. The adolescents and hard drugs : A psychological concern in R.U.N // *The Nigerian adolescent in perspective*. Eds. R. O. Okonkwo, N. N. Okoye. Makurdi, 2001. 236 p.
7. Balogun S. K. Chronic intake of separate and combined alcohol and nicotine on body maintenance among albinorats // *Journal of Human Ecology*. 2006. Vol. 19, iss. 1. P. 21–24.
8. Shoemaker D. *Theories of Delinquency : An Examination of Explanations of Delinquent Behaviour*. N.Y., 1984. 400 p.
9. Dick D. M., Agrawal A. The genetics of alcohol and other drug dependence // *Alcohol Research & Health*. 2008. Vol. 31, № 2. P. 111–118.
10. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2016. 400 с.

11. Henwood B. F., Derejko K., Couture J., Padgett D. K. Maslow and mental health recovery: a comparative study of homeless programs for adults with serious mental illness // Administration and Policy in Mental Health and Mental Health Services Research. 2014. Vol. 42, iss 2. P. 220–228.
12. SAMHSA announces a working definition of «recovery» from mental disorders and substance use disorders // Substance Abuse and Mental Health Services Administration. URL: <http://www.samhsa.gov/newsroom/press-announcements/201112220800> (дата обращения: 11.04.2016).
13. Fareo D. O. Drug abuse among Nigerian adolescents strategies for counseling // The Journal of International Social Research. 2012. Vol. 5, iss. 20. P. 341–347.
14. Grekin E. R., Sher K. J., Wood P. K. Personality and substance dependence symptoms : modeling substance-specific traits // Psychology of Addictive Behaviors. 2006. Vol. 20, № 4. P. 415–424.
15. Davstad I., Allebeck P., Leifman A., Stenbacka M., Romelsjö A. Self-reported drug use and mortality among a nationwide sample of Swedish conscripts – a 35-year follow-up // Drug and Alcohol Dependence. 2011. Vol. 118, iss. 2–3. P. 383–390.
16. Stenbacka M., Allebeck P., Romelsjö A. Initiation into drug abuse : The pathway from being offered drugs to trying cannabis and progression to intravenous drug abuse // Scandinavian journal of social medicine. 1993. Vol. 21, №. 1. P. 31–39.
17. Meyer R. E., Pillard R. C., Mirin S. M., Shapiro L. M. Administration of marihuana to heavy and casual marihuana users // American Journal Psychiatry. 1971. Vol. 128. P. 198–204.
18. Abdulkarim A. A. Drug use among adolescents in Ilorin, Nigeria // Tropical Doctor. 2005. Vol. 35, №. 4. P. 225–228.
19. Tomas J. M., Vlahov D., Anthony J. C. Association between intravenous drug abuse and early misbehavior // Drug Alcohol Depend. 1990. № 25. P. 79–89.
20. Akers R. L., Krohn M. D., Lanza-Kaduce L., Radosevich M. Social learning and deviant behavior : A specific test of a general theory // American Psychological Review. 1979. Vol. 44, № 4. P. 636–655.
21. Koritzky G., Luria A., Yechiam E. A model of the initial stages of drug abuse : From reinforcement learning to social contagion. URL: http://www-bcf.usc.edu/~koritzky/chapter_final.pdf (дата обращения: 13.04.2016).
22. Morakinyo J., Odejide A. O. A community based study of patterns of psychoactive substance use among street children in a local government area of Nigeria // Drug and Alcohol Dependence. 2003. Vol. 71, iss. 2. P. 109–116.
23. Ajayi I. A., Ayodele J. B. History and development of education in Ado-Ekiti. Ado-Ekiti, 2002. 118 p.
24. Abdu-Raheem B. O. Sociological Factors to Drug Abuse and the Effects on Secondary School Students' Academic Performance in Ekiti and Ondo States, Nigeria // Contemporary Issues In Education Research. 2013. Vol. 6, № 2. URL: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1073210.pdf> (дата обращения: 28.04.2016).
25. Nevadomsky J. J. Patterns of self reported drug abuse among secondary school students in Bendel state, Nigeria // Bulletin on Narcotics. 1981. Vol. 33. № 1. P. 9–19.
26. Kiiru D. Youth in Peril: Alcohol and Drug Abuse in Kenya. Nairobi, 2004. 192 p.
27. Igra V., Irwin C. E. Theories of adolescent risk behavior // Handbook of Adolescent Health Risk Behaviour. Eds. R. J. DiClemente, W. B. Hansen, L. E. Ponton. N.Y., 1996. P. 35–51.
28. McNeese C. A., DiNitto D. M. Chemical dependency : A systems approach. Boston, 2011. 600 p.
29. Калашникова В. Ю. Социально-психологические причины приобщения подростков к наркотикам // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6–1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-prichiny-priobshcheniya-podrostkov-k-narkotikam> (дата обращения: 27.04.2016).
30. Жиляев А. Г., Палачева Т. И. Наркотизация как социальная и психологическая проблема // Казан. пед. журн. 2010. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/narkotizatsiya-kak-sotsialnaya-i-psihologicheskaya-problema> (дата обращения: 28.04.2016).
31. Stanton M. D. Family therapy of drug abuse and addiction. N.Y., 1982. 474 p.
32. Haley J. Uncommon Therapy. N.Y., 1993. 320 p.
33. Alexander B. K., Dibb G. S. Opiate addicts and their parents // Family Process. 1975. Vol. 14, iss. 4. P. 499–514. Version of Record online 2014. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1545-5300.1975.00499.x/pdf> (дата обращения: 30.04.2016).
34. Anderson T. L., Levy J. A. Marginality Among Older Injectors in Today's Illicit Drug Economy : Assessing the Impact of Ageing // Addiction. 2003. Vol. 98. P. 761–770. URL: <https://www.udel.edu/soc/tammya/pdfs/Drug%20Use%20and%20Gender.pdf> (дата обращения: 25.04.2016).
35. Anderson T. L. A cultural-identity theory of drug abuse // Sociology of Crime, Law, and Deviance. 1998. Vol. 1. P. 233–262.
36. Principles of drug addiction treatment A research-based guide. Third ed. // National Institute on Drug Abuse. 2012. URL: https://www.drugabuse.gov/sites/default/files/podat_1.pdf (дата обращения: 25.04.2016).
37. Do girls and boys have different treatment needs? Principles of adolescent substance use disorder treatment : a research-based guide. 2014. // National institute of drug abuse. URL: <https://www.drugabuse.gov/publications/principles-adolescent-substance-use-disorder-treatment-research-based-guide/frequently-asked-questions/do-girls-boys-have-different-treatment-needs> (дата обращения: 20 апреля 2016).
38. Greaves G. Toward an existential theory of drug-dependence // Journal of Nervous and Mental Disease. 1974. Vol. 159. P. 263–274.
39. Ekpenyong S. N. Drug abuse in nigerian schools: a study of selected secondary institutions in Bayelsa State, Nigeria // International Journal of Scientific Research in Education. 2012, Vol. 5 (3). P. 260–268.

40. *Andrés A. P.* Organised crime, drug trafficking, terrorism : the new Achilles' heel of West Africa. URL: http://fride.org/download/COM_Achilles_heel_eng_may08.pdf (дата обращения: 20.03.2016).

fride.org/download/COM_Achilles_heel_eng_may08.pdf (дата обращения: 20.03.2016).

Образец для цитирования:

Экедегва Р. О. Социально-психологические детерминанты наркопотребления нигерийской молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 459–465. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-459-465.

Social and Psychological Determinants of Drug Abuse by Young People in Nigeria

R. O. Ekedegwa

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: ringostarillac13@gmail.com

The article is devoted to theoretical analysis of basic social and psychological factors in drug use involving the Nigerian youth. Substantiates the relevance and significance of the study of social and psychological bases of familiarizing young people to use drugs. The author analyzes the basic theory of the person engaging in illicit drug use, considering the current state of the problem. There have been unique to adolescents and young people to qualitative differences at all levels of the personality, such as heightened suggestibility, intense need to identify with their peers, reduced self-control, lack of life experience, the process of individuation. The reasons for the Nigerian youth drug use associated with symptom factors: the biological background, socio-cultural structure, psychological correlates circumstances stay environment. On top of the author cites the hypothesis of future scientific empirical research.

Key words: addiction, anesthesia, introduction to drugs, social and psychological causes of drug use.

References

1. Vsemirnyy doklad OON o narkotikakh – 2012 (UNO the World Drug Report – 2012). *Upravlenie organizatsii obedinennykh natsiy po narkotikam i prestupnosti* (United Nations Office on Drugs and Crime). Vena, 2012. Available at: http://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR2012/WDR_2012_Russian_web.pdf (accessed 20 April 2016).
2. Vsemirnyy doklad o narkotikakh – 2015. Rezyume (UNO The World Drug Report – 2015. Summary). *Upravlenie Organizatsii Obedinennykh Natsiy po narkotikam i prestupnosti* (United Nations Office on Drugs and Crime). Available at: http://www.unodc.org/documents/wdr2015/WDR15_ExSum_R.pdf (accessed 23 March 2016).
3. National Drug Law Enforcement Agency, Federal Ministry of Justice (Federal Republic of Nigeria) 2014 Annual Report. Pagination is indicated. *NDLEA official website*. Available at: <http://www.ndlea.gov.ng/v1/?q=content/annual-report> (accessed 10 December 2015).
4. Famuyiwa O., Aina O. F., Bankole-Oki O. M. Epidemiology of psychoactive drug use amongst adolescents in metropolitan Lagos, Nigeria. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 2011, vol. 20, iss. 7, pp. 351–359.
5. Oye-Adeniran B. A., Aina O. F., Gbadegesin A., Ekanem E. E. Substance use and sexual behaviour among female students in Nigerian universities. *International*

- Quarterly of Community Health Education*, 2014, vol. 35, iss. 1, pp. 73–83.
6. Okoye N. N. The adolescents and hard drugs: A psychological concern in R.U.N. *The Nigerian adolescent in perspective*. Eds. R. O. Okonkwo, N. N. Okoye. Makurdi, 2001. 236 p.
7. Balogun S. K. Chronic intake of separate and combined alcohol and nicotine on body maintenance among albinorats. *Journal of Human Ecology*, 2006, vol. 19, iss. 1, pp. 21–24.
8. Shoemaker D. Theories of Delinquency: An Examination of Explanations of Delinquent Behaviour. New York, 1984. 400 p.
9. Dick D. M., Agrawal A. The genetics of alcohol and other drug dependence. *Alcohol Research & Health*, 2008, vol. 31, no. 2, pp. 111–118.
10. Maslow A. *Motivatsiya i lichnost* (Motivation and personality). Saint-Petersburg, 2016. 400 p.
11. Henwood B. F., Derejko K., Couture J., Padgett D. K. Maslow and mental health recovery: a comparative study of homeless programs for adults with serious mental illness. *Administration and Policy in Mental Health and Mental Health Services Research*, 2014, vol. 42, iss. 2, pp. 220–228.
12. SAMHSA announces a working definition of «recovery» from mental disorders and substance use disorders. *Substance Abuse and Mental Health Services Administration*. Available at: <http://www.samhsa.gov/newsroom/press-announcements/201112220800> (accessed 11 April 2016).
13. Fareo D. O. Drug abuse among Nigerian adolescents strategies for counseling. *The Journal of International Social Research*, 2012, vol. 5, iss. 20, pp. 341–347.
14. Grekin E. R., Sher K. J., Wood P. K. Personality and substance dependence symptoms: modeling substance-specific traits. *Psychology of Addictive Behaviors*, 2006, vol. 20, no. 4, pp. 415–424.
15. Davstad I., Allebeck P., Leifman A., Stenbacka M., Romelsjö A. Self-reported drug use and mortality among a nationwide sample of Swedish conscripts – A 35-year follow-up. *Drug and Alcohol Dependence*, 2011, vol. 118, iss. 2–3, pp. 383–390.
16. Stenbacka M., Allebeck P., Romelsjö A. Initiation into drug abuse: The pathway from being offered drugs to trying cannabis and progression to intravenous drug abuse. *Scandinavian journal of social medicine*, 1993, vol. 21, no. 1, pp. 31–39.
17. Meyer R. E., Pillard R. C., Mirin S. M., Shapiro L. M. Administration of marihuana to heavy and casual marihuana users. *American Journal Psychiatry*, 1971, vol. 128, pp. 198–204.

18. Abdulkarim A. A. Drug use among adolescents in Ilorin, Nigeria. *Tropical Doctor*, 2005, vol. 35, no. 4, pp. 225–228.
19. Tomas J. M., Vlahov D, Anthony J. C. Association between intravenous drug abuse and early misbehavior. *Drug Alcohol Depend*, 1990, no. 25, pp. 79–89.
20. Akers R. L., Krohn M. D., Lanza-Kaduce L., Radosevich M. Social learning and deviant behavior : A specific test of a general theory. *American Psychological Review*, 1979, vol. 44, no. 4, pp. 636–655.
21. Koritzky G., Luria A., Yechiam E. A model of the initial stages of drug abuse: From reinforcement learning to social contagion. Available at: http://www-bcf.usc.edu/~koritzky/chapter_final.pdf (accessed 13 April 2016).
22. Morakinyo J., Odejide A. O. A community based study of patterns of psychoactive substance use among street children in a local government area of Nigeria. *Drug and Alcohol Dependence*, 2003, vol. 71, iss. 2, pp. 109–116.
23. Ajayi I. A., Ayodele J. B. *History and development of education in Ado-Ekiti*. Ado-Ekiti, Nigeria, 2002. 118 p.
24. Abdu-Raheem B. O. Sociological Factors To Drug Abuse And The Effects On Secondary School Students' Academic Performance In Ekiti And Ondo States, Nigeria. *Contemporary Issues In Education Research*, 2013, vol. 6, no. 2. Available at: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1073210.pdf> (accessed 28 April 2016).
25. Nevadomsky J. J. Patterns of self reported drug abuse among secondary school students in Bendel state, Nigeria. *Bulletin on Narcotics*, 1981, vol. 33, no. 1, pp. 9–19.
26. Kiiru D. *Youth in Peril: Alcohol and Drug Abuse in Kenya*. Nairobi, 2004. 192 p.
27. Igra V., Irwin C. E. Theories of adolescent risk behavior. *Handbook of Adolescent Health Risk Behaviour*. Eds. R. J. DiClemente, W. B. Hansen, L. E. Ponton. New York, 1996, pp. 35–51.
28. McNeece C. A., DiNitto D. M. *Chemical dependency: A systems approach*. Boston, 2011. 600 p.
29. Kalashnikova V. Yu. Sotsialno-psikhologicheskie prichiny priobshcheniya podrostkov k narkotikam (Social psychological causes initiation of adolescents Drugs). *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya* (International journal of experimental education), 2014, no. 6–1. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-prichiny-priobshcheniya-podrostkov-k-narkotikam> (accessed 27 April 2016).
30. Zhilyaev A. G., Palacheva T. I. Narkotizatsiya kak sotsialnaya i psikhologicheskaya problema (Narcotization as a social and psychological problem). *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* (Kazan pedagogical journal), 2010, no. 2. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/narkotizatsiya-kak-sotsialnaya-i-psihologicheskaya-problema> (accessed 28 April 2016).
31. Stanton M. D. *Family Therapy of Drug Abuse and Addiction*. New York, 1982. 474 p.
32. Haley J. *Uncommon Therapy*. New York, 1993. 320 p.
33. Alexander B. K., Dibb G. S. Opiate Addicts and Their Parents. *Family Process*, 1975, vol. 14, iss. 4, pp. 499–514. Version of Record online 2014. Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1545-5300.1975.00499.x/pdf> (accessed 30 April 2016).
34. Anderson T. L., Levy J. A. Marginality Among Older Injectors in Today's Illicit Drug Economy: Assessing the Impact of Ageing. *Addiction*, 2003, vol. 98, pp. 761–770. Available at: <https://www.udel.edu/soc/tammya/pdfs/Drug%20Use%20and%20Gender.pdf> (accessed 25 April 2016).
35. Anderson T. L. A cultural-identity theory of drug abuse. *Sociology of Crime, Law, and Deviance*, 1998, vol. 1, pp. 233–262.
36. Principles of drug addiction treatment A research-based guide. Third Edition. *National Institute on Drug Abuse*. 2012. Available at: https://www.drugabuse.gov/sites/default/files/podat_1.pdf (accessed 25 April 2016).
37. Do girls and boys have different treatment needs? Principles of Adolescent Substance Use Disorder Treatment: A Research-Based Guide. 2014. *National institute of drug abuse*. Available at: <https://www.drugabuse.gov/publications/principles-adolescent-substance-use-disorder-treatment-research-based-guide/frequently-asked-questions/do-girls-boys-have-different-treatment-needs> (accessed 20 April 2016).
38. Greaves G. Toward an Existential Theory of Drug-Dependence. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 1974, vol. 159, pp. 263–274.
39. Ekpenyong S. N. Drug Abuse in Nigerian Schools: A Study of Selected Secondary Institutions in Bayelsa State, South-South, Nigeria. *International Journal of Scientific Research in Education*, 2012, vol. 5 (3), pp. 260–268.
40. Andrés A. P. Organised crime, drug trafficking, terrorism: the new Achilles' heel of West Africa. Available at: http://fride.org/download/COM_Achilles_heel_eng_may08.pdf (accessed 20 March 2016).

Please cite this article in press as:

Ekedegwa R. O. Social and Psychological Determinants of Drug Abuse by Young People in Nigeria. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 459–465. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-459-465.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.147.88

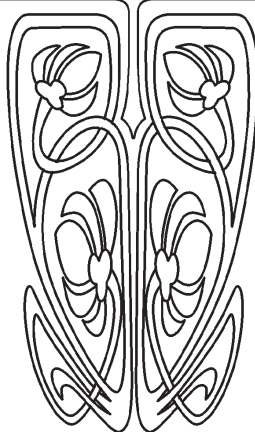
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИЙ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Железовская Галина Ивановна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет. E-mail: sgu.pedagogika@yandex.ru

Рождествина Анна Анатольевна – декан факультета дополнительного образования, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции Минюста России, Саратов. E-mail: Rozhdestvinaaa@yandex.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Статья посвящена изучению основных проблем внедрения инноваций в юридическом вузе, выявленных как путем изучения научной литературы по этой тематике, так и анкетирования профессорско-преподавательского состава вуза, касающегося отношения к инновациям в системе юридического образования. Проблемы делятся на второстепенные (производные) и первостепенные. Особое внимание уделяется изучению первостепенной причины медленного внедрения инноваций в юридическом вузе, которой является отсутствие необходимого уровня образования для осуществления педагогической деятельности преподавателей-юристов, так как образовательные стандарты первого и второго поколений не содержали требований к формированию педагогических компетенций. В статье также предложены пути решения данной проблемы исходя из опыта Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции Минюста России.

Ключевые слова: инновации, федеральные государственные образовательные стандарты, проблемы внедрения инноваций, пути решения проблем.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-466-470

В настоящее время активно происходит обновление педагогического образования. Традиционные образовательные технологии в последние десятилетия перестали полностью обеспечивать потребности общества. Необходимым условием для развития экономики и социальной сферы, построения карьеры отдельного индивидуума стала реализация концепции «образование через всю жизнь», вместо «образование на всю жизнь». Ускорение научно-технического прогресса, быстрое изменение многих сторон общественной жизни требуют постоянной подготовки, переподготовки или повышения квалификации огромного количества людей. Решить эти проблемы возможно только путем применения инновационных технологий.

Современный преподаватель, желающий добиться успеха, должен постоянно учиться, прежде всего, потому, что в практике востребован педагог, который способен решать новые профессиональные задачи на основе инновационного отечественного и зарубежного опыта [1, с. 17]. Уникальные навыки и способности, умение адаптировать их к постоянно меняющимся условиям деятельности, высокая квалификация становятся ведущим производственным ресурсом, главным фактором материального достатка и общественного статуса личности и организации [2]. Уже в требованиях, предъявляемых к человеку, желающему быть преподавателем в высшей школе, заложена обязанность знать законы и иные нормативные правовые акты

Российской Федерации по вопросам высшего профессионального образования, локальные нормативные акты образовательного учреждения, образовательные стандарты по соответствующим программам высшего образования, теорию и методы управления образовательными системами, порядок составления учебных планов, правила ведения документации по учебной работе, основы педагогики, физиологии, психологии, методике профессионального обучения, современные формы и методы обучения и воспитания, методы и способы использования образовательных технологий, в том числе дистанционных, требования к работе на персональных компьютерах, иных электронно-цифровых устройствах, основы экологии, права, социологии, правила по охране труда и пожарной безопасности [3].

Наличие вышеназванных требований должно способствовать формированию особых компетенций преподавателя, позволяющих легко и быстро осваивать новые образовательные технологии, быть заинтересованным в профессиональном росте и совершенствовании, внедрять инновации в учебный процесс. В 2015 г. среди преподавателей Поволжского института Всероссийского государственного университета юстиции Минюста России (далее – институт) было проведено анкетирование «О формах и методах обучения». В нем приняли участие 26 преподавателей, 14 из которых мужчины, 11 – женщины, в одной анкете пол не был указан, с разным педагогическим стажем – как начинающие преподаватели, так и опытные, со стажем более одиннадцати лет (их более половины). По результатам опроса выяснилось, что в институте отсутствуют преподаватели, которым не интересны инновации в педагогической деятельности (интерес показали 82% женщин и 71% мужчин). Подавляющее большинство преподавателей (92%) чувствует себя готовым к освоению педагогических новшеств, при этом такую готовность выразили 100% женщин и 86% мужчин.

В качестве трех главных причин привлекательности инновационной деятельности профессорско-преподавательский состав назвал: 1) интересно создавать что-то свое, необычное и лучше, чем было (73%); 2) повышается интерес у студентов к изучению дисциплины; 3) в новшествах полнее реализуешь свой опыт, силы и способности (38%). При этом 91% женщин считают, что инновационная деятельность привлекательна тем, что повышает интерес студентов к изучению дисциплины, а 71% мужчин – потому, что интересно создать что-то свое, необычное и лучше, чем было.

В качестве факторов инновационной деятельности, которые воздействуют на мотивацию

повышения профессионального мастерства преподавателей, лидируют следующие: 1) изучаются новые подходы к образованию – 77% (82% женщин и 71% мужчин); 2) способствует самообразованию – 65% (82% женщин и 57% мужчин).

Но, несмотря на достаточно хорошие показатели отношения преподавателей к инновациям, их внедрение в учебный процесс в юридическом вузе происходит еще медленно, причин несколько. В учебной и научной педагогической литературе исследованию этих проблем уделяется много внимания: среди причин медленного внедрения инноваций В. А. Слостенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов выделяют две: первая состоит в том, что инновация, как правило, не проходит необходимой профессиональной экспертизы и апробации; вторая в том, что внедрение педагогических нововведений предварительно не подготовлено ни в организационном, ни в техническом, ни, самое главное, в личностном, психологическом отношениях [4].

Медленное формирование инновационного обучения, считают Л. В. Левчук и А. А. Греков, во многом объясняется неподготовленностью общества к столкновению с новыми или проблемными ситуациями социальной жизни, неготовностью своевременно реагировать на политические, экономические и другие возникающие проблемы [5, с. 13].

В. Л. Аношкина, С. В. Резванов выделяют следующие причины, влияющие на инновационный процесс в образовательном учреждении: 1) экономические: недостаточное финансирование, устаревшая материальная база являются тормозом для применения новшеств; 2) социальные: неэффективная система распространения новшеств; 3) психологические: предубеждение педагогов относительно как конкретного новшества, так и новшеств вообще; 4) педагогические: определенные традиции организационно-педагогической и управленческой работы как отдельно взятого образовательного учреждения, так и системы в целом, вступающие в противоречия с инновационными методами; 5) временные [6] – нововведение есть процесс, протекающий на протяжении, возможно, длительного, но конечного промежутка времени.

С. Д. Поляков выделяет среди причин, помогающих или мешающих нововведению, внешние (по отношению к учителю) и внутренние, личностные. Внешние включают в себя такие факторы, как требования вышестоящих органов образования, администрации учебного заведения, общественное мнение педколлектива и др. Внешние причины – это условия жизни и быта педагога, состояние его здоровья и др. [7, с. 18].

А. П. Панфилова, А. В. Долматов указывают, что конкуренция в российском менталитете до сих пор воспринимается как негативный фактор: не любят людей, стремящихся к лидерству, успеху, карьере. Многие достойные педагоги в соответствии со сложившейся моделью социальной справедливости ждут, когда руководители заметят их достоинства и успехи и вознаградят должным образом [1, с. 65–66].

Э. А. Манушин в качестве проблем инновационного развития определяет: 1) отсутствие концепции непрерывного педагогического образования, нормативно-правовой базы и экономических механизмов ее реализации; 2) кадровый кризис в образовании и как следствие – глубочайший кризис в обучении; 3) неразработанность научных и научно-методических основ диагностики качества педагогического образования; отсутствие эффективного механизма повышения качества подготовки педагогических кадров; 4) наличие противоречий между содержанием современного педагогического образования и требованиями, предъявляемыми школой, обществом и государством к личности и уровню профессиональной компетентности педагога; 5) слабая материально-техническая база и недостаточное программное и научно-методическое обеспечение информационной подготовки педагогических кадров [8].

Аналогичные проблемы были выявлены и нами при проведении анкетирования. Преподаватели к причинам, которые являются препятствием в освоении и разработке новшеств, отнесли: 1) недостаток времени и сил для создания и применения педагогических новшеств (77%); 2) отсутствие материального стимулирования; 3) слабая информированность о нововведениях в образовании (58%); 4) отсутствие лидеров, новаторов в коллективе (38%). При этом последняя причина актуальна для 50% мужчин и 27% женщин.

Тремя главными противоречиями, которые возникают при создании или применении нового, по мнению преподавателей, являются: 1) нет компенсации за инновационную деятельность (62%); 2) неизбежны потери времени для работы по-новому (43%); 3) новые идеи трудно реализовать практически (42%). Кроме того, в качестве препятствий для применения инноваций преподаватели (65%) называют и недостаточную компетентность студентов.

По нашему мнению, все вышеназванные причины носят вторичный, или производный характер, если речь идет преподавании в юридическом вузе. Первостепенной же причиной является отсутствие необходимого уровня образования для осуществления именно педагогической деятельности, так как основную массу преподавателей

составляют лица с высшим юридическим образованием, которые за время обучения в вузах не изучали основы педагогики, а психология изучалась только юридическая, в связи с тем, что государственные стандарты первого и второго поколений не ставили своей задачей формирование педагогических компетенций. Поэтому, начиная заниматься педагогической деятельностью сразу после окончания юридического вуза, преподаватели не подготовлены к ее осуществлению и не имеют необходимого объема педагогических знаний для проведения занятий. Естественно, что эти знания приобретаются в ходе преподавательской деятельности, но не всегда в нужном объеме и нужного качества, так как основной формой их получения, как правило, является самообразование, изучение литературы. Причем упор обычно делается на источники, направленные на углубленное изучение преподаваемой дисциплины, а не на педагогическую литературу. Кроме того, преподавателю, не имеющему педагогических навыков, достаточно сложно выбрать подходящую по качеству и набору информации литературу в связи с тем, что он не всегда знает, какая литература, в принципе, является педагогической, поэтому многие преподаватели используют в своей деятельности те формы и методы обучения, которые знакомы им с момента получения своего собственного образования или которые они выработали и успешно применяют за время педагогической практики. Таким образом, по данным анкетирования на первом месте среди форм проведения занятий 95% преподавателей используют лекционно-семинарскую систему обучения, а среди активных и интерактивных методов обучения преобладают следующие: дискуссия (88%), тестирование (87%), моделирование и разбор деловых ситуаций (65%), метод работы в малых группах (54%). Причем некоторые преподаватели считают интерактивными методами только те, при которых используются технические средства обучения.

Мы полагаем, что сложившиеся проблемы в сфере внедрения инноваций в юридическом вузе следует решать путем реализации двух ключевых направлений: во-первых, путем совершенствования ФГОС, во-вторых – развития системы повышения квалификации преподавателей в учебном заведении.

Федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения устанавливают, что бакалавр готовится, в том числе, и к педагогической деятельности, которая заключается в преподавании правовых дисциплин и осуществлении правового воспитания. При этом бакалавр должен быть способен преподавать правовые дисциплины на необходимом теоретическом и методическом

уровнях, управлять самостоятельной работой обучающихся, эффективно осуществлять правовое воспитание [9]. Но данная норма скорее носит декларативный характер, нежели реализуется практически, так как каждый преподаватель по каждой дисциплине должен реализовать эту задачу, а выпускник-бакалавр после изучения каждой дисциплины должен быть способен ее преподавать в учебных учреждениях, не относящихся к высшему образованию. Нами было проанализировано более 100 рабочих программ, подготовленных преподавателями института по юридическим дисциплинам с целью определения возможности формирования профессиональных компетенций, связанных с педагогической деятельностью. В каждой программе предусмотрено, что по дисциплине преподаватель формирует способности, связанные с особенностями преподавания именно этой дисциплины. При этом ФГОС не предусматривает общей дисциплины, где бы студенту разъяснили азы педагогической деятельности, в частности, что такое процесс обучения, метод обучения, компетенции, изложили содержание основных методов, технологий, форм обучения, особенности построения образовательных систем и т. д. По нашему мнению, эти азы должны быть заложены уже на первой ступени обучения – бакалавриате – в первый год, иначе на последующих ступенях образования – магистратуре и аспирантуре – эту компетенцию сформировать будет гораздо сложнее, а для тех студентов, которые ограничатся получением только квалификации бакалавра, – просто невозможно. Поэтому мы считаем, что в федеральном образовательном стандарте по направлению подготовки бакалавров необходимо предусмотреть дисциплину «Основы педагогики» с целью формирования способностей студентов к педагогической деятельности.

Кроме того, мы полагаем, что помощь в получении необходимых педагогических навыков должна оказывать образовательная организация, где осуществляет свою деятельность преподаватель, так как она заинтересована в наличии квалифицированных кадров. Формы такой помощи могут быть разные, приведем те, которые существуют и успешно применяются в институте:

1) организация курсов повышения квалификации. Для проведения занятий приглашаются лица, имеющие педагогическое образование или большой и эффективный опыт по внедрению новых методов обучения. В качестве примеров программ повышения квалификации можем назвать следующие: «Технология профессионально ориентированного обучения в юридическом вузе», «Организация работы преподавателя с приме-

нением современных технологий электронного обучения в учебном процессе»;

2) организация стажировок на профильных кафедрах других вузов города с целью изучения их педагогического опыта, в том числе и по применению инноваций в образовании;

3) проведение ежегодного конкурса на звание лучших среди профессорско-преподавательского состава по подготовке и внедрению в учебный процесс инновационных методов и средств обучения, а затем изучение разработок, которые победили в конкурсе.

Кроме того, постоянно действующей является школа педагогического мастерства, на занятиях которой освещаются современные активные и интерактивные методы обучения, инновации в образовании, обобщается опыт апробации тех или иных методов обучения, обсуждаются наиболее оптимальные формы обучения в юридическом вузе и т.п. Эти занятия оказывают существенную методическую помощь в организации учебного процесса.

Список литературы

1. Панфилова А. П., Долматов А. В. Взаимодействие участников образовательного процесса. М., 2014. 487 с.
2. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года : протокол Межведомственной комиссии по научно-инновационной политике от 15 февраля 2006 № 1. Документ опубликован не был // Справ.-правов. система «Консультант-Плюс».
3. Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих. Раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования» : приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 11 января 2011. № 1н // Рос. газ. 2011. 13 мая. № 101. С. 28.
4. Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Мищенко А. И., Шиянов Е. Н. Педагогика. М., 2000. 512 с.
5. Левчук Л. В., Греков А. А. Концепция непрерывного педагогического образования в системе педколледж – вуз : в 6 ч. Ростов н/Д, 1995. Ч. 1. 51 с.
6. Аношкина В. Л., Резванов С. В. Образование. Инновация. Будущее. М., 2001. 176 с.
7. Поляков С. Д. В поисках педагогической инноватики. М., 1993. 61 с.
8. Манушин Э. А. Проблемы и перспективы инновационного развития российских университетов // Наука и образование : электронное научно-техническое издание. 2012. № 21. URL: <http://technomag.edu.ru/index.html> (дата обращения: 21.04. 2016).

9. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр») : приказ

Министерства образования и науки Российской Федерации от 4 мая 2010. № 464 // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 26. С. 24.

Образец для цитирования:

Железковская Г. И., Рождествина А. А. О некоторых проблемах внедрения инноваций в юридическом вузе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 466–470. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-466-470.

About Some Problems of Introduction of Innovations at Legal Institute

G. I. Zhelezovskaya

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail:

A. A. Rozhdestvina

Volga region institute (branch)
of All-Russian State University of Justice
55, A.N. Radishcheva str., Saratov, 410003, Russia
E-mail: Rozhdestvinaaa@yandex.ru

Article is devoted to studying of the main problems of introduction of the innovations in legal higher education revealed as by studying of scientific literature on this subject, and by carrying out questioning among the faculty of higher education institution regarding the relation to innovations in system of legal education. Authors divide such problems into secondary (derivatives) problems and primary problems. Special attention is given to studying of the primary problem of slow introduction of innovations in legal higher education which lack of necessary education level for implementation of pedagogical activity of teachers – lawyers since educational standards of the first and second generations didn't contain requirements to formation of pedagogical competences is. In article solutions of this problem as a matter of experience of Volga region institute (branch) of All-Russian State University of Justice are also offered.

Key words: innovations, state educational standards, problems of introduction of the innovations, solutions of these problems.

References

1. Panfilova A. P., Dolmatov A. V. *Vzaimodeystvie uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa* (Interaction of participants of educational process). Moscow, 2014. 487 p.
2. *Strategiya razvitiya nauki i innovatsiy v Rossiyskoy Federatsii na period do 2015 goda: protokol Mezhdomstvennoy komissii po nauchno-innovatsionnoy politike ot 15 fevralya 2006 №1* (Strategy of development of science and innovations in the Russian Federation for the period till 2015: the protocol of the Interdepartmental commission on scientific and innovative policy of February 15, 2006 no. 1). Dokument opublikovan ne byl. *Dostup iz pravovoy sistemy «KonsultantPlyus»* (The document has not been published. Access from the legal system «ConsultantPlus»).

3. *Edinyy kvalifikatsionnyy spravochnik dolzhnostey rukovoditeley, spetsialistov i sluzhashikh. Razdel «Kvalifikatsionnyye kharakteristiki dolzhnostey rukovoditeley i spetsialistov vysshego professionalnogo i dopolnitelnogo professionalnogo obrazovaniya: prikaz Ministerstva zdavoohraneniya i sotsialnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii ot 11 yanvarya 2011. №1n* (Uniform qualification reference book of positions of heads, experts and employees. Section «Qualification characteristics of positions of heads and experts of the higher professional and additional professional education»: the order of the Ministry of health and social development of the Russian Federation of January 11, 2011. No. 1n). *Rossiyskaya gazeta* (Rossiyskaya gazeta), 2011, May 13, no. 101. P. 28.
4. Slastenin V. A., Isaev I. F., Mishchenko A. I., Shiyonov E. N. *Pedagogika* (Pedagogics). Moscow, 2000. 512 p.
5. Levchuk L. V., Grekov A. A. *Konceptsiya nepreryvnogo pedagogicheskogo obrazovaniya v sisteme pedkolledzh – vuz* (The concept of continuous pedagogical education in system a teachers training college – higher education institution. In 6 parts). Rostov-on-Don, 1995, part 1. 51 p.
6. Anoshkina V. L., Rezvanov S. V. *Obrazovanie. Innovatsiya. Budushchee* (Education. Innovation. Future). Moscow, 2001. 176 p.
7. Polyakov S. D. *V poiskakh pedagogicheskoy innovatiki* (In search of pedagogical innovatics). Moscow, 1993. 61 p.
8. Manushin E. H. A. *Problemy i perspektivy innovatsionnogo razvitiya rossiyskikh universitetov* (Problems and prospects of innovative development of the Russian universities). *Nauka i obrazovanie: ehlektron. nauch.-tekh. izd.* (Science and Education of Bauman MSTU: electronic scientific and technical publication), 2012, no. 21. Available at: <http://technomag.edu.ru/index.html> (accessed 21 April 2016).
9. *Federalnyy gosudarstvennyy obrazovatelnyy standart vysshego professionalnogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 030900 Yurisprudenstiya (kvalifikatsiya (stepen) «bakalavr»): prikaz ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 4 maya 2010 g. № 464* (The federal state educational standard of higher education in the direction of preparation 030900 Law (qualification (degree) «bachelor»): the order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of May 4, 2010. No. 464). *Byulleten normativnykh aktov federalnykh organov ispolnitelnoy vlasti* (Bulletin of normative acts of the federal bodies of executive power), 2010, no. 26. P. 24.

Please cite this article in press as:

Zhelezovskaya G. I., Rozhdestvina A. A. About Some Problems of Introduction of Innovations at Legal Institute. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 466–470. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-466-470.

УДК 15:378.1

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ: ЗНАЧЕНИЕ, СТРУКТУРА, ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Кириленко Наталья Петровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: n.kirilenko@bk.ru

В статье раскрывается значение формирования гражданской идентичности у подрастающего поколения в государственном и личностном контекстах. Рассмотрена сущность данного личностного образования, его структурные компоненты (когнитивный, эмоциональный, ценностный и деятельностный) должны соответствовать выделенным и обоснованным автором статьи содержательным составляющим: патриотизму, культуре межнационального общения, национальному самосознанию, правовой культуре личности, внутренней структура которых также выявлена. Указана возрастная специфика формирования гражданской идентичности в дошкольном, младшем школьном, подростковом и юношеском возрасте.

Ключевые слова: гражданская идентичность, структурные компоненты, содержательные составляющие.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-471-476

Проблема формирования гражданской идентичности у подрастающего поколения является приоритетной в России, что обусловлено функциями гражданской идентичности в личностном и государственном контексте, а также особенностями современной ситуации. Основополагающая потребность человека в идентичности связана с необходимостью при формировании Я-концепции как ядра личности соотношения с референтными сообществами, базовым из которых является государство – наиболее важный социально-политический институт. При этом быстрота, значимость, неоднозначность происходящих в настоящее время социальных изменений усложняют проблему гражданской идентичности в личностном контексте.

Значение гражданской идентичности в государственном контексте вытекает из ее интегрирующей функции: она рассматривается как фактор консолидации общества, способствующий укреплению государства. В условиях кризиса гражданской идентичности, вызванного произошедшими историческими событиями, и, прежде всего, распадом СССР, сопровождавшимся сменой общественного строя и утратой позиций страны на мировой арене, этнического, культурного и социального разнообразия россий-

ского общества, экономической нестабильности, провоцирующей конфликты, формирование гражданской идентичности у подрастающего поколения является жизненно необходимым для российского государства.

Усиление внимания к данной проблеме в рамках государственной политики нашло отражение в утвержденной 1 июня 2012 г. Указом Президента Российской Федерации № 761 «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы», где среди основных задач сформулировано формирование новой общественно-государственной системы воспитания детей, обеспечивающей их социализацию, высокий уровень гражданственности, патриотичности, толерантности, законопослушное поведение. К мерам, направленным на развитие воспитания и социализацию детей, относится внедрение современных программ гражданско-патриотического воспитания, направленных на формирование гражданской идентичности, культуры толерантности, социальной компетентности в сфере этнического и межконфессионального взаимодействия, готовности к защите Отечества и позитивного отношения у молодых людей к службе в рядах Вооруженных сил Российской Федерации. Мерой, направленной на обеспечение доступности и качества образования, является, в том числе, создание условий для развития различных региональных вариантов поликультурной модели дошкольного и общего образования, обеспечивающей формирование российской гражданской идентичности.

Закон «Об образовании в РФ», принятый Государственной думой 21 декабря 2012 г., в статье 3 к основным принципам государственной политики относит воспитание гражданственности, патриотизма, правовой культуры, защиту и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства.

Идеологами образовательного стандарта нового поколения четко обозначена миссия системы образования – формирование гражданской идентичности как условие укрепления российской государственности. Так, в Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования, утвержденном при-

казом Министерства образования и науки РФ от 17.10.2013 г., к основным принципам дошкольного образования отнесены: приобщение детей к социокультурным нормам, традициям семьи, общества и государства; учет этнокультурной ситуации развития детей, что обуславливает формирование основ гражданской идентичности как приоритетного целевого ориентира в деятельности дошкольных образовательных организаций.

При теоретическом обосновании и методическом обеспечении формирования гражданской идентичности у подрастающего поколения, в первую очередь, необходимо четко выделить ее сущность.

Среди различных дефиниций понятия «гражданская идентичность» оптимальным, с нашей точки зрения, является определение, данное А. Г. Асмоловым: гражданская идентичность представляет осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе, имеющей определенный личностный смысл [1]. В данном определении представлены основные специфические черты, и оно наиболее согласуется с существующими подходами к пониманию идентичности, общей для которых является интерпретация гражданской идентичности как динамической характеристики самосознания, сложного личностного образования, в основе которого лежит процесс позиционирования себя по отношению к другим.

В большинстве современных исследований осуществлена дифференциация понятий гражданская, государственная, этническая идентичности. Например, мы считаем убедительным обоснование Н. А. Галактионовой, указывающей, что государственная идентичность выражается исключительно административным закреплением статуса гражданина страны, который присваивается автоматически, гражданская идентичность подразумевает ценностно-когнитивное наполнение [2]. Этническая идентичность, в отличие от других рассматриваемых нами идентичностей, отражает субъективную причастность личности к своей этногруппе, выражает ее приверженность существующим этническим нормам и предписаниям, традициям [3]. В последнее время в публикациях часто встречается понятие «российская идентичность». Среди альтернативных подходов к ее пониманию наиболее перспективным является, по нашему мнению, соотнесение принадлежности к российской нации с гражданством РФ, отождествление с россиянами и гражданами РФ.

Представляет интерес выделение С. М. Воробьевым региональной идентичности, смысловое

наполнение которой зависит от определенного исторического контекста, общенациональных и региональных традиций и ценностей, социокультурной специфики [4].

Исходя из психологической сущности гражданской идентичности, не вызывает сомнений состав ее структурных компонентов, представленный во многих исследованиях:

когнитивный – знание идентифицирующих признаков принадлежности к сообществу граждан определенного государства;

эмоциональный – принятие (непринятие) своей принадлежности к гражданам определенного государства;

ценностный – ценностные ориентации по отношению к своей принадлежности к гражданам определенного государства;

деятельностный – поведение субъекта как гражданина, его гражданская активность.

Но содержательное наполнение структурных компонентов гражданской идентичности в научной литературе значительно различается и нередко – бессистемно. Проанализируем наиболее важные, по нашему мнению, подходы к структуре гражданской идентичности в аспекте дальнейших исследований проблемы ее формирования.

И. А. Новикова в качестве системообразующего элемента указывает на поликультурную позицию личности, поэтому именно ее она берет за основу при раскрытии компонентов структуры гражданской идентичности. Когнитивный компонент рассматривается как свобода от стереотипов, гибкость, критичность и многоплановость мышления гражданина, признающего позицию другого; эмоциональный компонент представлен как чувство уважения к различиям в поликультурном мире и к свободе другого человека [5]. С нашей точки зрения, содержательное наполнение структурных компонентов гражданской идентичности здесь сужено, не охватывает всех основополагающих направлений формирования. Также возникают трудности практического характера при определении возрастных особенностей формирования гражданской идентичности.

В. П. Сергеева выделяет следующие основные направления воспитания гражданской идентичности учащихся в образовательной организации:

духовно-нравственное и ценностно-смысловое воспитание: формирование приоритетных ценностей гуманизма и нравственности, чувства собственного достоинства, социальной активности и т.д.;

историческое воспитание: знание основных событий истории Отечества, формирование

чувства гордости и сопричастности событиям героического прошлого и т.д.;

политико-правовое воспитание: формирование представлений о государственно-политическом устройстве России, правовой компетентности и т.д.;

патриотическое воспитание: формирование чувства любви к Родине и гордости за принадлежность к своему народу и т.д.;

трудовое (профессионально ориентированное) воспитание: ознакомление с миром профессий, их социальной значимостью и содержанием, формирование добросовестного и ответственного отношения к труду и т.д.;

экологическое воспитание: формирование представлений высокой ценности жизни, потребности учащихся сохранять и улучшать окружающую природную среду и т.д. [6].

Мы считаем, что указанные направления имеют разную значимость: трудовое и экологическое воспитание (экономическое воспитание и другие направления) не являются основополагающими в процессе формирования гражданской идентичности, в то же время духовно-нравственное и ценностно-смысловое воспитание представляют собой контекст для формирования гражданской идентичности по всем линиям содержательного наполнения структурных компонентов. На наш взгляд, более целесообразно рассматривать содержательное наполнение структурных компонентов гражданской идентичности в аспекте гражданского воспитания (образования), исходя из того, что это взаимосвязанные и взаимообусловленные понятия: результатом гражданского воспитания (образования) должна стать гражданская идентичность.

В качестве исходной концепции мы взяли систему гражданского воспитания, разработанную Б. Т. Лихачевым: это патриотическое и интернациональное воспитание, правовое воспитание [7]. В современных представлениях интернациональное воспитание более точно определить как формирование культуры межнационального общения, в то же время имеется взаимообусловленность патриотического воспитания, формирования культуры межнационального общения и развития положительного национального самосознания. Таким образом, направлениями гражданского воспитания (образования) являются патриотическое воспитание, развитие культуры межнационального общения, национального самосознания и правовой культуры личности в их единстве [8]. Указанные направления можно рассматривать как содержательное наполнение структурных компонентов гражданской идентич-

ности. При этом подчеркнем, что доминирование или недостаточность любого направления разрушает всю систему.

Патриотическое воспитание включает воспитание любви к малой родине (родному дому, родному краю, родной природе) и воспитание любви к Отечеству. Составной частью патриотического воспитания является военно-патриотическое, цель которого обеспечить всестороннюю подготовленность молодежи к вооруженной защите Родины в военное и мирное время.

При рассмотрении культуры межнационального общения важно выделить уровни ее становления: толерантность (терпимость), понимание и принятие другой культуры, уважение и утверждение культурных различий как их высокую оценку. При этом высокий уровень развития культуры межнационального общения предполагает непримиримость к расовой, национальной или религиозной исключительности (национализму, шовинизму, расизму, геноциду и т.д.). Национальное самосознание – это субъективное отражение объективного факта принадлежности человека к тому или другому национальному сообществу и осознание отличий от других народов [9], то есть, по сути, это выражение национального самоопределения.

А. Ф. Ходько характеризует национальное самосознание как сложное структурное образование, включающее национальные стереотипы и представления о территории, культуре, языке, историческом прошлом, обычаях, традициях. Национальное самосознание формируется в личности под непосредственным воздействием национальных элементов социальной среды, языка народа, его культуры, быта, истории [9]. Отметим также, что национальное самосознание связано с национальными чувствами. Последние – комплекс эмоций, в котором фиксируется отношение людей как к собственной нации, так и к другим народам. Национальные чувства могут быть позитивными (любовь и преданность своей нации) или же негативными (национальный эгоизм), естественно, должно развиваться позитивное национальное самосознание.

Правовая культура личности является целостным личностным образованием и подразумевает развитое правосознание и сформированное правомерное поведение, что предполагает, по утверждению Л. А. Петручак, систематическое воспроизведение единства правовых знаний, убеждений и ценностей и практической деятельности по их реализации в норме поведения [10].

Б. Т. Лихачев в качестве исходного элемента правового сознания указывает правовую грамотность – знания, отражающие правовую дей-

ствительность: общее знакомство с правовыми основами государства, видами права и нормами, регулируемыми отношениями людей на основе закона [7]. Правовая грамотность лежит в основе правового мышления как умения оценивать замыслы, поступки и поведение людей с точки зрения норм права. Важнейший элемент правового сознания – нравственно-правовые чувства. Они включают, по мнению Н. Л. Гранат, четыре вида оценочных отношений: к праву (его принципам, нормам, институтам); к правомерному поведению окружающих и к объектам деятельности (преступности, преступлениям, правонарушителям); к правоохранительным органам и их деятельности; к своему правовому поведению (самооценка) [11].

Правовые знания, чувства и мышление во взаимодействии способны развивать потребность в правомерном (соответствующем нормам общества и права) поведении и волю, направленную на активное соблюдение правовых норм. В качестве высшего проявления правомерного поведения личности выступает социально-правовая активность – глубоко осознанная, целеустремленная, инициативная, направленная на осуществление правовых норм, поддержание правопорядка, законности, защиту интересов государства, общества, других граждан [11].

Таким образом, мы предлагаем следующие исходные положения для формирования гражданской идентичности:

у ребенка формируются компоненты гражданской идентичности (когнитивный, эмоциональный, ценностный и деятельностный), которые должны соответствовать содержательным составляющим: патриотизму (любви к малой родине, любви к Отечеству, готовности к вооруженной защите Родины), культуре межнационального общения (пониманию, уважению и утверждению культурных различий как их высокую оценку, нетерпимости к расовой, национальной или религиозной исключительности), национальному самосознанию (знанию существенных основ национальной жизни, позитивным национальным чувствам и ценностям, социальной позиции и активности) и правовой культуре (правовым знаниям, нравственно-правовым чувствам и ценностям, правовому мышлению, правомерному поведению);

раскрытие содержательных составляющих структурных компонентов гражданской идентичности определяется возрастной спецификой.

Проанализировав психолого-педагогические и социально-педагогические исследования [12, 13], можно выделить следующие ключевые возрастные особенности формирования

гражданской идентичности у подрастающего поколения: в дошкольном возрасте важной особенностью формирования основ гражданской идентичности является акцентированная опора на эмоциональную сферу ребенка, развитие положительных мотивов и эмоций, потребностей в самореализации, связанных с гражданской идентичностью. В целом возрастная ситуация развития дошкольников благоприятна для формирования основ гражданской идентичности: происходит становление самосознания ребенка, приобщение его к социальному миру, культуре, закладываются основы социального развития, формируются базисные ценности и нормы поведения. Способствуют формированию бесконечное доверие к взрослому, эмоциональная отзывчивость и интерес к окружающему, высокая подражательность и другие психологические особенности дошкольного возраста. В то же время существуют объективные сложности, например, такие, как восприятие дошкольником терминологии, связанной с государственной символикой и военно-патриотическим воспитанием.

К концу младшего школьного возраста должны быть заложены основы компонентов гражданской идентичности. Особое внимание уделяется накоплению опыта гражданского поведения при организации различных видов деятельности по каждому направлению содержательных составляющих. Возрастная специфика определяется доминирующим влиянием учителя начальных классов на формирование гражданской идентичности младшего школьника.

Подростковый возраст характеризуется качественным скачком в развитии самосознания, что обуславливает новые возможности в формировании гражданской идентичности.

Благоприятными предпосылками формирования гражданской идентичности в юношеском возрасте становятся: стремление к овладению социокультурным пространством, высокий уровень развития критической рефлексии, необходимость самоопределения в различных жизненных сферах, гражданская активность.

Список литературы

1. *Асмолов А. Г.* Стратегия социокультурной модернизации образования : на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // *Вопр. образования*. 2008. № 1. С. 65–86.
2. *Галактионова Н. А.* Гражданская идентичность как компонент личностной идентичности // *Изв. высш. учеб. заведений. Социология. Экономика. Политика*. 2010. № 1. С. 10–12.
3. *Бочарова Е. Е.* Этническая и гражданская идентичность личности представителей разных этногрупп //

- Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 3. С. 277–282.
4. Воробьев С. М. Некоторые аспекты формирования гражданской идентичности в полиэтническом регионе // Наука. Инновации. Технологии. 2012. № 1. С. 59–63.
 5. Новикова И. А. Гражданская идентичность в представлениях современной молодежи // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2015. № 3–1. С. 84–89.
 6. Сергеева В. П. Формирование гражданской идентичности в образовательном процессе // Проблемы современного образования. 2011. № 4. С. 12–15.
 7. Лихачев Б. Т. Педагогика : курс лекций. М., 1992. С. 268–283.
 8. Кириленко Н. П. Сущностная характеристика гражданского воспитания младших школьников // Вопр. теории и практики начального обучения : сб. науч. тр. Вып. 5. Саратов, 2004. С. 17–22.
 9. Ходько А. Ф. Формирование национального самосознания учащейся молодежи // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. Е. Педагогические науки. 2015. № 7. С. 22–25.
 10. Петручак Л. А. Проблемы понятия и структуры правовой культуры // Lex Russica. 2009. Т. LXVIII. № 5. С. 1056–1075.
 11. Гранат Н. Л. Правосознание и правовая культура // Юрист. 1998. № 11/12. С. 2–8.
 12. Хуторянская Т. В. Технологические приемы сотрудничества учителя с семьей младшего школьника // Начальная школа. 2010. № 4. С. 3–5.
 13. Махинин А. Н. Проблема эффективности формирования российской гражданской идентичности у старшеклассников // Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2011. Т. 17, № 2. С. 11–15.

Образец для цитирования:

Кириленко Н. П. Формирование гражданской идентичности у подрастающего поколения : значение, структура, возрастные особенности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 471–476. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-471-476.

Formation of Civil Identity Among the Younger Generation: Importance, Structure, Age Features

N. P. Kirilenko

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: n.kirilenko@bk.ru

The article reveals the importance of formation of civil identity among the younger generation with the public and personal context. The essence of the personal formation is considered, its structural components (cognitive, emotional, value and activity) must conform to the selected substantive components: patriotism, culture of interethnic communication, national consciousness, legal culture of personality, internal structure of which is also described in the article. It contains the age specificity of formation of civil identity in pre-school, primary school, adolescence and early adulthood.

Key words: civil identity, structural components, substantive components.

References

1. Asmolov A. G. Strategiya sotsiokulturnoy modernizatsii obrazovaniya: na puti k preodoleniyu krizisa identichnosti i postroeniyu grazhdanskogo obshchestva (Strategy of socio-cultural modernization of education: on way to overcoming of identity crisis and forming-up of civil society). *Voprosy obrazovaniya* (Educational Studies), 2008, no. 1, pp. 65–86.
2. Galaktionova N. A. Grazhdanskaya identichnost' kak komponent lichnostnoy identichnosti (Civil identity as component of personal identity). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* (News from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics), 2010, no. 1, pp. 10–12.
3. Bocharova E. E. Etnicheskaya i grazhdanskaya identichnost lichnosti predstaviteley raznykh etnogrupp (Ethnic and civil identity of personality by representatives of different ethnic groups). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2014, vol. 3, iss. 3, pp. 277–282.
4. Vorobev S. M. Nekotorye aspekty formirovaniya grazhdanskoy identichnosti v polietnicheskom regione (Some aspects of formation of civil identity in poly-ethnic region). *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii* (Science. Innovations. Technologies). 2012, no. 1, pp. 59–63.
5. Novikova I. A. Grazhdanskaya identichnost v predstavleniyakh sovremennoy molodezhi (Civil identity in modern youth's representations). *Sotsialnaya integratsiya i razvitie etnokultur v evraziyskom prostranstve* (Social integration and development of ethno-cultures in Euro-Asian space), 2015, no. 3–1, pp. 84–89.
6. Sergeeva V. P. Formirovanie grazhdanskoy identichnosti v obrazovatelnom protsesse (Formation of civil identity at educational process). *Problemy sovremennoy obrazovaniya* (Problems of Modern Education), 2011, no. 4, pp. 12–15.
7. Likhachev B. T. *Pedagogika: kurs lektsiy* (Pedagogy: Lectures course). Moscow, 1992. pp. 268–283.
8. Kirilenko N. P. Sushchnostnaya kharakteristika grazhdanskogo vospitaniya mladshikh shkol'nikov (Essential characteristic of civil education of primary schoolchildren). *Voprosy teorii i praktiki nachalnogo obucheniya: sb.nauch.tr.* (Issues of theory and practice of education and training: the collection of scientific papers). Iss 5. Saratov, 2004, pp. 17–22.
9. Khodko A. F. Formirovanie natsionalnogo samosoznaniya uchashcheyasya molodezhi (Formation of national self-consciousness by learning youth). *Vestn. Polotskogo gos. un-ta. Ser.E. Pedagogicheskie nauki* (Bulletin of

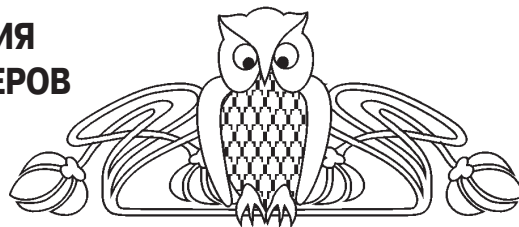
- Polotsk State University. Series E. Pedagogy), 2015, no. 7, pp. 22–25.
10. Petrukhak L. A. *Problemy ponyatiya i struktury pravovoy kultury* (Problems of notion and structure of legal culture). *Lex Russica* (Lex Russica), 2009, vol. L XVIII, no. 5, pp. 1056–1075.
11. Granat N. L. *Pravosoznanie i pravovaya kultura* (Legal consciousness and legal culture). *Yurist* (Lawyer), 1998, no. 11–12, pp. 2–8.
12. Khutoryanskaya T. V. *Tekhnologicheskie priemy sotrudnichestva uchitelya s sem'ey mladshego shkolnika* (Techniques of cooperation between teacher and schoolchild's family). *Nachalnaya shkola* (Primary School), 2010, no. 4, pp. 3–5.
13. Makhinin A. N. *Problema effektivnosti formirovaniya rossiyskoy grazhdanskoj identichnosti u starsheklassnikov* (Problem of formation of upper-form pupils' Russian civil identity). *Vestn. Kostrom. gos.un-ta. im. N.A. Nekrasova. Ser. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsialnaya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika* (Vestnik of Nekrasov Kostroma State University. Ser. Pedagogy. Psychology. Social work. Sociokinetics), 2011, vol. 17, no. 2, pp. 11–15.

Please cite this article in press as:

Kirilenko N. P. Formation of Civil Identity Among the Younger Generation: Importance, Structure, Age Features. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 471–476. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-471-476.

УДК 378.147.88

КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кутлыев Юрий Владимирович – подполковник внутренних войск МВД России, адъюнкт, Саратовский военный Краснознаменный институт внутренних войск МВД России. E-mail: kutlyev1981@mail.ru

В статье представлена структура когнитивного механизма формирования готовности личности будущих офицеров внутренних войск МВД России к профессиональной деятельности. Автор считает, что эффективность формирования готовности личности офицера к профессиональной деятельности основана на комплексном использовании трех компонентов когнитивного механизма – когнитивно-целевого, перцептивного и мнемического. Основное внимание уделяется реализации когнитивного механизма в подготовке курсантов вузов внутренних войск МВД России на основе интеграции междисциплинарных знаний; в качестве интегрированного курса предлагается спецкурс «Логика и информационные технологии в профессиональной деятельности будущих офицеров внутренних войск МВД России». Выявляется роль спецкурса в развитии компетенций курсантов, необходимых для формирования готовности будущих офицеров к профессиональной деятельности.

Ключевые слова: когнитивный механизм формирования готовности личности к профессиональной деятельности, междисциплинарная интеграция, профессиональные компетенции курсантов военных вузов.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-476-479

Следуя М. И. Дьяченко, И. А. Зимней, В. А. Крутецкому, В. А. Слостенину и другим исследователям, мы определяем готовность

как устойчивую характеристику личности, как синтез свойств личности, определяющих ее пригодность к деятельности. Такая трактовка подразумевает возможность использования специальных образовательных средств для формирования готовности личности будущих офицеров внутренних войск МВД России к профессиональной деятельности. Исходя из уже устоявшихся представлений [1] о структуре феномена «готовность к профессиональной деятельности», мы предлагаем три механизма формирования готовности: когнитивный, метакогнитивный и мотивационный. В настоящей работе мы исследуем условия применения когнитивного механизма формирования готовности к профессиональной деятельности в системе подготовки будущих офицеров внутренних войск МВД России, получающих образование по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности». Содержание образовательной программы по этой специальности, реализуемой в Саратовском институте внутренних войск МВД России, указывает на специфику будущей профессиональной деятельности курсанта внутренних войск МВД России. Профессиональная деятельность офицера внутренних войск МВД России характеризуется постоянным усложнением и интеллектуализацией, что предъявляет к проектированию и реализации этой специ-

альности особые требования. Выпускник вуза МВД России должен быть готов использовать в своей профессии интегративный сплав междисциплинарных знаний, умений и навыков, т.е. интегративная сущность и содержание образовательной программы специальности обусловлена структурой профессиональной деятельности будущего офицера.

Среди механизмов формирования готовности личности будущих офицеров к профессиональной деятельности мы, в первую очередь, выделяем когнитивный механизм, как один из основных факторов активации познавательной деятельности. Целенаправленная подготовка курсанта к выполнению конкретного вида деятельности предполагает не только выявление заложенных в нем от природы задатков, но и их максимальное развитие, которому должно способствовать обучение в вузе МВД.

Результативность применения когнитивного механизма формирования готовности будущих офицеров к профессиональной деятельности зависит от эффективности реализации его компонентов: когнитивно-целевого, перцептивного и мнемического.

1. Реализация когнитивно-целевого компонента направлена на усвоение курсантами содержания учебного материала, на развитие навыков использования информационных технологий с учетом специфики их будущей профессиональной деятельности.

2. Перцептивный компонент призван мотивировать деятельность курсантов на более глубокое, самостоятельное овладение информационными технологиями с целью их использования для решения профессиональных задач.

3. Мнемический компонент связан с развитием памяти, с доведением до автоматизма действий, позволяющих оперативно использовать информационные технологии в сложных условиях профессиональной деятельности.

Мы полагаем, что реализация механизмов формирования готовности личности будущих офицеров к профессиональной деятельности, в том числе и когнитивного, окажется успешной, если ввести в образовательный процесс военного вуза интегративный спецкурс «Логика и информационные технологии в профессиональной деятельности будущих офицеров внутренних войск МВД России».

В педагогических исследованиях под интеграцией обычно понимают процесс и результат формирования целостности знаний, способов и видов деятельности. Следуя концепции А. В. Букушевой [2], среди основных функций

интеграции содержания образования выделим методологическую функцию профессиональной направленности, систематизирующую, функцию целостности, политехническую, функцию проблемности и организационную. Под интегрированным курсом понимается такой, который вбирает в себя взаимосвязанные объекты, темы, методы различных самостоятельных дисциплин, отобранные по определенным педагогическим основаниям в соответствии с задачами внутренней и внешней дифференциации обучения [1].

Спецкурс «Логика и информационные технологии в профессиональной деятельности будущих офицеров внутренних войск МВД России», с одной стороны, уточняет и дополняет содержание различных дисциплин, традиционно преподаваемых в военном институте. С другой стороны, этот курс служит углублению связей между предметами; систематизирует и обобщает знания о профессиональной деятельности офицера внутренних войск. Формируя и развивая целостность профессионального мышления за счет решения познавательных и практических задач, требующих комплексного применения знаний из различных дисциплин, этот спецкурс служит для подготовки будущих офицеров к оптимально рациональному поведению в условиях неопределенности.

При проектировании спецкурса «Логика и информационные технологии в профессиональной деятельности будущих офицеров внутренних войск МВД России» мы исходили из того, что это интегративно-обобщающий курс, воспроизводящий содержательные связи ряда военно-профессиональных и юридических дисциплин, а также логики и информатики. Спецкурс базируется на знаниях, полученных в процессе изучения, с одной стороны, криминалистики и криминологии, а с другой – логики и информатики, способствуя их расширению и углублению. Целью спецкурса является формирование у курсантов логического мышления, логических знаний из различных областей логики и умений применять эти знания на основе использования информационных технологий в правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности.

Для достижения поставленной цели мы выделили основные задачи спецкурса:

формирование у будущих офицеров умений и готовности применять средства вычислительной техники для решения служебно-боевых задач в сфере профессиональной деятельности;

формирование у будущих специалистов умений и навыков целесообразной организации практической деятельности на основе

использования современных информационных технологий;

знакомство курсантов с теми видами своей будущей профессиональной деятельности, задачами и методами работы, в которых применение информационных технологий наиболее эффективно.

Проектирование интегративного спецкурса осуществлялось на основе проблемно-комплексной теории отбора содержания образования, которая обеспечивает связь обучения с реальной действительностью, умением ориентироваться в ней, с выработкой технологий разрешения профессиональных проблемных ситуаций.

Ядром интеграции содержания образования в рамках разработанного нами спецкурса являются понятия, изучаемые в таких дисциплинах, как логика, информационные технологии, дисциплины правового цикла.

Включение в содержание спецкурса элементов гуманитарных дисциплин – логики и юриспруденции – позволяет создать широкое образовательное поле, в котором курсант может получить целостное представление о месте и роли профессиональной деятельности офицера внутренних войск в системе общественных отношений, выделить существенные особенности этой деятельности и соответствующие им качества личности, что в целом может способствовать формированию в дальнейшем индивидуального стиля профессиональной деятельности.

Поставленные задачи потребовали построения определенной логики изложения спецкурса, в котором мы выделили три основных раздела, составляющих программу спецкурса.

Первый раздел «Элементы прикладной логики» предполагает знакомство курсантов с методами и средствами логики, являющимися главными инструментами в решении прикладных задач. При построении курса мы исходим из положения, что логическая готовность является составной частью общей готовности будущего офицера к профессиональной деятельности и представляет собой интегративное личностное образование, состоящее из следующих компонентов: мотивационного (направленность на формирование логического мышления, интерес к логическим аспектам профессиональной деятельности), когнитивного (логические знания и умения, их подвижность), рефлексивного (осознание необходимости развития логической готовности, самооценка своей подготовленности к профессиональной деятельности).

В математической логике разрабатываются методы, использующиеся для анализа различных

процессов, в том числе и информационных, с помощью специализированных компьютерных программ. Деонтическая логика используется для моделирования логической структуры правовой нормы. Моделирование и анализ правовых норм достигается на основе формализации языка права с привлечением экспертных систем. Изучение деонтической логики развивает способность анализировать правоотношения, являющиеся объектами профессиональной деятельности, юридически правильно квалифицировать факты, события и обстоятельства. Правильное оформление юридических и служебных документов, квалифицированное применение нормативных правовых актов в конкретных сферах юридической деятельности также является предметом изучения деонтической логики.

Второй раздел «Информационные технологии в юриспруденции» направлен на подготовку курсантов к использованию информационных технологий в правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности. Процесс информатизации, связанный с внедрением информационных и коммуникационных технологий во все сферы жизни общества, приводит к необходимости создания, внедрения, анализа и сопровождения информационных систем в профессиональной деятельности офицеров МВД России.

Третий раздел «Информационные технологии в профессиональной деятельности офицеров внутренних войск МВД России» призван вооружить курсантов инструментом, необходимым для решения с использованием информационных технологий различных служебных задач: работы в локальной и глобальной компьютерных сетях, самообучения в современных компьютерных средах, организации автоматизированного рабочего места, использования методов и средств обеспечения информационной безопасности с целью предотвращения несанкционированного доступа, злоумышленной модификации или утраты информации, составляющей государственную тайну, и иной служебной информации, навыками компьютерной обработки служебной документации, статистической информации и деловой графики, работы с геоинформационными, информационно-поисковыми и информационно-справочными системами и базами данных, используемыми в профессиональной деятельности.

Проведенное автором исследование позволяет сделать вывод, что введение дисциплины «Логика и информационные технологии в профессиональной деятельности будущих

офицеров внутренних войск МВД России» в учебный план специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», реализуемой в Саратовском институте внутренних войск МВД России, является важным условием решения задач интеграции и оптимизации учебно-познавательной деятельности обучающихся.

Образец для цитирования:

Кутлыев Ю. В. Когнитивный механизм формирования готовности личности будущих офицеров внутренних войск МВД России к профессиональной деятельности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 476–479. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-476-479.

Cognitive Mechanism of Forming an Officers' to Be to Personality Readiness to Professional Activity in the Interior Ministry Troops

Y. V. Kutlyev

Saratov Military Institute of Internal Troops of the MIA of Russia
152, Moskovskaya str., Saratov, 410023, Russia
E-mail: kutlyev1981@mail.ru

The article represents the structure of cognitive mechanism of forming an officers' to be personality readiness to professional activity in the Interior Ministry troops. According to the author's idea the efficiency of forming an officer's readiness to professional activity is based on a complex usage of three cognitive mechanism components – cognitive component having a special purpose, perceptual and mnemonic ones. The main consideration is given to a cognitive mechanism realization during the process of students' training at The Interior Ministry troops institutes of higher education on the basis of interdisciplinary skills integration. The article represents the integrated course as a special course "Logics and informational technologies in professional activity of Interior Ministry troops officers to be. It describes the role of

Please cite this article in press as:

Kutlyev Y. V. Cognitive Mechanism of Forming an Officers' to Be to Personality Readiness to Professional Activity in the Interior Ministry Troops. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 476–479. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-476-479.

Список литературы

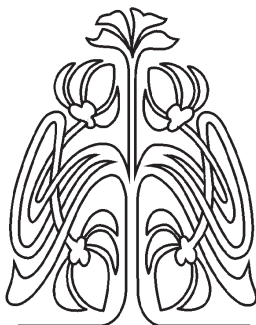
1. Беловолов В. А., Левин Е. М. Готовность будущего офицера к профессиональной деятельности как психолого-педагогическое явление // Сибир. пед. журн. 2010. № 9. С. 41–50.
2. Букушева А. В. Проектирование и реализация системы логической подготовки будущего информатика-юриста : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2008. 23 с.

special course in development of students' competencies during the process of forming an officers' to be readiness to professional activity.

Key words: cognitive mechanism of forming a readiness to professional activity, interdisciplinary integration, professional competency of students of institutes of higher education.

Reference

1. Belovolov V. A., Levin E. M. Gotovnost budushchego ofitsera k professionalnoy deyatelnosti kak psihologo-pedagogicheskoe yavlenie (Willingness of the officer-to-be to professional activity as the psychologic-pedagogical phenomenon). *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal* (The Siberian Pedagogical Journal), 2010, no. 9, pp. 41–50.
2. Bukusheva A. V. *Proektirovanie i realizatsiya sistemy logicheskoy podgotovki budushchego informatika-yurista: avtoref. dis... kand. ped. nauk* (Design and implementation of a system of logical preparation of future Informatics-lawyer: abstract of thesis of the candidate of ped. sciences). Saratov, 2008. 23 p.

ПОДПИСКА

Подписка на I полугодие 2017 года

Индекс издания в объединенном каталоге
«Пресса России» 36014, раздел 30
«Научно-технические издания.
Известия РАН. Известия вузов».

Журнал выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Оформить подписку онлайн можно
в интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru).

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала:
410012, Саратов, Астраханская, 83;
тел. (845-2) 51-45-49, 52-26-89; факс (845-2) 27-85-29;
e-mail: izvestiya@sgu.ru